МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (77) 2026

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2026

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Волгоград : ВА МВД России, 2026. — № 2 (77). — 186 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru),** электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23 мая 2019 г.
Регистрационный номер **ПИ № ФС77-75804**

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

№ 2 (77) 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, начальник кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
https://va-mvd.
editorum.ru/ru/nauka/journal/
245/view

Редакторы
Т. В. Рассказова,
Е. О. Степаненко

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
25.06.2026.

Дата выхода в свет:
30.06.2026.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 23,3.
Усл. печ. л. 21,6.
Тираж 250 экз.
Заказ 35.

Цена по подписке
на 2026 г.
по каталогу
«Пресса России»
1806 руб.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2026

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2026. — No 2 (77). — 186 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system of Russian index scientific citation. Full-text versions of articles, abstracts and bibliographic lists are placed on the sites of scientific electronic libraries "eLIBRARY.RU" **(www.elibrary.ru)**, "Cyberleninka" **(www.cyberleninka.ru)**, in the system "Garant" **(www.garant.ru),** electronic library system "Znanium" **(www.znanium.ru)**

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription at the catalogue "Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal: https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 2 (77) 2026

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the department of detective activities and special equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, head of the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

Editors
T. V. Rasskazova,
E. O. Stepanenko

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
25.06.2026.

Date of publication:
30.06.2026.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 23,3.
Conventional print sheets 21,6.
250 copies.
Order 35.

Subscription price
for the 2025
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1806 rub.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2026

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬЯ НОМЕРА

Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. 9
Классификация
оперативно-разыскных мероприятий
в зависимости от среды проведения

RELEASE ARTICLE

Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.
Classification of detective measures
depending on the sphere

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. 18
Информационно-телекоммуникационные сети
как признак состава преступления

Likholetov A. A., Likholetov Ye. A.
Information and telecommunication networks
as a feature of corpus delicti

Нифталиева И. А. 27
Принципы уголовного права сквозь призму
философских концепций справедливости

Niftaliyeva I. A.
Principles of criminal law from the perspective
of philosophical concepts of justice

Сысолина Н. С. 34
Освобождение
от уголовной ответственности лиц,
добровольно прекративших занимать
высшее положение в преступной иерархии:
проблемы эффективности
и перспективы законодательной регламентации

Sysolina N. S.
Discharging from criminal liability of the persons
who terminated voluntarily
to occupy the top position
in the criminal hierarchy:
problems of efficiency and prospects
for legislative regulation

Шаутаева Р. Х., Шаутаева Г. Х. 40
Условное освобождение от наказания
в особые периоды:
вопросы теории и практики

Shautayeva R. Kh., Shautayeva G. Kh.
Conditional release from punishment
during special periods:
theory and practice issues

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азарова Е. С. 52
Пределы судебного усмотрения
при реализации особого порядка
уголовного судопроизводства
(глава 40 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации):
противоречия и пути их преодоления

Azarova Ye. S.
Limits of judicial discretion, while implementing
special procedure for criminal proceedings
(chapter 40 of the Criminal Procedure Code
of the Russian Federation):
contradictions and ways to overcome them

Гурдин С. В. 61
Система стадий
российского уголовного судопроизводства:
незыблемость процессуальной архитектоники

Gurdin S. V.
System of stages in criminal proceedings
in Russia:
the inviolability of procedural architectonics

Гурьева Н. В. 68
Цифровые (электронные) доказательства:
значение и проблемы достоверности
в уголовном судопроизводстве России

Guriyeva N. V.
Digital (electronic) evidence:
significance and reliability issues
in criminal proceedings of Russia

Колосович М. С., Ходякова Н. В., Глебов В. Г.
Уголовное судопроизводство
и оперативно-разыскная деятельность:
от автономии к интеграции
(проблемы стадии возбуждения
уголовного дела)
76
Kolosovich M. S., Khodyakova N. V., Glebov V. G.
Criminal proceedings and detective activities:
from autonomy to integration
(problems at the stage to initiate a criminal case)

Олейник Е. А.
Процессуальный статус лица, заключившего
досудебное соглашение о сотрудничестве,
в российском уголовном судопроизводстве:
системные противоречия
и векторы реформирования
84
Oleynik Ye. A.
Procedural status of the party
in pre-trial cooperation agreement
in criminal proceedings of Russia:
contradictions of the system
and vectors of the reform

Потапова Е. С.
«Метаморфозы» процессуальных статусов
участников уголовного судопроизводства
92
Potapova Ye. S.
"Metamorphosis" of procedural statuses
of participants in criminal proceeding

Федюкина А. Ю.
Производство осмотра места происшествия
с применением беспилотных аппаратов
в особо опасных условиях
99
Fedyukina A. Yu.
Crime scene search
by using unmanned aerial vehicles
under extremely hazardous conditions

Шкаплеров Ю. П.
Цикличность правотворчества
в уголовном процессе Республики Беларусь
104
Shkaplerov Yu. P.
The cyclical nature of lawmaking
in the criminal procedure of the Republic of Belarus

КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINALISTICS

Бирюков С. Ю., Панова О. С.
Методы изучения личности
в тактических целях
110
Biryukov S. Yu., Panova O. S.
Methods of personality examination
for tactical purposes

Мураев П. П., Фантров П. П.
Типичные следственные ситуации
первоначального этапа
расследования террористического акта
120
Murayev P. P., Fantrov P. P.
Typical investigative situations at the initial stage
of investigation of a terrorism-related act

Рыжкова А. А.
Основные элементы криминалистической
характеристики преступлений, совершенных
в сфере жилищно-коммунального хозяйства,
повлекших причинение вреда жизни
и здоровью человека
128
Ryzhkova A. A.
Core forensic attributes of housing
and utilities crimes
resulting in harm to human life and health

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Юшков А. С.
Оперативно-разыскное задержание:
уголовно-процессуальные
и оперативно-разыскные аспекты
ограничения права на свободу
и личную неприкосновенность
136
Yushkov A. S.
Detective detention:
criminal procedure and detective aspects
to restrict the rights
to freedom and inviolability of the person

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Олесовец В. Г.
Трансформация исправительных работ
в современной России:
проблемы эффективности
и пути совершенствования 144

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Басханов А. М.
Институт прикосновенности к преступлению:
криминализация общества
или необходимая мера? 150

Данилкина В. М.
Дискуссионные вопросы
о криминалистических возможностях
и пределах использования
искусственного интеллекта
при производстве допроса 158

Обернихина О. В.
Дискуссионные вопросы применения норм
об обратной силе уголовного закона 164

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Бурмагин С. В.
Отзыв официального оппонента
на диссертацию М. А. Жумашева
«Институт реабилитации в уголовном процессе:
законодательное закрепление
и проблемы реализации
(российская и казахстанская модели)» 175

Смагоринский Б. П.
Отзыв официального оппонента
на диссертационное исследование
Даниля Ильдаровича Калимуллина
«Криминалистические особенности расследования
занятия высшего положения
в преступной иерархии»,
представленное на соискание ученой степени
кандидата юридических наук 180

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

Olesovets V. G.
Transformation of community service activities
in modern Russia:
problems of efficiency and ways of improvement

SCIENTIFIC DISCUSSION

Baskhanov A. M.
Institute of inviolability to a crime:
criminalization of a society
or a necessary measure?

Danilkina V. M.
Discussion issues on forensic capabilities and limits
to use artificial intelligence in interrogation

Obernikhina O. V.
Debate on application of norms
on the retroactive effect of criminal law

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

Burmagin S. V.
The official opponent's review of the dissertation:
M. A. Zhumashev
"Institute of rehabilitation in criminal procedure:
legislative fixation and implementation problems
(models of Russia and Kazakhstan)"

Smagorinsky B. P.
The official opponent's review of the dissertation:
Danil Ildarovich Kalimullin "Criminalistic specifics
of investigation of occypying top position
in the criminal hierarchy"
(submitted for an academic degree
of a candidate of juridical sciences)

УДК 343.102

КЛАССИФИКАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СРЕДЫ ПРОВЕДЕНИЯ

Андрей Иванович Тамбовцев*, Николай Владимирович Павличенко**

* Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, bestcopat@mail.ru

****** Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, Москва, Россия, pavlichenko.pro@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают среду проведения оперативно-разыскных мероприятий и приходят к выводу, что знание фундаментальных качественно-количественных (агрегатных и т. п.), функциональных (поведенческих) и иных параметров и особенностей среды, в которой планируется проведение оперативно-разыскных мероприятий, определяет наиболее оптимальный для данной ситуации оперативно-разыскной инструментарий, методологию его использования, меры безопасности и пр. Рассуждая о возможности классификации оперативно-разыскных мероприятий в зависимости от среды (сферы) их проведения, авторы берут за основу не просто место проведения, которое для одного и того же мероприятия может быть различным, а именно ту субъектно-объектную (социальную, материальную или некую техническую) среду, в которой обращается искомая информация и где для ее поиска, обнаружения и получения (изъятия) и целесообразно проводить оперативно-разыскное мероприятие. В результате научного поиска авторы предлагают все оперативно-разыскные мероприятия в зависимости от среды (сферы) их осуществления разделить на оперативно-разыскные мероприятия, осуществляемые в социальной среде (среди и в отношении физических и юридических лиц); оперативно-разыскные мероприятия, осуществляемые в материальной среде (среди объектов естественного и искусственного происхождения); оперативно-разыскные мероприятия, осуществляемые в зависимости от ситуации, целей и задач, как в социальной, так и в материальной среде.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, среда, социальная среда, материальная среда, техническая среда

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Классификация оперативно-разыскных мероприятий в зависимости от среды проведения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 9—17.

CLASSIFICATION OF DETECTIVE MEASURES DEPENDING ON THE SPHERE

Andrey Ivanovich Tambovtsev*, Nickolai Vladimirovich Pavlichenko**

* Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, bestcopat@mail.ru

** Research institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, pavlichenko.pro@mail.ru

Abstract. In this article, the authors consider the sphere of taking detective measures and conclude that knowledge of fundamental qualitative and quantitative (aggregate, etc.), functional (behavioral) and other parameters and specifics of planned detective measures determines the most appropriate tools for a given situation, methodology of its use, safety, etc. When discussing the possibility to classify detective measures according to the sphere where they are taken, the authors do not take the location (scene) as a basis, which can be different for the same activities. They rely on that subject-object (social, material or some technological) sphere where such information is and where it is necessary to take detective measures related to searching, detecting and obtaining (seizing) the information mentioned. As a result of scientific study, the authors propose to distinguish all detective measures depending on the sphere into: detective measures taken in social sphere (among and with respect to indi-

© Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В., 2026

viduals and legal entities); detective measures taken in material sphere (among objects of natural and artificial origin); detective measures taken according to the situation, goals and tasks, both in the social and material sphere.

Keywords: detective activities, detective measures, sphere, social sphere, material sphere, technological sphere

For citation: Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Classification of detective measures depending on the sphere. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—17, 2026. (In Russ.).

Оперативно-разыскная информация, необходимая для достижения цели и решения задач оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), может находиться в различной совокупности объектов материального и идеального мира, в которых уполномоченные оперативно-разыскные органы в установленном законом порядке осуществляют оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ). Даже самый поверхностный анализ наименований и содержательной (функциональной) составляющей ОРМ позволяет вполне обоснованно утверждать, что они могут осуществляться в отношении различных объектов оперативного интереса (живых лиц или социальных групп, а также производственных, торговых, финансовых, экономических, культурных, социальных и других предприятий и организаций) и в разных условиях и даже средах (в самом широком понимании этого термина — в деревнях и мегаполисах, на суше и в воде, горной или лесистой местности, объектах связи или транспорта, радиоэфире или проводных линиях связи и т. д.). Названия целого ряда научных работ (от тезисов и статей до диссертаций и монографий) указывают не только на теоретическую допустимость и правомерность подобного суждения, но и на практическую реализацию такого подхода [1—4].

Представляется очевидным и не требующим какого-либо доказательства, что некоторые ОРМ объективно могут быть проведены только и исключительно в одной среде (например, прослушивание телефонных переговоров — только в сетях связи, а опрос — только среди живых лиц, причем разными, непосредственными и опосредованными способами), в то время как другие ОРМ допускают их применение и в одних, и в других средах — природных, технических, социальных.

Сказанное дает нам основание для возможности и целесообразности классификации всех ОРМ по указанному принципу: в зависимости от среды (сферы) их осуществления, которая, в свою очередь, в основном (но не всегда!) связана с характером (природой) информации. Рассмотрим содержательно-функциональные аспекты всех ОРМ через указанную призму и попытаемся определиться, допустима ли предложенная классификация и насколько она необходима для теории и практики.

Прежде всего отметим, что, рассуждая о возможности классификации ОРМ в зависимости от среды (сферы) их проведения, мы имеем в виду не просто место проведения, которое для одного и того же мероприятия может быть различным, а именно ту субъектно-объектную (социальную, материальную или некую техническую) среду, где обращается искомая информация и где для ее поиска, обнаружения и получения (изъятия) и целесообразно проводить ОРМ. Например, ОРМ «Опрос» может быть проведен в городе и в деревне, на улице или в помещении, по месту жительства опрашиваемого или в служебном кабинете оперативного сотрудника, в многолюдной толпе или в безлюдном месте, в транспорте и т. п. Но в любом случае опрос может проводиться только и исключительно в отношении живых лиц, хотя и в различных вариантах — непосредственно или опосредованно через телефон, Интернет, радио и пр., в том числе с использованием автоматизированных систем. Контингент опрашиваемых лиц также может быть безгранично вариативен по самому разнообразному набору критериев: мужчины и женщины; взрослые (совершеннолетние) и несовершеннолетние; граждане (подданные) государства, иностранцы и лица без гражданства или с двойным гражданством; судимые и несудимые; обладающие свидетельским или иным иммунитетом; дееспособные и недееспособные; психически здоровые и больные и т. п.

С другой стороны, само название ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» прямо указывает на обобщенный перечень неких материальных сред или локаций, которые могут быть подвергнуты обследованию. Но объектом поиска будет всегда нечто материальное, независимо от размеров, агрегатных состояний и консистенций (в том числе живой человек, труп или останки). И при проведении именно указанного ОРМ это «материальное» может находиться только в материальной среде. Другое просто невозможно! Однако в то же самое время ОРМ «Проверочная закупка» проводится только среди субъектов (физических или юридических лиц), но направлено может быть на получение некоего как материального по своей природе объекта, так и немате-

риального — услуги, как продаваемого товара, а также на выявление и документирование события (например, противоправных действий человека — факта сбыта чего-либо, который вообще не осязаем, но может иметь идеальные или материальные следы).

Тут, по нашему мнению, важно не то, в какой географической, ландшафтной или социальной локации (хотя с сугубо прикладной организационно-тактической точки зрения и это имеет значение!) проводится ОРМ, а то, какая именно среда с ее физическими, информативными, следообразующими, поисковыми и прочими характеристиками и параметрами является средой непосредственного поиска информации, ею же обусловленной, что изначально определит когнитивный инструментарий и методику его использования. Сказанное всецело относится не только к ОРМ «Обследование...», но и ко всем остальным. Аналогичные ситуации просматриваются при понятийном и содержательном анализе иных ОРМ.

Так, исходя из названия ОРМ «Исследование предметов и документов», можно предположить, что понятия «предметы» и «документы» если и не безграничны в своем содержании, то весьма обширны и вариативны. Понимая, что «Исследование предметов и документов», как оперативно-разыскное мероприятие, есть практически сущностный, но непроцессуальный аналог соответствующего следственного действия, можно категорично утверждать, что их количество в основном соответствует перечню экспертиз, представленных в Приложении 2 к приказу МВД России «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» от 29 июня 2005 г. № 511[1], и насчитывает не менее 50, а с учетом разновидностей экспертиз — намного больше.

В ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» упомянутые образцы (даже без перечисления их видов) могут иметь отношение к анатомии, физиологии и социальным активностям человека, результатам деятельности коллективов и организаций, производственно-экономической, хозяйственно-административной, финансово-бухгалтерской, коммуникативной, делопроизводственной и прочей деятельности физических и юридических лиц и многое другое.

ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» указывает на три контролируемые сферы почтовой связи, которые в, свою очередь, могут «делиться» на некие подвиды: письма, посылки, бандероли, телеграммы, телетайпы, факсы и пр., предусмотренные «Правилами оказания услуг почтовой связи», утвержденными приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 17 апреля 2023 г. № 382[2], а также другими нормативными актами и правилами самой «Почты России». К таковым, среди прочих, относятся: почтовая карточка, письмо, бандероль, посылка, секограмма, отправление 1-го класса, отправление EMS (Express Mail Service). По характеру пересылки и категории: внутренние, международные, заказные, с объявленной ценностью, с наложенным платежом.

Подобные же специфики просматриваются и в иных ОРМ.

Полагаем, что, оценивая ОРМ по среде (сфере) их проведения, допустимо все их разделить на следующие группы.

1. ОРМ, проводимые в социальной среде — среди и / или в отношении живых (физических) лиц. Очевидно, что мероприятиями, гарантированно входящими в эту группу, являются «Опрос», «Наведение справок», «Проверочная закупка», «Наблюдение», «Отождествление личности», «Оперативное внедрение», «Оперативный эксперимент». Они реализуются самыми разными функциональными действиями исполнителей и участников, но при этом осуществляются исключительно в социуме и в отношении членов этого социума.

В свете сказанного интересен анализ некоторых ОРМ, чьи отдельные функциональные особенности могут порождать определенные сомнения в относимости их к тому или иному классу (группе).

ОРМ «Наведение справок». Традиционно принято считать, что наведение справок заключается в обращении к учетам каких-либо организаций,

[1] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: [зарегистрир. в Минюсте России 23 августа 2005 г. № 6931] // Российская газета. 2005. 30 авг. № 191.

[2] Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 17 апреля 2023 г. № 382 [зарегистрир. в Минюсте 02.06.2023 № 73719] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

учреждений или ведомств для получения оперативно или даже процессуально значимой информации. Возникает вопрос: а является ли это социальной (в смысле — межличностной) средой? Полагаем, что является! Согласно положениям модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в частности ст. 1 «Основные понятия, применяемые в настоящем Законе»[1], и воззрениям целого ряда ученых [5, с. 128—129; 6, с. 47; 7, с. 20—24], ОРМ «Наведение справок» может осуществляться путем направления запросов не только в некие учреждения и организации (юридическим лицам) для получения информации из принадлежащих им учетов, но и физическим лицам, т. е. гражданам. С гражданами все понятно — это безусловный пример коммуникации, т. е. социального взаимодействия правоохранительных органов с одной стороны и человека (физического лица) — с другой. А как с организациями? Казалось бы, запрос в одну организацию является максимально «обобщенным обращением с вопросом или просьбой» другой (правоохранной) организации. Но тут необходимо понимать, что такой запрос направляется, как правило, на собственника, руководителя (или иным образом уполномоченное должностное лицо) от имени иного должностного лица, представляющего орган, уполномоченный на осуществление ОРД, и заключается в определенной вербальной, письменной, электронной и тому подобной коммуникации, что по своей сути является субъект-субъектной деятельностью (взаимодействием) и априори указывает на социальную среду проведения данного ОРМ.

Никакого дисбаланса в эти рассуждения пока еще не вносят активно и повсеместно внедряемые автоматические системы коммуникаций (ответов на поступающие в организацию вопросы) на базе искусственного интеллекта. В данном случае живой человек (оператор / исполнитель организации, отвечающей на запрос) просто заменен на техническое устройство, осуществляющее поиск информации в автоматизированной базе данных и ее направление респонденту электронным письмом (SMS) или сгенерированным голосовым сообщением. Однако если со временем и революционным развитием технологий подобная коммуникация будет не просто полностью автоматизирована, а станет предметом «инициативного» формирования и направления запросов (и ответов на них в виде «сухих» цифр, статистики, аналитической диагностики или прогнозирования) на основании самостоятельного анализа имеющегося массива разнообразных данных оперативно-разыскного, уголовно-процессуального, криминологического характера искусственным интеллектом / программными самообучающимися ботами, то вполне вероятно, что сферу проведения уже такого трансформированного ОРМ «Наведение справок» придется пересмотреть и, возможно, признать «перешедшей» из социальной в техническую область.

Отдельного комментария требует ОРМ «Наблюдение». Несомненно, наблюдать можно как за живым человеком, так и за неким социальным, производственным, торговым и тому подобным объектом или территорией (например, местом ранее совершенного или предполагаемого в будущем преступления, местом вероятного появления разыскиваемого лица). Но в любом случае искомым результатом будет информация, прямо или косвенно связанная с неким индивидом (как элементом неразрывной триады объектов учета «лица — события — предметы»), ибо без его (лица) участия не может произойти никакое событие и никакое изменение материальной обстановки на наблюдаемом объекте или территории. Иными словами, среда проведения ОРМ все равно является социальной, хотя, несомненно, любое ОРМ проводится в какой-то географической локации, в каких-то материальных условиях, ибо другое просто невозможно!

2. ОРМ, проводимые в материальной среде. Мероприятиями данной группы являются «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «Исследование предметов и документов», «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений». Даже сами наименования перечисленных ОРМ указывают на их отношение именно к материальной (объектно-предметной) сфере. Как было указано ранее, попытки полного и точного перечисления возможных объектов данной среды (сферы или области) представляются заранее обреченными на неудачу ввиду их практически бесконечного множества и постоянного роста количества разновидностей.

Наиболее обобщенно объекты обследования помещений, зданий, сооружений, участков мест-

[1] Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ; постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 г.) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

ности и транспортных средств перечислены в самом названии мероприятия и, по нашему убеждению, охватывают собой практически все (т. е. любые) природные и / или рукотворные объекты самого разнообразного назначения (а также их составные элементы). Аналогично этому ОРМ «Исследование предметов и документов» охватывает своим названием практически любой материальный объект окружающего нас мира. О совокупности объектов ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» мы писали выше.

Понятно, что в определенных ситуациях такие мероприятия проводятся с обязательным или вынужденным участием (или просто присутствием) некоторых сторонних лиц. Но это не делает подобное мероприятие «проводимым в социальной среде», так как наличие людей в данном случае является не просто не определяющим, а нежелательным (отвлекающим или даже мешающим / вредным) фактором. Любое ОРМ из представленного перечня направлено именно и прежде всего на материальный объект и / или среду его существования (пребывания).

В то же время интересным представляется анализ ОРМ «Исследование предметов и документов» в соотношении и сравнении с взаимосвязанным и «обеспечивающим» его ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования». Как будет доказано ниже, ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» является мероприятием «смешанного» типа и, хотя и направлено на получение материальных (или условно материальных) объектов, может проводиться как в социальной среде (т. е. среди и в отношении людей), так и в материальной (естественной природной и / или искусственно созданной). В свете сказанного возникают сомнения, как с позиции среды проведения расценивать ОРМ «Исследование предметов и документов», которые получены либо в социальной, либо в материальной среде? Полагаем, что ответ на этот вопрос заключается в совокупности следующих положений:

— наименование ОРМ «Исследование предметов и документов» категорично указывает на их (объектов исследования) материальную природу;

— объект предполагаемого исследования, полученный в социальной среде, все равно имеет материальную (условно-материальную) природу;

— содержание любых из существующих на данный момент разновидностей ОРМ «Исследование предметов и документов» не предполагает изучения живого человека социальными методами — социологии, психологии, психиатрии, медицины и т. п. по аналогии с соответствующими видами судебных (например, психолого-психиатрических) экспертиз живых лиц, хотя некоторые близкие по значению результаты могут быть получены посредством иных ОРМ — опросом, в том числе с использованием полиграфа, наблюдением (с последующим анализом поведения психологом / психиатром или профайлером) и пр.

3. ОРМ, проводимые в технических (радио-, электро-, цифровых и пр.) средах. Мероприятия данной группы основаны на характере (сущностной природе) искомой информации и соответствующей среде ее обращения, а именно: проводные и иные телерадиокоммуникационные сети, а также технические и виртуальные (так называемые облачные) устройства сбора, обработки, хранения, передачи технической информации. Такими ОРМ являются «Прослушивание телефонных переговоров», «Снятие информации с технических каналов связи», «Получение компьютерной информации». И природа самой информации, и специфическая среда ее нахождения (существования / оборота) предполагает и соответствующий особый технический инструментарий для ее (информации) поиска, обнаружения, фиксации и изъятия.

Особого осмысления требуют отдельные ОРМ с применением некоторых специальных технических средств ОРД. Таковыми, на наш взгляд, являются опрос с использованием полиграфа, а также электронные виды наблюдения, при которых используются специальные технические средства негласного визуального или слухового контроля (записи). Да, они тоже связаны с некой технической информацией, например с визуализированными или оцифрованными показаниями биологической или физиологической активности органов человека, а также изображениями или звуками, преобразованными в электрические или оптические сигналы для записи или передачи. Но в данном случае сама первичная информация изначально имеет нетехнический характер и обращается в нетехнических средах. Технический же характер этой информации придает специальная инструментальная (приборная) трансформация в «удобные» для обращения, понимания, измерения или передачи виды. Среда же, в которой производится соответствующее ОРМ (опрос на полиграфе или электронные виды наблюдения), все равно остается социальной.

Еще один вопрос возникает при оценке такой активно и весьма результативно практикуемой в последнее время «цифровой» разновидности

ОРМ «Наблюдение» в телекоммуникационных сетях, как «Мониторинг сети Интернет». Какова среда, в которой осуществляется это ОРМ?

С одной стороны, как уже было сказано, наблюдение всегда нацелено на выявление некой активности субъекта, представляющего оперативный интерес, за чем бы мы ни наблюдали — территорией или местностью, социальным, торговым, производственным объектом или же неким предметом (похищенным автомобилем, брошенным / спрятанным оружием, пересылаемой партией наркотиков и пр.), ибо только субъект (живой человек) способен на какие-то действия. То есть очевидна социальная сфера, в которой должно осуществляться ОРМ.

С другой стороны, информация создается, аккумулируется, обращается и находится именно в сети Интернет[1] в самом широком понимании этого термина, давно и общепризнанно представляющей из себя самостоятельную среду. И данная среда, и находящаяся в ней информация имеют исключительно техническую, а именно цифровую природу, и не могут быть познаны посредством «обычных» (не технических) ОРМ. Сказанное позволяет нам вполне обоснованно предполагать, что рассматриваемая разновидность ОРМ «Наблюдение» может осуществляться исключительно в Интернете — телерадиокоммуникационной сети, являющейся одной из разновидностей (а именно — цифровой) технических сред. А потому и само мероприятие (как вариант ОРМ «Наблюдение» в сети Интернет) должно быть отнесено к рассматриваемой группе.

4. ОРМ, проводимые в зависимости от ситуаций и целей в различных средах (мероприятия смешанного типа). Такими ОРМ, по нашему мнению, являются «Сбор образцов для сравнительного исследования» и «Контролируемая поставка».

Изучение ряда научных работ по проблематике сбора образцов для сравнительного исследования [8—10] указывает на то, что ученые практически единогласно относят к образцам именно материальные объекты, отмечая, что они могут иметь отношение как к некоему лицу (в том числе юридическому), так и к некоему событию (в основном противоправному). Именно возможность получения образцов не только от объектов материального мира, но еще и от субъектов (живых людей) позволяет нам утверждать о смешанном характере данного ОРМ в контексте среды (сферы) его проведения. Данные научные позиции подтверждаются и в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 327-О[2], в котором указано, что целью ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» является сбор юридически значимой информации, ее последующая проверка, сопоставление и оценка фактов, свойств или признаков двух или более объектов, т. е. информации без указания на ее относимость к материальному объекту или живому субъекту, что нам представляется рациональным.

В то же время считаем целесообразным акцентировать внимание на том, что образцы, изымаемые в материальной (неживой) или социальной среде, не всегда имеют материальную природу. В частности, в отличие от любых биологических образцов человека (волосы, частички эпидермиса, слюна, кровь и пр.), такими образцами являются образцы голоса (а по большому счету — образцы любых звуков), которые, в соответствии с определениями Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2211-О, от 27 февраля 2020 г. № 320-О и от 23 апреля 2020 г. № 1055-О[3], могут быть получены не только

[1] Мы, конечно же, понимаем, что во многих случаях цифровая информация — текст, фото, видео и пр. — может изначально создаваться на каком-то внешнем устройстве (компьютере, телефоне, фотокамере и т. п.), и только потом «переноситься» в Интернет. Вместе с тем нет никаких гарантий сохранности или уничтожения первичной информации — оригинала файла или компьютерной программы на том устройстве, где информация была создана (получена) или куда были отправлены ее копии. Хотя сама возможность существования аналоговой или цифровой копии информации, находящейся в Сети (или ранее находившейся и удаленной оттуда), должна учитываться оперативными сотрудниками при поиске возможных источников информации.

[2] По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.08.2025).

[3] См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О // Справ.-правовая система

путем соответствующих следственных действий, но и в рамках ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования». На это также указывают и правоведы [11, с. 106—107]. Учитывая, что голос, как образец функциональной особенности человека, имеет нематериальную природу, но при этом может быть получен посредством аудиофиксации (записи) на магнитный (или иной) носитель, считаем возможным определить такой образец «условно-материальным». Определенной аналогией нам представляются и образцы следов пальцев рук (именно папиллярные узоры, а не биологические жидкости, оставляемые ими на какой-либо поверхности), которые могут быть изъяты исключительно в виде проявляемых и фиксируемых определенным образом отпечатков, а не сами по себе.

ОРМ «Контролируемая поставка» также должно быть отнесено к классу «смешанных» по среде проведения ввиду того, что способы поставки различных предметов и веществ предполагают перемещение объекта поставки как с непосредственным или опосредованным участием одного или нескольких лиц (так называемый курьерский способ), так и без какого-либо их участия (грузовой, контейнерный или почтовый). Иными словами, в одном случае ОРМ проводится за лицами, осуществляющими поставку (курьерами, перевозящими «груз», или лицами, сопровождающими посылку, контейнер, автомобиль и пр.), а в другом — за самим «грузом» (почтовым отправлением, бандеролью, посылкой, контейнером и т. п.). Тем не менее мы, конечно же, понимаем, что никакой груз / посылка не перемещается самостоятельно без участия людей — сотрудников транспортных компаний, почты, курьеров и т. д. К тому же отправление при грузовом, контейнерном или почтовом способе перемещения может сопровождаться лицом, осуществляющим скрытое наблюдение и контроль за самим объектом и процессом перемещения, а при необходимости — вмешательство для устранения «препятствий», ускорения и упрощения перемещения и т. п. Но все-таки типичная особенность грузового, контейнерного или почтового способа поставки заключается именно в отсутствии какого-либо «сопровождения» со стороны преступников на протяжении пути следования. В такой ситуации контроль со стороны правоохранительных органов может осуществляться в определенных точках (пунктах) маршрута фиксацией именно материальных составляющих (физическое наличие «груза» (отправления), транспортные и погрузочно-разгрузочные операции, путевая регистрация при перемещении, заполнение сопроводительных документов (как бумажных, так и электронных), отслеживание по электронному трекеру и пр.) без какого-либо социального взаимодействия с преступниками, создающего риск расшифровки участников ОРМ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Все ОРМ в зависимости от среды (сферы) их осуществления целесообразно разделить:

— на ОРМ, осуществляемые в социальной среде (среди и в отношении физических и юридических лиц), при этом ОРМ, проводимое в социальной среде, может быть направлено на получение некоего материального (условно-материального) объекта;

— ОРМ, осуществляемые в материальной среде (среди объектов естественного и искусственного происхождения). Их проведение может быть сопряжено с объективной социальной активностью (присутствием и жизнедеятельностью отдельных субъектов и групп);

— ОРМ, осуществляемые в зависимости от ситуации, целей и задач как в социальной, так и в материальной среде.

Знание фундаментальных качественно-количественных (агрегатных и т. п.), функциональных (поведенческих) и иных параметров и особенностей среды, в которой планируется проведение ОРМ, определяет оптимальный для данной ситуации оперативно-разыскной инструментарий, методологию его использования, меры безопасности и пр.

«КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.08.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 320-О // Там же; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1055-О // Там же.

1. Вагин О. А. Некоторые особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в следственных изоляторах // Оперативник (сыщик). 2008. № 2 (15). С. 12—14.

2. Середнев В. А. Проведение оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет: учеб.-метод. пособие. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. 54 с.

3. Малышев К. С. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1, № 1 (3). С. 259—264.

4. Жандров В. Ю. Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно-розыскного мероприятия // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 129—138.

5. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. 180 с.

6. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы. В 2 кн. Кн. II. Оперативно-розыскные мероприятия и меры: учеб.-практ. пособие. Москва: Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. 140 с.

7. Агарков А. В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. 89 с.

8. Бакланов Л. А. Проведение оперативно-розыскных мероприятий с использованием геномной информации в целях идентификации неопознанных трупов: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2019. 44 с.

9. Судницын А. Б. Негласное получение биологических образцов для сравнительного исследования при производстве по уголовному делу: альтернатива процессуальному действию или подмена оперативно-розыскным мероприятием? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 16—20.

10. Яковец Е. Н. К вопросу о содержании оперативно-розыскных мероприятий «Сбор образцов для сравнительного исследования» и «Исследование предметов и документов» // Эпомен. 2021. № 51. С. 282—301.

11. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. С. Овчинского. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 488 с.

1. Vagin O. A. Certain features of detective measures in pre-trial detention. Detective, 12—14, 2008. (In Russ.).

2. Serednev V. A. Detective measures on the Internet. Manual. Arzamas: Arzamas branch of SUNN; 2017: 54. (In Russ.).

3. Malyshev K. S. Features of detective measures related to minors. Existing criminal procedure law — lessons of history and aspects of further reform, 259—264, 2021. (In Russ.).

4. Zhandrov V. Yu. Test purchasing of drugs on the Internet: formation of a new model of detective measure. Works of the Academy of Management of the MIA of Russia, 129—138, 2024. (In Russ.).

5. Chechetin A. Ye. Topical aspects of the detective measures theory. Monograph. Moscow: Publishing house of Shumilova I. I.; 2006: 180. (In Russ.).

6. Shumilov A. Yu. Detective activities: questions and answers. In 2 vols. Vol. II. Detective measurees. Manual. Moscow: Publishing house of Shumilova I. I.; 2006: 140. (In Russ.).

7. Agarkov A. V. Definitions of detective measures: comparative analysis and legislation. Monograph. Vladimir: VLI of the FPS of Russia; 2017: 89. (In Russ.).

8. Baklanov L. A. Taking detective measures by using genomic information in order to identify unidentified corpses. Manual. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2019: 44. (In Russ.).

9. Sudnitsyn A. B. Unofficial obtaining biological specimen for comparative study in criminal proceedings: an alternative to procedural action or substitution through detective measure? Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 16—20, 2019. (In Russ.).

10. Yakovets Ye. N. To the issue of the detective measures contents "Collection of samples for comparative study" and "Study of objects and documents". Epomen, 282—301, 2021. (In Russ.).

11. Commentary to the Federal Law "On Detective Activities". Red. by V. S. Ovchinsky. Moscow: Norma: INFRA-M; 2022: 488. (In Russ.).

Тамбовцев Андрей Иванович,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
bestcopat@mail.ru

Tambovtsev Andrey Ivanovich,
associate professor
at the detective activities department
in the internal affairs bodies
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
bestcopat@mail.ru

Павличенко Николай Владимирович,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlichenko.pro@mail.ru

Pavlichenko Nickolai Vladimirovich,
chief research scholar
of the Research institute
of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
pavlichenko.pro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.34

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Александр Александрович Лихолетов*, Евгений Александрович Лихолетов**
* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru
** Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия, l.evgeni.a@mail.ru

Аннотация. Всеобъемлющая интеграция передовых достижений научно-технического прогресса практически во все сферы жизнедеятельности форсировала оптимизацию затрат человеческих ресурсов на решение разноплановых задач, стоящих перед социумом и государством на современном этапе. Внедрение инновационных технологий в производственные цепочки, широкомасштабное использование возможностей искусственного интеллекта и информационно-телекоммуникационных сетей в личных, общественных и служебных целях ознаменовали новый этап эволюционных процессов мирового сообщества, связанных с его глобальной цифровизацией. Вместе с тем революционные разработки, призванные упростить жизнь людям, часто используются и в криминальных схемах. В статье проводится анализ вариантов нормативного закрепления признаков составов преступлений, содержащих указание на информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, в Уголовном кодексе Российской Федерации на современном этапе. На основании результатов исследования авторы приходят к выводу об отсутствии идентичности легальных формулировок указанного признака и необходимости приведения текста уголовного закона к единообразию.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, объективная сторона преступления, сеть Интернет, состав преступления, юридическая техника

Для цитирования: Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Информационно-телекоммуникационные сети как признак состава преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 18—26.

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS AS A FEATURE OF CORPUS DELICTI

Alexander Alexandrovich Likholetov*, Yevgeny Alexandrovich Likholetov**
* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, a.likholetov@mail.ru
** Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia, l.evgeni.a@mail.ru

Abstract. The comprehensive integration of modern scientific and technological advances into all spheres of life has accelerated the optimization of human resource to address diverse challenges facing the society and the state today. The introduction of innovative technologies into production chains, wide applying artificial intelligence and information and telecommunications networks for personal, social and professional purposes have determined a new stage in the evolution of the global society caused by its global digitalization. At the same time crucial developments formed to make life easier are often used in criminal schemes. The article analyzes variants for the statutory consolidation of the features of corpus delicti, indicating information and telecommunication network, including the Internet, in the Criminal Code of the Russian Federation at present. On the basis of the research results, the authors come to the conclusion that lawful formulations of the mentioned feature are not similar and it is necessary to standardize the text of criminal law.

Key words: information and telecommunication network, the objective aspect, the Internet, corpus delicti, juridical technique

For citation: Likholetov A. A., Likholetov Ye. A. Information and telecommunication networks as a feature of corpus delicti. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,18—26, 2026. (In Russ.).

© Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А., 2026

Разновекторный функционал информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС) и их повсеместное распространение, облегчающие достижение противоправного результата, привели к резкому росту числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Так, с 2019 по 2024 г. включительно, несмотря на отрицательную динамику регистрации всех уголовно наказуемых деяний в нашей стране, количество анализируемых посягательств увеличилось более чем вдвое. И только в 2025 г. впервые отмечено снижение числа таких преступлений (—11,8 %)[1] (рис. 1).

Ужесточение ответственности за деяния, совершаемые с использованием ИТС, впервые в отечественном законодательстве было осуществлено в октябре 2009 г. и связано с криминализацией манипулирования ценами на рынке в рамках новой ст. 185[3] Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), квалифицированный состав которой содержал указанный признак[2].

С этого момента парламентариями взят курс на усиление правовых мер противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТС, а в содержании УК РФ стали появляться соответствующие нормы.

Одним из существенных изменений уголовного закона в указанном направлении в последнее время следует признать его дополнение в 2024 г. новым обстоятельством, отягчающим наказание: п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ — совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или ИТС (включая сеть Интернет), а также включение аналогичных по содержанию квалифицирующих признаков в ряд составов преступлений против личности[3].

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в период с 2019 по 2025 г.

[1] Состояние преступности в России с 2019 по 2025 г. URL: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения: 07.02.2026).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Помимо указанных выше поправок, до конца 2025 г. было предпринято еще несколько шагов по ужесточению ответственности за некоторые деяния, связанные с использованием ИТС при совершении преступления. В частности, такой признак включен в качестве квалифицирующего в состав организации незаконной миграции[1]. Аналогичные по содержанию (но не по форме) обстоятельства, усиливающие ответственность, появились в ст. 150 и 151 УК РФ[2].

Кроме того, уголовный закон дополнен двумя новыми составами преступлений в сфере ИТС: ст. 272^1, в ч. 6 которой, наряду с другими деяниями, закреплена ответственность за создание или обеспечение функционирования сайта в сети Интернет или страницы сайта в сети Интернет, заведомо предназначенных для незаконных хранения, передачи (распространения, предоставления, доступа) компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем[3], а также ст. 274^5, запрещающая организацию деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации или авторизации пользователя сети Интернет для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса[4].

По состоянию на 1 марта 2026 г. в уголовном законе указание на ИТС, разновидностью которых выступает сеть Интернет, в различных вариантах нормативного изложения содержится более чем в полусотне норм. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие единообразия законодательного описания в некоторых составах преступлений данного признака. И если в одних случаях такой подход можно объяснить ролью этого признака, т. е. его относимостью к объекту или объективной стороне состава преступления, то в других подобная юридико-техническая бессистемность при построении диспозиций норм вызывает ряд вопросов.

Всего сеть Интернет упоминается в Особенной части уголовного закона в 13 вариациях изложения (табл. 1), из которых в большинстве характеризует объективную сторону преступления, а в шести составах (ч. 6 ст. 272^1, ч. 1 ст. 274, ч. 3 ст. 274^1, ч. 1 ст. 274^2, ч. 2 ст. 274^2, ч. 1 ст. 274^5 УК РФ) отражает особенности предмета посягательства, среди описания признаков которого тождества также не наблюдается. Так, в ч. 6 ст. 272^1 УК РФ таковыми выступают *информационный ресурс* (*сайт в сети Интернет и (или) страница сайта в сети Интернет*), в ч. 1 ст. 274 и ч. 3 ст. 274^1 УК РФ — правила эксплуатации *информационно-телекоммуникационных сетей*, а также правила доступа к *информационно-телекоммуникационным сетям*, в ч. 1 ст. 274^2 и ч. 2 ст. 274^2 УК РФ — технические средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории нашей страны *информационно-телекоммуникационной сети Интернет*, а в ч. 1 ст. 274^5 УК РФ — информация, необходимая для регистрации и (или) авторизации пользователя *сети Интернет*. Таким образом, даже в рамках одной сравнительно небольшой по количеству статей главы 28 уголовного закона содержится три варианта легального закрепления признаков предмета преступления: сеть Интернет, информационно-телекоммуникационная сеть, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Между тем характеристика объективной стороны еще более разнообразна и представлена девятью способами ее законодательного описания. Сложно при этом не обратить внимания на незначительные отличия в формулировках, в том числе в ситуациях, когда они разнятся между собой исключительно отдельными служебными частями речи. Например, в ч. 1.1 ст. 238^1 УК РФ в качестве дизъюнкции между словосочетаниями «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети» используется соединительный союз «или», а в п. «б» ч. 3 ст. 133, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242^1 и др. — союз «либо». Нормативные формулировки анализируемого признака в некоторых деяниях, в том числе связанных с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобществен-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

ные действия, отличаются от изложения диспозиции нормы об ответственности за клевету с использованием сети Интернет знаками препинания (в первом случае используются круглые скобки, а во втором — запятая).

Подобная вариативность в формулировании уголовно-правового запрета привела к тому, что в науке не устоялось единое мнение относительно того, к какому конкретно признаку состава преступления необходимо относить сеть Интернет.

Таблица 1

Варианты законодательного описания признаков составов преступления, содержащих указание на ИТС (сеть «Интернет»)

	Законодательная формулировка	Статья
1	с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)	П. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127^2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258^1, п. «б» ч. 3 ст. 260^1
2	совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)	П. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110^1, п. «в» ч. 2 ст. 151^2
3	распространение в информационно-телекоммуникационных сетях	Ч. 3 ст. 137
4	сопряженное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)	Ч. 2 ст. 110^2
5	совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»	Ч. 2 ст. 128^1
6	совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)	П. «б» ч. 2 ст. 150, п. «б» ч. 2 ст. 151, п. «д» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242^2, ч. 2 ст. 280^1
7	совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»	П. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 1 ст. 171^2, ч. 2 ст. 205^2, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222^1, п. «в» ч. 5 ст. 222^1, п. «в» ч. 3 ст. 222^2, п. «в» ч. 5 ст. 222^2, п. «б» ч. 2 ст. 228^1, ч. 1.1 ст. 238^1, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242^1, ч. 1.1 ст. 258^1, ч. 2 ст. 260^1, ч. 2 ст. 280, п. «в» ч. 2 ст. 280^4, ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282, п. «д» ч. 2 ст. 322^1, п. «в» ч. 2 ст. 354^1, ч. 4 ст. 354^1
8	через информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)	Ч. 1 ст. 185^3
9	иное вмешательство в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей	Ч. 1 ст. 159^6
10	правила эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям	Ч. 1 ст. 274, ч. 3 ст. 274^1
11	информационный ресурс (сайт в сети «Интернет» и (или) страница сайта в сети «Интернет)	Ч. 6 ст. 272^1

Окончание таблицы 1

	Законодательная формулировка	Статья
12	технические средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	Ч. 1 ст. 274^2, ч. 2 ст. 274^2
13	информация, необходимая для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет»	Ч. 1 ст. 274^5

Так, М. А. Ефремова считает, что в группе посягательств, совершаемых с использованием ИТС, таковые, являясь признаком объективной стороны, выступают средством совершения преступления [1, с. 105]. Рассматривая проблемы совершенствования нормы об ответственности за торговлю людьми, М. Е. Гущев и Н. В. Летелкин приходят к аналогичному выводу [2, с. 92].

Другие авторы относят сеть Интернет к способу совершения преступления [3, с. 120; 4, с. 376; 5, с. 102].

Заслуживающее интереса мнение высказывают Ю. С. Пестерева и С. Е. Тимошенко, полагающие, что использование глобальной сети в процессе прямой трансляции совершаемого преступления против личности следует рассматривать в качестве обстановки совершения преступления, а при последующем размещении записи в ИТС как «криминализированное постпреступное поведение (по аналогии с п. «б» ч. 2, п. «б» ч. 4, п. «б» ч. 5, п. «б» ч. 6 ст. 264 УК РФ)» [6, с. 607].

На неоднозначную природу сети Интернет как признака объективной стороны преступления указывают также Л. В. Иванова и Г. В. Пережогина, считающие, что ИТС выступают в качестве средства, способа, обстановки (в случае онлайн-трансляции деяния), а также могут характеризовать самостоятельное действие, входящее в объективную сторону преступления, в случае опубликования противоправного посягательства после его совершения [7, с. 166]. Такая позиция представляется более предпочтительной, поскольку в зависимости от ситуации, а точнее от законодательной формулировки, сеть Интернет может выступать не только в качестве различных признаков объективной стороны, но и, как отмечалось выше, даже предмета преступления.

Отсутствие единообразия в нормативном описании анализируемого признака приводит к сложностям понимания его сущности и функциональной роли в составе преступления. Так, в ч. 3 ст. 137 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за незаконное распространение в ИТС информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий. Таким образом, буквальное толкование этой нормы позволяет прийти к заключению, что сеть Интернет в данном случае является местом совершения уголовно наказуемого деяния.

В теории место традиционно определяется как «пространственная характеристика преступления, непосредственно указывающаяся или подразумевающаяся в диспозициях уголовно-правовых норм и влияющая на квалификацию преступления и индивидуализацию уголовной ответственности и наказания» [8, с. 417].

Легальное определение ИТС[1], а также позиции ученых [9, с. 4—21; 10, с. 125—126] позволяют прийти к выводу о том, что сеть Интернет можно рассматривать как пространственную характеристику. Кроме того, в специальных науках, как и в обиходе, давно устоялось понятие «интернет-пространство» [11, с. 118—121]. Изложенное позволяет резюмировать, что избранный законодателем способ построения норм, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110^1, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151^2 УК РФ, свидетельствует о том, что сеть Интернет выступает местом совершения уголовно наказуемого деяния.

В большинстве составов преступлений в различных вариациях закрепление изучаемого признака посягательства получило формулировку

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

«...совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей...» (см. табл. 1). В данном случае следует отметить одновременное сочетание способа и средства совершения преступления.

Способом признается совокупность приемов и методов преступного действия [8, с. 442], а средством — приспособление, при помощи которого совершено преступление [12, с. 96]. В пользу довода о том, что сеть Интернет является способом реализации криминального намерения, свидетельствует то обстоятельство, что законодателем употребляется термин «с использованием», который, как отмечают А. Н. Попов, Л. А. Зимирева и П. В. Федышина, часто используется для обозначения указанной категории [13, с. 55]. Проявление сети Интернет в качестве средства совершения уголовно наказуемого деяния выражено в его способности облегчить реализацию преступного умысла, что повышает степень общественной опасности содеянного.

В науке высказано мнение о наличии взаимосвязи двух названных признаков. В частности, В. Н. Кудрявцев еще в 1960 г. отмечал, что многие способы совершения преступления предполагают использование преступниками различных материальных предметов, поэтому понятие средств совершения преступления тесно связано с понятием способа [14, с. 75]. Безусловно, однозначно отнести сеть Интернет к материальным предметам нельзя, однако данная позиция ученого актуальна и на данный момент.

На дуалистическую природу ИТС как признака объективной стороны преступления (способ-средство) указывает и Р. И. Дремлюга. По его мнению, сеть Интернет характеризуется набором принципов, алгоритмов, правил взаимодействия, и в то же время она реализована в материальном мире в виде совокупности соединенных компьютеров [15, с. 34].

Таким образом, в большинстве исследуемых преступлений ИТС выступают в качестве своеобразного сочетания способа и средства совершения деяния. Более того, в ч. 2 ст. 128^1 УК РФ законодатель указывает на обязательную публичность использования глобальной сети при клевете, что позволяет говорить уже о триедином проявлении данного признака в объективной стороне: способ, обстановка, средство.

В статье 185^3 УК РФ при описании объективной стороны преступления использовано сочетание слов «...умышленное распространение через... информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть „Интернет“), заведомо ложных сведений...». Отметим, что подобной формулировки нигде более в положениях уголовного закона, относящихся к исследуемой группе деяний, не встречается. Этимологически предлог «через» в том числе означает «посредством, при помощи» [16, с. 574]. Буквальное толкование диспозиции нормы об ответственности за манипулирование рынком позволяет заключить, что в данном случае ИТС являются средством совершения преступления.

Рассматривая юридико-техническое закрепление признака объективной стороны деяния, совершенного с публичной демонстрацией в сети Интернет, следует поддержать точку зрения Л. В. Ивановой и Г. В. Пережогиной [7, с. 166] о том, что если посягательство транслируется непосредственно в процессе его осуществления, то подобная ситуация должна оцениваться как обстановка совершения уголовно наказуемого деяния, а последующее размещение в ИТС записи процесса реализации преступного намерения является самостоятельным действием, входящим в объективную сторону преступления с квалифицированным составом.

Таким образом, роль ИТС в качестве криминообразующего признака зависит от ее законодательной формулировки в статьях УК РФ. В частности, сеть Интернет в деяниях главы 28 уголовного закона и в ст. 159^6 УК РФ выступает в качестве предмета посягательства, в большинстве составов уголовно наказуемых деяний в виде своеобразного сочетания способа и средства (в ч. 2 ст. 128^1, п. «в» ч. 2 ст. 354^1, ч. 4 ст. 354^1 УК РФ еще и обстановки) совершения преступления, в некоторых — в роли места, а в ч. 1 ст. 185^3 УК РФ — средства реализации задуманного. В преступлениях, сопряженных с публичной демонстрацией, имеет двойственное значение в зависимости от ситуации: является обстановкой или характеристикой деяния, непосредственно образующего объективную сторону (табл. 2).

Не затрагивая обсуждаемый среди ученых вопрос об отсутствии однообразного законодательного подхода к соотношению таких признаков преступления, как средства массовой информации, электронные сети и информационно-телекоммуникационные сети [17, с. 15, 16; 18, с. 26, 27], следует отметить, что бессистемность в нормативном закреплении только описания сети Интернет применительно к изучаемой группе посягательств вряд ли с положительной точки зрения характеризует качество юридико-технического оформления уголовно-правовых запретов.

Таблица 2

ИТС (сеть Интернет) как признак состава преступления

	Признак состава преступления	Статья
1	Обстановка совершения преступления в случае его онлайн-трансляции и самостоятельное действие, входящее в объективную сторону преступления с квалифицированным составом при последующем размещении записи в сети Интернет	П. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127^2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258^1, п. «б» ч. 3 ст. 260^1
2	Место совершения преступления	П. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110^1, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151^2
3	Сочетание способа и средства совершения преступления	Ч. 2 ст. 110^2, п. «б» ч. 3 ст. 133, п. «б» ч. 2 ст. 150, п. «б» ч. 2 ст. 151, ч. 1 ст. 171^2, ч. 2 ст. 205^2, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222^1, п. «в» ч. 5 ст. 222^1, п. «в» ч. 3 ст. 222^2, п. «в» ч. 5 ст. 222^2, п. «б» ч. 2 ст. 228^1, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238^1, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242^1, п. «г» ч. 2 ст. 242^2, ч. 1.1 ст. 258^1, ч. 2 ст. 260^1, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280^1, п. «в» ч. 2 ст. 280^4, ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282, п. «д» ч. 2 ст. 322^1
4	Сочетание способа, средства и обстановки совершения преступления	Ч. 2 ст. 128^1, п. «в» ч. 2 ст. 354^1, ч. 4 ст. 354^1
5	Средство совершения преступления	Ч. 1 ст. 185^3
6	Предмет преступления	Ч. 1 ст. 159^6, ч. 6 ст. 272^1, ч. 1 ст. 274, ч. 3 ст. 274^1, ч. 1 ст. 274^2, ч. 2 ст. 274^2, ч. 1 ст. 274^5

Сложившееся положение дел требует скорейшего приведения уголовного закона к единой (в нормах, где это возможно) модели построения составов, признаком которых выступает сеть Интернет.

Одним из вариантов решения обозначенной проблемы может явиться отказ от использования в диспозиции указания на разновидность ИТС. Существующая на данный момент конкретизация вряд ли необходима, поскольку не имеет значения для квалификации содеянного, а лишь перегружает текст уголовного закона. Кроме того, наряду с сетью Интернет в настоящее время в мире функционируют и другие ИТС: Bitnet, Arpanet, EVnet, Fidonet и т. д.[1] В связи со стремительными темпами научно-технического прогресса не исключена возможность, что в будущем какая-либо из названных или вновь созданных глобальных сетей получит более широкое распространение. Данное обстоятельство потребует внесения очередного пакета изменений в действующее, в том числе уголовное, законодательство, что вряд ли согласуется с правилами юридической техники [19, с. 140].

1. Ефремова М. А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 4 (54). С. 101—106.

1. Yefremova M. A. Information and telecommunication network as a means of committing crimes. Journal of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 101—106, 2023. (In Russ.).

[1] Информационно-телекоммуникационная сеть — это что? Понятие, виды и использование информационно-телекоммуникационных сетей. URL: http://fb.ru/article/198813 (дата обращения: 27.02.2026).

2. Гущев М. Е., Летелкин Н. В. О необходимости криминализации использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) при совершении преступления, предусмотренного статьей 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 3 (53). С. 92—98.

3. Тирранен В. А. Проблемы квалификации отдельных видов преступлений в сети «Интернет» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 119—125.

4. Чамоков Д. М. Уголовно-правовой анализ преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, совершаемых с использованием сети Интернет // Современный ученый. 2024. № 2. С. 375—380.

5. Петрянин А. В., Неганов Д. А. Современное состояние и потенциал уголовного законодательства в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2 (52). С. 99—104.

6. Пестерева Ю. С., Тимошенко С. Е. Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 4. С. 596—608.

7. Иванова Л. В., Пережогина Г. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 4. С. 155—171.

8. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления / В. Н. Кудрявцев, Н. И. Коржанский, В. Б. Малинин (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 797 с.

9. Кутюгин Д. И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2009. 22 с.

10. Быльева Д. С. Сеть интернет как новый тип пространства // Terra Linguistica. 2016. № 2 (244). С. 124—130.

11. Ганский П. Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 118—121.

12. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. В. Намнясевой. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 364 с.

13. Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления:

2. Gushchev M. Ye., Letelkin N. V. On the need to criminalize the use of information and telecommunication network (including the Internet) while committing a crime under article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 92—98, 2023. (In Russ.).

3. Tirranen V. A. Issues of the qualification of certain types of crimes in the Internet. Criminal Law: development strategy in the 21st century, 119—125, 2023. (In Russ.).

4. Chamokov D. M. Criminal law analysis of crimes against public safety and public order committed with the help of the Internet. Modern scientist, 375—380, 2024. (In Russ.).

5. Petryanin A. V., Neganov D. A. Current state and the potential of criminal legislation in the sphere of combating crimes committed with the help of information and telecommunication network, including the Internet. Journal of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 99—104, 2023. (In Russ.).

6. Pestereva Yu. S., Timoshenko S. Ye. Criminal law, criminological, forensic aspects of the public demonstration of crimes against the person in the information and telecommunication Internet. Siberian Law Review, 596—608, 2024. (In Russ.).

7. Ivanova L. V., Perezhogina G. V. Digital sphere as a crime scene in the context of global restrictions. Journal of the Tyumen State University. Social and economic and legal studies, 155—171, 2020. (In Russ.).

8. Kudryavtsev V. N., Korzhansky N. I., Malinin V. B. (red.) (et al.) The encyclopedia of Criminal Law. Vol. 4: Corpus delicti. Saint Petersburg: Publishing house of prof. Malinin; 2005: 797. (In Russ.).

9. Kutyugin D. I. The Internet as a communicative sphere of the information society. Abstract of dissertation of candidate of sociological sciences. Moscow; 2009: 22. (In Russ.).

10. Byliyeva D. S. The Internet as a new type of space. Terra Linguistica, 124—130, 2016. (In Russ.).

11. Gansky P. N. Internet space as a special communication environment and its impact on modern societies. Theory and practice of social development, 118—121, 2015. (In Russ.).

12. Criminal law. General part. Textbook. Red. V. V. Namnyaseva. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2021: 364. (In Russ.).

13. Popov A. N., Zimireva L. A., Fedyshina P. V. The objective side of the corpus delicti. Textbook. Red. A. N. Popov. Saint Petersburg: Saint Petersburg Legal Academy. The Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (branch); 2015: 64. (In Russ.).

14. Kudryavtsev V. N. The objective side of the crime. Moscow: Gosyurizdat; 1960: 244. (In Russ.).

учеб. пособие / [под общ. ред. А. Н. Попова]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 64 с.

14. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва: Госюриздат, 1960. 244 с.

15. Дремлюга Р. И. Интернет-преступность: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 238 с.

16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р—Я. Москва: РИПОЛ классик, 2006. 944 с.

17. Ефремова М. А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 13—20.

18. Лобач Д. В. Развитие российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в сети «Интернет» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 21—27.

19. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Москва: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

15. Dremlyuga R. I. Internet crime. Monograph. Vladivostok: Far East University Publishing House; 2008: 238. (In Russ.).

16. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian Language. R-Ya. Moscow: RIPOL classic; 2006: 944. (In Russ.).

17. Yefremova M. A. Crimes committed using information and telecommunication networks including the Internet. Criminal Law: development strategy in the 21st century, 13—20, 2023. (In Russ.).

18. Lobach D. V. Development of Russian criminal legislation in the sphere of combating crimes to be committed in the Internet. Criminal law: development strategy in the 21st century, 21—27, 2023. (In Russ.).

19. Likholetov A. A. Criminal and legal characteristics and problems of qualification of crimes in the sphere of implementing special types of entrepreneurial activity. Monograph. Red. N. A. Yegorova, doctor of juridical sciences, docent. Moscow: Yurlitinform; 2020: 288. (In Russ.).

Лихолетов Александр Александрович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
a.likholetov@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
a.likholetov@mail.ru

Лихолетов Евгений Александрович,
доцент кафедры
«Экономическая безопасность»
Волгоградского государственного
аграрного университета,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент;
l.evgeni.a@mail.ru

Likholetov Yevgeny Alexandrovich,
associate professor at the department
of economic security
of the Volgograd State Agricultural University,
candidate of agricultural sciences, docent;
l.evgeni.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.2

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Ирина Алисаламовна Нифталиева
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, niftalieva89@yandex.ru

Аннотация. Автором проведен комплексный анализ базовых принципов уголовного права через их сопоставление с классическими и современными философскими концепциями справедливости. Исследована эволюция представлений о справедливости от античных учений (Платон, Аристотель), теологических доктрин Средневековья (Августин Блаженный и Фома Аквинский) и рационалистических систем Нового времени (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель) до современных теорий (Дж. Ролз, Дж. У. Тибо, Л. Уолкер), а также рассмотрена полемика между представителями русской религиозной философии права (В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин) о соотношении права и нравственности в уголовно-правовой сфере. Выявлены философские основания принципов уголовного права (законность, вина, соразмерность, гуманизм, неотвратимость ответственности), и определено влияние различных концепций справедливости на их содержание.

На основе проведенного анализа формулируется вывод о том, что философское осмысление справедливости выступает не только теоретическим фундаментом, но и нормативным ориентиром для развития уголовно-правовых принципов.

Ключевые слова: справедливость, принципы уголовного права, законность, вина, соразмерность, гуманизм, неотвратимость ответственности, преступление, наказание

Для цитирования: Нифталиева И. А. Принципы уголовного права сквозь призму философских концепций справедливости // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 27—33.

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW FROM THE PERSPECTIVE OF PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF JUSTICE

Irina Alisalamovna Niftaliyeva
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, niftalieva89@yandex.ru

Abstract. The author of the given article conductы a comprehensive analysis of the basic principles of criminal law by comparing them with classical and modern philosophical concepts of justice. The author examines the evolution of the ideas on justice from ancient doctrines (Plato, Aristotle), medieval theological doctrines (Augustine of Hippo and Thomas Aquinas), rationalist systems of the New Era (I. Kant, G. W. F. Hegel) up to contemporary theories (J. Rawls, J. W. Thibaut, L. Walker). The article also deals with the debate among the representatives of the Russian religious philosophy of law (V. S. Solovyev, B. N. Chicherin) related to the relationship between law and morality in the criminal law sphere. The author identifies the philosophical foundations of criminal law principles (legality, guilt, proportionality, humanism and inevitability of liability) as well as determines influence of various concepts of justice on their content.

Based on the mentioned analysis the author of the article concludes that the philosophical understanding of justice is said to be not only as a theoretical foundation but also as a normative guideline to develop criminal law principles.

Keywords: justice, principles of criminal law, legality, guilt, proportionality, humanism, inevitability of responsibility, crime, punishment

For citation: Niftaliyeva I. A. Principles of criminal law from the perspective of philosophical concepts of justice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, С. 27—33, 026. (In Russ.).

© Нифталиева И. А., 2026

Уголовное право как система норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, представляет собой отрасль, непосредственно вторгающуюся в сферу основных прав и свобод личности. Именно поэтому вопросы определения круга уголовно-правовых запретов, обоснования уголовной ответственности и критериев справедливого наказания всегда находились в центре внимания философско-правовой мысли. В современной доктрине отмечено, что уголовное право поднимает вопросы первостепенной важности: свобода, справедливость и всеобщее благо [1, с. 9].

Мыслители разных исторических периодов рассматривали уголовное право как благодатную почву для приложения своих идей. Будучи наиболее зримым проявлением государственной власти, уголовное право неразрывно связано с моральной философией, прежде всего в аспектах преступления и наказания. Категория справедливости выступает здесь связующим звеном между абстрактными философскими положениями и конкретными правовыми нормами.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в современном правоведении наблюдается усиление интереса к аксиологическим аспектам права, что требует переосмысления устоявшихся уголовно-правовых принципов с позиций их ценностного содержания. Во-вторых, глобализационные процессы, в частности взаимопроникновение правовых культур, ставят вопрос об универсальных критериях справедливости в уголовном праве, которые могли бы служить ориентиром для гармонизации законодательства. В-третьих, проблема справедливости остается одной из наиболее дискуссионных как с теоретической, так и с прикладной точек зрения, особенно в сфере досудебного производства и назначения наказания [2].

Философский анализ справедливости берет свое начало в Античности, именно в этот период были сформулированы ключевые признаки построения общественных отношений [3, с. 96]. Для античного мировоззрения характерно понимание справедливости как объективного космического порядка, который должен находить отражение в человеческих установлениях.

Платон в диалоге «Государство» рассматривает справедливость как гармоничное устройство полиса, при котором каждый гражданин занимается своим делом и не вмешивается в дела других. Справедливость, по Платону, есть соответствие человека его природному предназначению. Платон писал: «...заниматься каждому своим делом — это, пожалуй, и будет справедливостью» [4, с. 205], «...чтобы никто не захватывал чужого и не лишался своего», «...справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое» [4, с. 206]. Применительно к уголовному праву это означает, что наказание должно не только воздавать за причиненное зло, но и восстанавливать нарушенную преступлением гармонию общественных отношений.

Весомый вклад в познание требований справедливости внес Аристотель. Мыслитель предложил классификацию, сохраняющую свое значение до настоящего времени. Он разграничивал справедливость уравнивающую и распределяющую. Первый вид справедливости действует в сфере гражданско-правовых обменов и предполагает арифметическое равенство: каждый должен получить ровно столько, сколько отдал. В уголовном праве эта концепция находит выражение в принципе талиона («око за око»), который, однако, уже у Аристотеля получает более глубокое обоснование: справедливость соблюдена, «если кто терпит равное тому, что сделал». Распределяющая справедливость действует в сфере распределения общественных благ и почестей и предполагает пропорциональность вкладу, заслугам или статусу лица [5, с. 153]. В уголовном праве это проявляется в дифференциации ответственности в зависимости от тяжести содеянного, формы вины, особенностей личности виновного.

Характерно, что в античный период идее справедливости не противоречило неравенство людей, но признавалось справедливым пропорциональное воздаяние за каждое деяние. Это заложило основы для последующей разработки принципа соразмерности наказания.

Средневековая философская мысль придала рассуждениям о справедливости теологический характер. Августин Блаженный и Фома Аквинский рассматривали справедливость как атрибут Божественного миропорядка. В этот период происходит важный сдвиг: справедливость начинает связываться не только с внешним поведением, но и с внутренними мотивами человека, что подготавливает почву для разработки принципа вины.

Согласно точке зрения Августина, обоснование строгости наказания, возрастающей вслед за опасностью и тяжестью совершенного деяния, базируется на идее о том, что правонарушитель уменьшает присутствие Бога на Земле и через наказание происходит восстановление нарушенной гармонии [6, с. 57]. Привнесенные христианством понятия гуманизма и ценности личности, а также

введение в сферу справедливости понятий греха и добродетели привели к переосмыслению моральной составляющей справедливости.

Средневековые представления о справедливости важны для уголовного права по двум причинам. Во-первых, они утверждают идею личной ответственности: каждый человек отвечает за свои грехи (преступления) перед Богом и обществом. Во-вторых, закладывается основа для понимания наказания не только как кары, но и как исправления, очищения души преступника.

Эпоха Нового времени знаменует радикальный поворот в понимании справедливости. Под влиянием идей естественного права и общественного договора справедливость начинает рассматриваться как результат соглашения свободных индивидов, ограничивающих свою свободу в пользу государства в обмен на защиту их фундаментальных прав.

Иммануил Кант развивает учение о справедливости, разделяя ее на карающую и распределительную. Для И. Канта справедливость — это категорический императив, требование, не зависящее от утилитарных соображений. Наказание, по Канту, не может быть средством достижения каких-либо социальных благ; оно есть требование справедливости самой по себе. Знаменитый кантовский принцип гласит: «Пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир» [7, с. 299—300].

И. Кант различает карательную справедливость, направленную на определение меры наказания в соответствии с причиненным злом, и распределительную, направленную на определение воздаяния, соразмерного заслуге [8, с. 256]. Именно справедливость рассматривается им как нормативное основание принимаемых законов и добродетели лица, наделенного властью.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель предлагает диалектическое понимание наказания как снятия преступления. Преступление есть отрицание права, наказание — отрицание этого отрицания, восстановление права. «В абсолютной связи с преступлением, — подчеркивал мыслитель, — находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другого, одно — противоположная субсумция другого» [9, с. 313]. Из этого определения Г. В. Ф. Гегеля следует, что наказание всецело зависит от совершенного преступником деяния.

В эпоху Нового времени получает развитие идея справедливости как равенства людей, возрастает значимость справедливости в правовом ее понимании. Во главе угла здесь сам человек как источник закона и справедливости, провозглашается равенство людей как необходимое условие справедливости.

Особое место в понимании аспектов справедливости занимает русская религиозная философия права конца XIX — начала XX в. Ключевое значение имеет полемика между Владимиром Сергеевичем Соловьевым и Борисом Николаевичем Чичериным о соотношении права и нравственности в контексте уголовно-правовых проблем.

В этико-философской системе В. С. Соловьева происходит слияние права и нравственности. Справедливость определяется как важное духовное начало, наивысшая общечеловеческая ценность, пронизывающая все стороны жизни общества. Справедливость — абсолютная цель человека, ориентир жизненного пути. Она исходит от Бога и выступает основой нравственности. «Справедливость, — писал мыслитель, — есть, несомненно, понятие нравственного порядка» [10, с. 24].

В концепции В. С. Соловьева справедливость предстает в образе юридической (отрицательной) справедливости, провозглашающей формальное правовое равенство, и подлинной (положительной) справедливости, устанавливающей «объективную форму Любви». Первый вид справедливости является рациональным принципом государства, а второй — законом нравственности.

Категория «справедливость» исследовалась Соловьевым в нескольких аспектах. Во-первых, с позиции равенства. В этом смысле справедливость требует признания за каждым права на жизнь и благополучие. Мыслитель указывал, что это требование и есть выражение нравственного начала справедливости. Во-вторых, с точки зрения альтруизма. С этой стороны справедливость рассматривается как идея, основанная на принципах «никого не обижать» и «всем помогать» [11, с. 168]. Наконец, справедливость есть правда, нацеленная на утверждение законности и подчинение праву. По мнению В. С. Соловьева, высшая правда находит свое закрепление в Божественном законе. Соблюдение такого закона — безусловная нравственная обязанность. Реализация норм остальных законов — только с условием их соответствия этой правде («ибо подобает слушаться Бога более, нежели человеков» [11, с. 189]).

Б. Н. Чичерин, напротив, исходил из автономии права и нравственности. В основе права лежит принцип справедливости как формального равенства и воздаяния по заслугам, тогда как в основе нравственности — принцип любви, долга и само-

пожертвования. Б. Н. Чичерин подчеркивал, что именно отделение права от нравственности позволяет обеспечить моральную автономию личности и ее свободу. Государство не вправе навязывать гражданам нравственные идеалы; его задача — обеспечить внешний порядок и справедливость. Однако свобода и ответственность неотделимы друг от друга: признание свободы воли неизбежно ведет к пониманию вины именно как личной вины человека [12, с. 103].

Эта полемика сохраняет актуальность до настоящего времени, поскольку отражает два фундаментальных подхода к пониманию уголовного права: как инструмента реализации нравственного идеала (что может вести к морализаторству) и как механизма обеспечения формальной справедливости и защиты свободы (что может приводить к формализму и игнорированию нравственных аспектов).

В XX в. философская мысль предлагает новые подходы к определению справедливости, имеющие прямое отношение к уголовному праву. Джон Ролз в работе «Теория справедливости» формулирует концепцию «справедливость как честность». Используя метафоры «исходное положение» и «завеса невежества», он показывает, какие принципы справедливости выбрали бы рациональные индивиды, не знающие своего будущего положения в обществе. Хотя Дж. Ролз сосредоточен преимущественно на распределительной справедливости, его идеи имеют проекцию и на уголовное право [13, с. 267].

Пристального внимания заслуживает теория процедурной справедливости. Ее основоположниками выступили Джон Уолтер Тибо и Лоранс Уолкер, сформулировавшие идею о предпочтительности разрешения конфликта таким образом, чтобы конфликтующие стороны имели возможность контролировать процесс, а принятие итогового решения осуществлялось беспристрастной третьей стороной [2, с. 844].

Для уголовного права теория процедурной справедливости имеет фундаментальное значение, поскольку она позволяет оценивать справедливость не только итогового решения (приговора), но и всего процесса производства по делу. Как подчеркивается в литературе, с точки зрения теории процедурной справедливости нужно «тонко настраивать» применение отдельных принципов и институтов уголовно-процессуального права [3, с. 102].

Каждая из рассмотренных философских концепций задает определенную систему координат, в которой могут быть интерпретированы уголовно-правовые принципы. Например, принцип законности «nullum crimen, nulla poena sine lege» («нет преступления и наказания без указания о том в законе») является основополагающим для уголовного права. Его философское обоснование восходит к идеям общественного договора и правового государства.

С позиций теории справедливости принцип законности выполняет две ключевые функции. Во-первых, он обеспечивает формальное равенство: все лица, совершившие деяния, попадающие под признаки состава преступления, подлежат уголовной ответственности независимо от их социального статуса. Это соответствует аристотелевской уравнивающей справедливости. Во-вторых, принцип законности гарантирует предсказуемость государственного принуждения, позволяя гражданам соотносить свое поведение с требованиями закона.

С точки зрения теории процедурной справедливости принцип законности создает основу для справедливой процедуры, поскольку устанавливает ясные и известные заранее правила, по которым будет оцениваться поведение индивида и назначаться наказание. Тем самым принцип законности предполагает не только формальное наличие закона, но и его соответствие потребностям общежития.

Принцип вины, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те деяния и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина, имеет глубокие философские основания. Так, в античной философии уже намечается связь между справедливостью и субъективным отношением лица к содеянному. Однако наиболее полное обоснование принцип вины получает в философии И. Канта, для которого моральная автономия личности предполагает способность самостоятельно определять линию поведения и отвечать за свой выбор. Признание свободы воли является необходимым условием для вменения лицу ответственности.

В русской философии Б. Н. Чичерин подчеркивал неразрывную связь свободы и ответственности: признание свободы личности, свободы воли неизбежно ведет к пониманию вины именно как личной вины человека. Если человек не свободен в своем выборе, он не может быть справедливо наказан.

Принцип вины коррелирует с распределяющей справедливостью Аристотеля, поскольку предполагает дифференциацию ответственности в зави-

симости от формы вины (умысел или неосторожность). Умышленное причинение вреда заслуживает более строгого наказания, чем неосторожное, поскольку в первом случае лицо сознательно противопоставляет свою волю требованиям закона.

Современные исследования показывают, что проблема вины остается одной из наиболее сложных в философии уголовного права, особенно в контексте дискуссий о свободе воли, детерминизме и нейробиологических основах поведения [14].

Принцип соразмерности наказания совершенному преступлению является прямым выражением идеи справедливости в уголовном праве. Его философская основа — аристотелевское учение о пропорциональности.

Аристотель подчеркивал, что справедливость в воздаянии должна основываться на пропорциональности, а не на арифметическом равенстве. Это означает, что различные по тяжести преступления должны влечь различные по строгости наказания. Пропорциональность при этом может пониматься как по принципу талиона (равное за равное), так и по принципу функциональной эквивалентности (наказание должно быть «равноценно» преступлению с учетом характера и степени общественной опасности).

И. Кант, как отмечалось выше, придерживался жесткого понимания пропорциональности, требуя наказания, равного преступлению по своей «карающей силе». Г. В. Ф. Гегель предлагал более гибкое понимание: ценность наказания и ценность преступления должны быть соизмеримы, но не обязательно тождественны.

В современном уголовном праве принцип соразмерности реализуется через систему санкций, предоставляющих суду возможность индивидуализировать наказание в пределах, установленных законом. Содержание уголовно-правового принципа справедливости при назначении наказания реализуется через перечень критериев, закрепленных действующим законодательством.

Принцип гуманизма в уголовном праве реализуется посредством обеспечения безопасности членов общества от преступных посягательств и соблюдения прав лица, совершившего преступление, с тем чтобы применяемые к нему меры не имели целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Философское обоснование принципа гуманизма восходит к христианскому учению о ценности человеческой личности, а также к кантовскому императиву: относиться к человеку всегда как к цели и никогда — только как к средству. Особенно остро вопрос о гуманизме в уголовном праве стоит в отношении смертной казни. С позиции нравственной философии этот вид наказания не может быть оправдан, поскольку отрицает возможность исправления человека и лишает его шанса на искупление. С точки зрения теории справедливости гуманизм выступает ограничителем карательной мощи государства, не позволяя справедливости выродиться в жестокость.

Принцип неотвратимости ответственности заключается в требовании, чтобы каждое преступление влекло наказание виновного лица. Его философское обоснование связано с идеей действенности справедливости.

Как отмечается в литературе, справедливость уголовного судопроизводства заключается в наличии реакции государства в лице специальных органов на совершенное, совершаемое или готовящееся общественно опасное деяние [3, с. 102]. Отсутствие такой реакции подрывает доверие к правосудию и порождает чувство несправедливости у потерпевших в частности и общества в целом.

Принцип неотвратимости тесно связан с утилитарными теориями: наказание должно не только воздавать за прошлые преступления, но и предупреждать будущие. Однако он имеет и самостоятельную ценность, выражая идею восстановления нарушенного преступлением порядка. С точки зрения процедурной справедливости принцип неотвратимости обеспечивает завершенность правовой процедуры: дело не должно оставаться неразрешенным, а виновные — безнаказанными.

Философские концепции справедливости образуют теоретический фундамент принципов уголовного права. От античного учения о пропорциональности через средневековый теологический персонализм и рационализм Нового времени к современным теориям справедливости прослеживается эволюция взглядов на то, каким должно быть уголовное право. Ключевые принципы уголовного права: законность, вина, соразмерность наказания, гуманизм, неотвратимость ответственности — являются воплощением философских представлений о справедливости. Они обеспечивают различные требования этой идеи: равенство, учет субъективного вменения, пропорциональность воздаяния, уважение к человеческому достоинству, обязательность уголовно-правового воздействия.

Рассмотрение справедливости как категории социальной философии остается необходимым условием развития уголовного права. Утрата фило-

софского измерения ведет к трансформации права в формальную технику, лишенную нравственного содержания. Обращение к философским истокам, напротив, позволяет сохранить гуманистическую направленность уголовного права и обеспечить его соответствие фундаментальным представлениям о справедливости.

1. Третьяков В. И., Стрилец О. В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 9—14.

2. Холоимова А. С., Гребенев Р. В. О справедливости досудебного производства по уголовному делу // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2024. Т. 28, № 4. С. 841—855.

3. Тимошенко А. А. Обеспечение справедливости уголовного судопроизводства: философские основания построения частной отраслевой теории // Государство и право. 2021. № 5. С. 94—107.

4. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева [и др.]; общ. ред. А. Ф. Лосева. Москва: Мысль, 1999. 656 с. (Классическая философская мысль).

5. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; примеч. В. В. Бибихина [и др.]. Москва: Мысль, 1983. 830 с.

6. Августин Аврелий. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божием. Книги I—XIII. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с.

7. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Москва: Мысль, 1966. 743 с. (Философское наследие АН СССР).

8. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1965. 478 с. (Философское наследие АН СССР).

9. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. Москва: Наука, 1978. 437 с. (Памятники философской мысли).

10. Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. 190 с.

11. Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. Т. I / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. Москва: Мысль, 1988. 892 с.

12. Чичерин Б. Н. Философия права. Москва: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.

13. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 534 с.

1. Tretyakov V. I., Strilets O. V. Implementation of the principle of justice at the acting stage of development of the Russian criminal legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2018. (In Russ.).

2. Kholoimova A. S., Grebenyev R. V. On fairness of pre-trial proceedings on a criminal case. Journal of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Legal Sciences", 841—855, 2024. (In Russ.).

3. Timoshenko A. A. Ensuring fairness of criminal proceedings: philosophical foundations to develop a specific branch theory. State and Law, 94—107, 2021. (In Russ.).

4. Plato. Philebus. State. Timaeus. Critias. Transl. from the ancient Greek by S. S. Averintsev (et al.); gen. red. by A. F. Losev. Moscow: Mysl; 1999: 656. (Classical philosophical thought). (In Russ.).

5. Aristotle. Works. In 4 vols. Vol. 4. Red. and author's introduction by A. I. Dovatour, F. Kh. Cassidy; notes by V. V. Bibikhin (et al.). Moscow: Mysl; 1983: 830. (In Russ.).

6. Augustine Aurelius. Works. In 4 vols. Vol. 3. On the city of God. Books of I—XIII. Saint Petersburg: Aletheya; Kiyv: UTSIMM-Press; 1998: 595. (In Russ.).

7. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 6. Gen. red. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Moscow: Mysl; 1966: 743. (Philosophical heritage of the USSR Academy of Sciences). (In Russ.).

8. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 4. Part 2. Gen. red. by V. F. Asmus. Moscow: Mysl; 1965: 478. (Philosophical heritage of the USSR Academy of Sciences). (In Russ.).

9. Hegel G. V. F. Political Works. Moscow: Nauka; 1978: 437. (Monuments of philosophical thought). (In Russ.).

10. Solovyev V. S. Law and morality. Minsk: Harvest; Moscow: AST; 2001: 190. (In Russ.).

11. Solovyev V. S. Works. In 2 vols. Vol. I. Comp., gen. red. and introduction by A. F. Losev and A. V. Gulyga. Moscow: Mysl; 1988: 892. (In Russ.).

12. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow: Kushneryev I. N. and Co. Typo-lithogr.; 1900: 337. (In Russ.).

14. Стрилец О. В. Принцип вины в системе принципов уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2008. № 10. С. 72—76.

13. Rawls J. Theory of justice. Scientific red. V. V. Tselishchev. Transl. from Eng. by V. V. Tselischev with participating V. N. Karpovich and A. A. Shevchenko. Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk University; 1995: 534. (In Russ.).

14. Strilets O. V. The principle of guilt in the system of principles of criminal law. Science journal of VolSU. Jurisprudence, 72—76, 2008. (In Russ.).

Нифталиева Ирина Алисаламовна,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
niftalieva89@yandex.ru

Niftaliyeva Irina Alisalamovna,
associate professor at the department
of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
niftalieva89@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 07.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 07.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.34

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ДОБРОВОЛЬНО ПРЕКРАТИВШИХ ЗАНИМАТЬ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Наталия Сергеевна Сысолина
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sns.va-mvd@mail.ru

Аннотация. Введение в 2019 г. ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии стало знаковым событием для отечественного уголовного права. Данное законодательное решение было продиктовано признанием высокой общественной опасности неформальной власти идеологических лидеров криминальной среды, однако породило комплекс вопросов теоретического и прикладного характера, многие из которых до сих пор не нашли однозначного разрешения.

Настоящее исследование посвящено одному из дискуссионных аспектов применения ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности правовой оценке ситуаций, связанных с добровольным прекращением лицом занятия высшего положения в преступной иерархии. В центре внимания находятся вопросы о возможности и пределах применения положений о добровольном отказе и деятельном раскаянии, а также о соотношении посткриминального поведения субъекта с задачами противодействия преступной идеологии. В результате проведенного анализа обоснован и сформулирован вывод о нецелесообразности введения специального основания освобождения от уголовной ответственности при добровольном прекращении лицом совершения указанного преступления.

Ключевые слова: преступная иерархия, высшее положение, криминальное лидерство, добровольный отказ, деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Сысолина Н. С. Освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно прекративших занимать высшее положение в преступной иерархии: проблемы эффективности и перспективы законодательной регламентации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 34—39.

DISCHARGING FROM CRIMINAL LIABILITY OF THE PERSONS WHO TERMINATED VOLUNTARILY TO OCCUPY THE TOP POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF EFFICIENCY AND PROSPECTS FOR LEGISLATIVE REGULATION

Nataliya Sergeyevna Sysolina
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sns.va-mvd@mail.ru

Abstract. The introduction of criminal liability for occupying the top position in the criminal hierarchy in 2019 was a vital event in the Russian criminal law. This legislative decision was prompted by the recognition of the high public danger posed by informal power of the ideological leaders of the criminal world. However, there appeared a complex of theoretical and practical issues and many of them remain to be unsolved.

The given study deals with one of the issues related to applying Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, specifically the legal assessment of the situations involving the voluntary dismissing a person to occupy top position in the criminal hierarchy. The main issues are the ones related to feasibility and limits of applying the provisions on voluntary dismissing and active repentance as well as the relationship between the post-criminal behavior of a person and the aims of countering criminal ideology. The author of the given

© Сысолина Н. С., 2026

article examines, proves and concludes that introduction of a special ground for discharging from criminal liability in a case of a person's voluntary termination to commit a mentioned crime is inappropriate one.

Keywords: criminal hierarchy, the top position, criminal leadership, voluntary dismissing, active repentance, discharging from criminal liability

For citation: Sysolina N. S. Discharging from criminal liability of the persons who terminated voluntarily to occupy the top position in the criminal hierarchy: problems of efficiency and prospects for legislative regulation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—39, 2026. (In Russ.).

Установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии поставило перед правоприменительной практикой ряд вопросов, связанных с квалификацией содеянного. Наиболее дискуссионным из них является оценка ситуаций, когда лицо, обладающее соответствующей криминальной позицией, по своей воле предпринимает действия, направленные на прекращение преступления, предусмотренного ст. 210[1] Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Такие действия, состоящие в целенаправленном отказе от получения, обладания и пользования искомым статусом, могут служить одним из моментов фактического окончания преступления наравне с наступлением событий, препятствующих дальнейшему продолжению этого преступления вследствие вмешательства правоохранительных органов[1], или лишением указанного положения другими авторитетными в криминальной среде лидерами[2]. Существующие правовые механизмы оценки подобных ситуаций охватывают нормы о добровольном отказе и деятельном раскаянии, соответствующие различным стадиям совершения преступления. Но применимы ли в данных случаях общие институты уголовного права или природа идеологического преступного лидерства требует иного подхода? Ответ на этот вопрос лежит не только в плоскости толкования буквы закона, но и в понимании криминологической сущности рассматриваемого преступления. Обращение к указанной проблеме призвано выявить пределы действия поощрительных норм уголовного права применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии и определить направления совершенствования законодательной регламентации ответственности идеологических лидеров криминальной среды.

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Вопрос о релевантности указанной нормы в контексте занятия высшего положения в преступной иерархии должен разрешаться исходя из положений, устоявшихся в доктрине уголовного права, опыта их правоприменения, а также с учетом формальной конструкции состава и длящегося характера указанного преступления.

Например, любое длящееся преступление представляет собой непрерывное осуществление общественно опасного деяния и включает в себя два этапа: первоначальный акт действия или бездействия и затем последующий — непрерывно протекающий во времени[3]. Применительно к ст. 210[1] УК РФ первоначальным актом суды называют момент получения лицом высшего положения в преступной иерархии, служащий отправной точкой, началом совершения преступления. В свою очередь, длящийся этап охватывает обладание данным статусом, а также осуществление обусловленных им функций в криминальной среде,

[1] Приговор Саратовского областного суда по делу № 2-2/2021 от 1 июня 2021 г. // Актофакт: архив судебных дел и решений. URL: https://actofact.ru/case-64OS0000-2-2-2021-2021-01-11-2-0/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Приговор Вологодского областного суда по делу № 2-5/2021 от 19 мая 2021 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jQlayZ4U0MgO/?page=13&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+210.1.+Занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge (дата обращения: 15.01.2026).

[3] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

что связывается с юридическим окончанием содеянного[1].

Вместе с тем согласно нормам, закрепленным чч. 1—3 ст. 31 УК РФ, прекращение преступления может расцениваться как добровольный отказ, если оно:

1) имеет место на стадиях приготовления или покушения;

2) происходит по собственному решению лица, которое осознает, что имеет возможность довести преступление до конца;

3) носит окончательный характер и не является временным прерыванием соответствующего общественно опасного деяния.

При соблюдении данных условий лицо не подлежит уголовной ответственности, если фактически совершенное им деяние не содержит иной состав преступления.

Исходя из длящегося двухэтапного характера занятия высшего положения в преступной иерархии, следует вывод, что добровольный отказ от совершения данного общественно опасного деяния гипотетически возможен до момента начала использования искомой позиции, поскольку реализация функций по такому использованию свидетельствует о юридическом окончании преступления. Кроме того, с учетом толкования ч. 1 ст. 31 УК РФ лицо должно добровольно отказаться не от высшего положения в преступной иерархии как статуса, а от совершения действий по его получению и последующим удержанию и использованию.

В уголовно-правовой науке сформировалась позиция, в соответствии с которой «на стадии приготовления отказ возможен во всех случаях и может выражаться как в форме действия, так и бездействия» [1, с. 236]. Более вероятным выглядит добровольный отказ на стадии приготовления к занятию высшего положения в преступной иерархии, когда основной непосредственный объект преступления еще не подвергся посягательству. Добровольность в данном случае означает прекращение подготовительной деятельности по собственной воле, при осознании возможности доведения начатого до конца, например, когда лицо публично отказывается от притязаний на получение статуса «смотрящего» или «вора в законе», дистанцируется от соответствующих процедур его получения и иных лидеров криминальной среды, способных наделить этой позицией. Такое поведение должно свидетельствовать о реальном и окончательном отказе от дальнейшего приобретения искомого положения.

Более сложной представляется квалификация добровольного отказа на стадии покушения, когда высшее положение в преступной иерархии уже получено. Теоретически добровольное и окончательное решение не пользоваться обретенным статусом возможно (публичное отречение от авторитета и влияния, уход от разрешения споров в криминальной среде, информирование ее заинтересованных членов о своем отказе от претензий на лидерство), однако зафиксировать подобные случаи на практике вряд ли получится.

Иная уголовно-правовая оценка имеет место, когда лицо, уже выполняющее функции по использованию высшего положения в преступной иерархии, по каким-либо объективным или субъективным причинам решает прекратить такие действия на этапе юридически оконченного преступления. Подобные ситуации разрешаются применением норм УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В то же время согласно ч. 2 ст. 75 УК РФ освобождение лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, возможно только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части уголовного закона. Ввиду того что какие-либо примечания в ст. 210[1] УК РФ отсутствуют, деятельное раскаяние в случае явки с повинной, способствования раскрытию и расследованию этого преступления, возмещения ущерба или иных способов заглаживания вреда, причиненного этим преступлением, может учитываться судом в качестве обстоятельств, смягчающих наказание[2]. Существенным условием при

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. № 5-УД23-5-А1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.01.2026); Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 57-УД22-10-А1 // Там же.

[2] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43. П. 10 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.01.2026); О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. П. 4 // Там же.

этом является утрата общественной опасности содеянного, что применительно к идеолого-статусной сущности занятия высшего положения в преступной иерархии ставится под сомнение.

Анализируя возможности совершенствования уголовного законодательства по рассматриваемому вопросу, ряд авторов предлагают внести в ст. 210[1] УК РФ поправку, предусматривающую возможность освобождения от уголовной ответственности лица, занимающего указанный статус [2, с. 25].

Некоторые ученые выступают в пользу дополнения данной статьи примечанием, содержащим специальное основание освобождения от уголовной ответственности в виде добровольного прекращения занятия высшего положения в преступной иерархии с одновременным условием активного способствования раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации), раскрытию или пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) [3, с. 37; 4]. В этом случае искомый криминальный статус рассматривается в обязательной связке с деятельностью того или иного преступного сообщества (преступной организации), с чем не представляется возможным согласиться ввиду правовой природы рассматриваемого преступления.

Небесспорно также мнение, в соответствии с которым предлагается освободить лицо от уголовной ответственности в случае добровольного и публичного заявления о прекращении соответствующего положения [4]. Вероятно, подобный отказ должен произойти после привлечения к уголовной ответственности, что, учитывая криминологическую сущность общественно опасного деяния, выглядит несостоятельным, поскольку заявление может быть сделано номинально.

По этому поводу Н. А. Егорова и А. Г. Егоров справедливо отмечают, что факт отказа лица от своего статуса даже при наличии связи с преступным сообществом (преступной организацией) «еще не освобождает его от уголовной ответственности (см. примечание к ст. 210 УК РФ), и уж тем более не исключает ее» [5, с. 37]. Такого же мнения придерживаются С. В. Кондратюк [6, с. 28] и А. В. Федотова, полагающая, кроме того, что «содержание ст. 210[1] УК РФ не может разъяснять возможности добровольного отказа от преступления и освобождения от уголовной ответственности, так как статус лица устанавливается посредством признания лица таковым членами преступного сообщества и отказаться от занятия своего положения в воровском мире путем совершения одного действия невозможно» [7, с. 101].

Представляется, что отречение по собственной воле от высшего положения в преступной иерархии, в том числе публичное, не означает прекращения действий, связанных с обладанием им, т. е. не означает фактического окончания преступления и может носить декларативный характер. Ввиду этого соответствующие доводы обвиняемого, приведенные в свою защиту, должны признаваться несостоятельными. Данные судебной практики свидетельствуют, что суды не принимают во внимание заявления лица о том, что оно по каким-либо причинам якобы перестало обладать высшим положением в преступной иерархии — доказательственная база строится на подтверждении поведенческого аспекта в криминальной среде в целом[1].

Таким образом, немногочисленные авторы, исследовавшие возможность освобождения от уголовной ответственности лиц с искомым статусом в связи с добровольным прекращением рассматриваемого преступления, предприняли попытку усовершенствовать уголовно-правовые механизмы противодействия идеологическому преступному лидерству, однако целесообразность данного решения весьма спорна.

По нашему мнению, деяние, предусмотренное ст. 210[1] УК РФ, отличается от иных длящихся преступлений с формальным составом тем, что предполагает системообразующее статусное состояние, не просто посягающее на общественную безопасность, а укрепляющее власть в криминальной среде. Ввиду этого введение специального примечания, аналогичного нормам о преступлениях террористической направленности, или организации преступного сообщества (преступной организации), или участии в нем (ней), для рассматриваемого состава по ряду причин представляется потенциально рискованным.

Во-первых, природа общественной опасности указанного деяния заключается в самом факте существования и признания неформальной криминальной власти, детерминирующей множество других преступлений. В науке справедливо утверждается, что отречение от искомого статуса, даже публичное, не аннулирует автоматически причи-

[1] См. напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 4-УД22-53-А1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

ненный вред объекту уголовно-правовой охраны — созданная система отношений в преступной среде вряд ли перестанет функционировать. В отличие, например, от сдачи оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов или освобождения похищенного или заложника (примечания к ст. 222, 126 и 206 УК РФ соответственно), результат занятия высшего положения в преступной иерархии не может быть одномоментно и полностью ликвидирован самим субъектом хотя бы потому, что способы совершения указанного преступления свидетельствуют о непрерывной связи с иными членами преступной среды, наделяющими этим статусом и признающими его.

Во-вторых, субъект данного преступления — идеологический преступный лидер — является одним из символов и носителей криминальной субкультуры, активным членом преступной среды. «Сделка» с законом в форме сотрудничества в обмен на освобождение от ответственности, безусловно, разрушает некоторую замкнутость этой системы, однако превращает высший криминальный статус из объекта уголовного преследования в предмет своеобразного торга с правосудием. Подобная ситуация способна создать риски повышения привлекательности указанной позиции для амбициозных членов преступной среды. Публичное заявление правоохранительным органам может не иметь в криминальном мире существенного значения, а фактический авторитет при этом сохранится, открывая широкие возможности для имитации деятельного раскаяния.

В-третьих, анализ судебной практики показывает, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, нередко привлекаются к уголовной ответственности по совокупности преступлений[1]. Гарантия освобождения в связи с добровольным прекращением деяния, предусмотренного ст. 210[1] УК РФ, при сохранении ответственности за сопутствующие преступления превращает норму о таком освобождении в способ ухода от ответственности за системную преступную деятельность в рамках этого статуса, что снижает эффективность уголовно-правового противодействия идеологическому криминальному лидерству в частности и организованной преступности в целом.

Безусловно, сотрудничество лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, следствием и судом весомо. Однако по нашему мнению, оно должно оцениваться в рамках уже существующих институтов смягчения наказания (ст. 61, 62, 64 УК РФ) или особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ), которые предоставляют суду гибкий инструментарий для индивидуализации ответственности без радикального и рискованного освобождения от нее. Указанные институты, как представляется, могут применяться лишь при доказанности соблюдения обязательных условий, свидетельствующих о фактическом окончании занятия высшего положения в преступной иерархии, а именно реальной утраты субъектом своего влияния в криминальной среде и прекращения восприятия иными ее членами данного лица как обладающего указанной позицией.

[1] См., напр.: Приговор Волгоградского областного суда № 2-26/2022 2-4/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 2-26/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/52Ibw2ev1YHQ/ (дата обращения: 16.01.2026); Приговор Курского областного суда по делу № 2-2/2022 от 16 мая 2022 г. // СудебныеРешения.рф. URL: https://судебныерешения.рф/62738708 (дата обращения: 16.01.2026); Приговор Верховного Суда Чувашской Республики № 2-1/2024 2-6/2023 от 15 февраля 2024 г. по делу № 2-1/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6rIHyG6p0OdH/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+210.1.+Занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge (дата обращения: 16.01.2026).

1. Уголовное право. Общая часть: учебник / [А. А. Абдульманов и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. Москва: Московский ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. 524 с.

2. Алференок Е. А., Шершакова Е. К. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: теоретический и практический аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 23—29.

3. Лихолетов А. А., Михайлов М. У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 32—39.

4. Куликов А. В., Шелег О. А. Допустимость добровольного отказа от занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Российский судья. 2023. № 5. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

5. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 34—44.

6. Кондратюк С. В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1. С. 24—30.

7. Федотова А. В. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: признаки лидерства и пребывания в статусе // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 97—102.

1. Abdulmanov A. A. (et al.) Criminal law. General part. Textbook. Red. by N. G. Kadnikov, doctor of juridical sciences, professor. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 524. (In Russ.).

2. Alferyenok Ye. A., Shershakova Ye. K. Criminal liability for occupying the top position in the criminal hierarchy: theoretical and practical aspects. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 23—29, 2023. (In Russ.).

3. Likholetov A. A., Mikhaylov M. U. New developments in the criminal legislation in terms of combating organized crime: problems and solutions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 32—39, 2019. (In Russ.).

4. Kulikov A. V., Sheleg O. A. Admissibility of voluntary dismissing for occupying the top position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Russian judge, 2023. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

5. Yegorova N. A., Yegorov A. G. Criminal liability for occupying the top position in the criminal hierarchy: the discussion to be continued. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—44, 2020. (In Russ.).

6. Kondratyuk S. V. Qualification of complicity in occupying the top position in the criminal hierarchy. Vector of Science of the Tomsk State University. Series "Legal Sciences", 24—30, 2021. (In Russ.).

7. Fedotova A. V. The person who occupies the top position in the criminal hierarchy: features of leadership and status. Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia, 97—102, 2022. (In Russ.).

Сысолина Наталия Сергеевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
sns.va-mvd@mail.ru

Sysolina Nataliya Sergeyevna,
senior lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sns.va-mvd@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.24

УСЛОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В ОСОБЫЕ ПЕРИОДЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Раузат Хасановна Шаутаева*, Гульнара Хасановна Шаутаева**

* Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, shautaeva@mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия, g.h.shautaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с применением института условного освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения либо военного времени. Основное внимание сосредоточено на определении правовой природы данного института, выявлении его характерных признаков и установлении его места в системе уголовно-правовых средств воздействия. Проведенное исследование показало, что рассматриваемый вид освобождения от наказания сочетает в себе признаки, свойственные другим формам освобождения от отбывания наказания, однако обладает и рядом особенностей, обусловленных целями его законодательного закрепления. Это позволяет рассматривать его не только как специальную разновидность освобождения от наказания, но и как самостоятельный инструмент стимулирования правомерного поведения осужденных, а также средство дифференциации уголовно-правового воздействия.

В работе проанализированы предусмотренные уголовным законодательством основания и условия применения данного института к лицам, проходящим военную службу в особых условиях. Изучение материалов судебной практики свидетельствует о том, что положения ст. 80.2 УК РФ распространяются в том числе на лиц, осужденных за особо тяжкие преступления против личности. В отдельных случаях такие осужденные освобождаются от дальнейшего отбывания наказания вскоре после заключения контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Выявленные особенности правоприменительной практики позволяют поставить вопрос о пределах реализации рассматриваемого механизма и необходимости дальнейшего совершенствования его нормативного регулирования с учетом принципов справедливости, соразмерности и индивидуализации уголовной ответственности.

Отмечается, что сроки назначенного наказания и продолжительность особых периодов могут существенно различаться, что порождает ряд дискуссионных вопросов правоприменения. В частности, требует дополнительного осмысления правовой статус лиц, условно освобожденных от наказания в связи с прохождением военной службы, после прекращения мобилизации, отмены военного положения или окончания военного времени при отсутствии оснований для применения пункта «а» части 2 статьи 80.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования рассматриваемого института и уточнения его правовых последствий.

Ключевые слова: условное освобождение от наказания, особые периоды, период мобилизации, период военного положения, военное время, военная служба, судимость

Для цитирования: Шаутаева Р. Х., Шаутаева Г. Х. Условное освобождение от наказания в особые периоды: вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 40—51.

CONDITIONAL RELEASE FROM PUNISHMENT DURING SPECIAL PERIODS: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Rauzat Khasanovna Shautayeva*, Gulnara Khasanovna Shautayeva**

* Udmurt State University, Izhevsk, Russia, shautaeva@mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russia, g.h.shautaeva@mail.ru

© Шаутаева Р. Х., Шаутаева Г. Х., 2026

Abstract: The given article deals with theoretical and practical issues related to applying the institution of conditional release from punishment regarding military service during a mobilization period, a martial law period or wartime. The primary focus of this article is on legal nature of this institution, identifying its characteristic features as well as determining its place within the system of criminal-legal enforcement ways. The given research proves the analyzed type of release from punishment to combine features common to other forms of release from punishment, but it also possesses a number of distinctive features stemming from the purposes of its legislative fixation. This fact allows it to be considered not only as a specialized form of release from punishment, but also as an independent way for encouraging lawful behavior of the convicts and a means of differentiating criminal-legal enforcement.

The article analyzes reasons and conditions provided by criminal law related to applying this institution to the individuals being in the military service under special conditions. A review of judicial practice also proves the provisions of Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to be applied to the individuals having been convicted of serious crimes against the person. In some cases such convicts are released from further serving sentences after making a contract for military service in the Armed Forces of the Russian Federation. The identified specifics of law enforcement practice put the question related to the limits of the mechanism under consideration and the necessity for further improvement of its regulatory framework taking into account the principles of fairness, proportionality and individualization of criminal liability.

The authors of the article note that the limits of the imposed sentence and the duration of special periods can vary significantly that causes a number of issues in law enforcement practice. In particular, one should identify the legal status of the individuals conditionally released conditionally released from punishment due to military service, after finishing mobilization, cancelling martial law or wartime in the absence of grounds to apply paragraph "a" of Part 2 of Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The authors conclude that further improvement of the legislative regulation for this institution and clarification of its legal consequences is quite necessary.

Key words: conditional release from punishment, special periods, a mobilization period, a martial law period, wartime, military service, a criminal record

For citation: Shautayeva R. Kh., Shautayeva G. Kh. Conditional release from punishment during special periods: theory and practice issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 40—51, 2026. (In Russ.).

Отраслевое законодательство криминального цикла за последние три года подверглось значительным изменениям. Отчасти это связано с объявлением о проведении специальной военной операции и частичной мобилизации в Российской Федерации[1], вызвано необходимостью обеспечения «баланса между интересами правосудия и государственной политикой в условиях специальной военной операции» [1, с. 114] и практической реализации гражданами России конституционного долга и обязанности по защите Отечества[2].

Необходимость совершенствования механизмов правовой защиты граждан, поступающих на военную службу по призыву либо по контракту в период мобилизации, военного положения или военного времени (особые периоды)[3], обусловила форми-

[1] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Термин «особые периоды» введен высшим судебным органом в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» от 18 мая 2023 г. № 11, принятого в целях обеспечения единообразного применения судами военного уголовного законодательства Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ (ред. от 23 марта 2024 г.) под мобилизацией в Российской Федерации понимается «комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав во-

рование и нормативное закрепление особых оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, направленных на реализацию государственных задач в сфере обеспечения обороны и безопасности.

Значимым этапом трансформации уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции стало принятие Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» № 270-ФЗ[1]. Его положения сформировали самостоятельный правовой механизм, предусматривающий специальные правила реализации уголовной ответственности и определения уголовно-правового статуса отдельных категорий граждан, участвующих в выполнении задач специальной военной операции.

Федеральный закон детализировал субъектный состав лиц, на которых распространяется соответствующее правовое регулирование, и сформировал комплекс специальных уголовно-правовых предписаний, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы в условиях мобилизации, военного положения или военного времени. Наряду с этим нормативный акт закрепил порядок назначения наказания в случае совершения лицом, освобожденным от наказания условно, нового преступления в период прохождения военной службы; специальный порядок аннулирования (погашения) судимости.

Исследуя уголовно-правовое содержание нормы об условном освобождении от наказания, А. Г. Антонов отмечает, что «система освобождения от наказания расширилась за счет указанного вида, не имевшего ранее места на протяжении всего существования отечественного уголовного законодательства» [2]. Утверждение представляется спорным.

На основе ретроспективного анализа российского уголовного законодательства (а также официальных указаний высшего судебного органа) советского периода некоторые ученые рассматривают данный вид освобождения от наказания как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания [3, с. 153], актуализированный аналог института отсрочки исполнения приговора в военное время, который был законодательно закреплен в течение всего периода существования советского государства [4].

Анализ исторического развития отечественного военно-уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что прообраз современного института условного освобождения от наказания появился значительно раньше его нынешнего нормативного закрепления. В частности, после внесения изменений в четвертый раздел Военно-судебного устава 1867 г. в 1889 г. российское законодательство стало предусматривать возможность отсрочки исполнения приговора в период военного времени.

В соответствии со ст. 1412 Военно-судебного устава порядок постановления и исполнения судебных решений в пределах театра военных действий в отношении военнослужащих обладал рядом особенностей, закрепленных в специальном приложении к указанной норме. Так, в случае назначения военнослужащему исправительных наказаний, включая ссылку на поселение в Сибирь либо временное заключение в крепости, приведение приговора в исполнение откладывалось до окончания военных действий. Аналогичный правовой режим распространялся и на случаи совершения осужденным нового преступления в военное время: исполнение вновь назначенного наказания также подлежало отсрочке. Вместе с тем совершение нового деяния влекло для виновного утрату отдельных служебных прав, льгот и преимуществ, предусмотренных его статусом.

енного времени». Согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) под военным положением понимается «особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституций Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии». Исходя из положений ст. 18 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 4 ноября 2025 г.), Верховный Суд РФ военное время определяет как «период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения» (справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2026)).

[1] Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федер. закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

Решение о возможности отсрочки исполнения наказания принималось военным командованием по своему усмотрению. В то же время военнослужащие, подлежавшие увольнению из армии по судебному приговору и оказывавшие вследствие своего поведения отрицательное влияние на сослуживцев, могли быть направлены для немедленного отбывания наказания в места ссылки или заключения. Особое значение придавалось проявлению осужденным мужества в боевой обстановке. Если военнослужащий демонстрировал исключительную храбрость либо совершал иной выдающийся подвиг, военное начальство получало право обратиться к Главнокомандующему с ходатайством о смягчении назначенного наказания или полном помиловании такого лица[1].

Таким образом, можно заключить, что идея условного освобождения от наказания (отсрочки исполнения приговора) в особые периоды для отечественного уголовного законодательства не нова, с теми или иными изменениями трансформировалась в действующую на современном этапе норму, предусмотренную ст. 80.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

Законодательная попытка урегулирования уголовно-правовых вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания в рамках отдельного нормативного правового акта (Федеральный закон № 270-ФЗ) вызвала обоснованную критику и вопросы среди представителей науки, практических работников.

В научной литературе Федеральный закон № 270-ФЗ подвергся критической оценке по ряду оснований. Среди основных недостатков исследователи выделяют возможное несоответствие отдельных его положений принципам законности и равенства граждан перед законом [5, с. 59—63; 6, с. 69—71]. Кроме того, обращается внимание на то, что предусмотренные законом механизмы допускают освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления различной степени тяжести, без достаточного учета характера и степени общественной опасности отдельных деяний, включая особо тяжкие преступления против личности [7, с. 104].

Значительное количество научных публикаций посвящено анализу процессуальных механизмов, обеспечивающих реализацию положений данного закона. Предметом критического осмысления при этом выступают процедура принятия решений, связанных с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания, вопросы порядка аннулирования судимости [8, с. 37—42]. В научной литературе высказывается мнение о том, что механизмы освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и прекращения судимости, предусмотренные рассматриваемыми законодательными новеллами, не во всех случаях органично вписываются в действующую систему уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования. Вследствие этого возникают дискуссии относительно их юридической природы, оснований применения и места в структуре существующих правовых институтов [6, с. 72; 8, с. 41].

Наряду с этим исследователи обращают внимание на отдельные недостатки нормативного конструирования рассматриваемых положений. Отмечается, что их включение в систему уголовного законодательства сопровождалось недостаточной согласованностью с ранее действующими правовыми предписаниями, что в отдельных случаях приводит к возникновению коллизий и затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики. В результате вопросы системности и внутренней непротиворечивости соответствующих норм продолжают оставаться предметом научной дискуссии [3, с. 160—163; 4].

Анализ современных исследований показывает, что наибольший интерес ученых вызывают проблемы, возникающие в процессе реализации рассматриваемых уголовно-правовых механизмов. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения принципа справедливости при назначении и исполнении наказания, достижения целей уголовной ответственности, процессуального порядка принятия решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания, а также особенностям действия уголовного закона во времени, включая специфику его обратной силы и сохранения действия ранее принятых нормативных предписаний. Наряду с этим исследовались вопросы соотношения и возможной конкуренции норм, предусматривающих различные основания освобождения от уголовной ответственности [9, с. 223—225; 10].

[1] Устав военно-судебный: разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству и циркулярами Главного штаба по 1 января 1894 года / сост. пом. воен. прокурора Н. Мартынов. 6-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Контрагентства ж. д., 1894. С. 580.

Пробелы и коллизии уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания, порядка аннулирования судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в особые периоды, противоречивая следственно-судебная практика обусловили необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере. Так, во взаимосвязи были разработаны и приняты следующие нормативные правовые акты: 1) Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ, которым вносились изменения в отдельные законодательные акты и был признан утратившим силу Федеральный закон № 270-ФЗ[1]; 2) Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, внесший изменения и дополнения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство[2].

Принятие Федерального закона № 64-ФЗ привело к расширению системы оснований освобождения от наказания, традиционно ориентированной на реализацию принципа гуманизма и стимулирование исправления осужденных. В результате в УК РФ появился новый вид условного освобождения от наказания (дальнейшего его отбывания), закрепленный в ст. 80.2 УК РФ и связанный с прохождением военной службы в период мобилизации, действия военного положения или военного времени.

Таким образом, законодатель сформировал дополнительный уголовно-правовой инструмент, позволяющий реализовывать особый порядок освобождения от наказания применительно к отдельным категориям военнослужащих, выполняющих обязанности военной службы в условиях действия специальных правовых режимов. Тем самым законодатель сформировал самостоятельный институт, сочетающий элементы гуманизации уголовной политики и решения задач, связанных с обеспечением комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в особые периоды.

Исследование положений уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также нормативных актов, регулирующих вопросы обороны, воинской обязанности и прохождения военной службы в Российской Федерации, в сочетании с анализом существующих научных представлений о правовой природе института освобождения от наказания позволяет сделать вывод о комплексном характере условного освобождения от наказания в особые периоды. Данный правовой механизм объединяет нормы различных отраслей права, и потому может рассматриваться как самостоятельный межотраслевой правовой институт.

Такой вывод обусловлен тем, что регулирование отношений, связанных с условным освобождением от наказания в период мобилизации, военного положения или военного времени, осуществляется одновременно нормами уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и военного законодательства. В результате рассматриваемый институт представляет собой сложное правовое образование, сочетающее элементы нескольких отраслей права и направленное на достижение как уголовно-правовых, так и государственно-оборонных целей.

Прежде всего следует отметить, что основания применения института условного освобождения от наказания (либо дальнейшего его отбывания), а также наступающие в связи с этим правовые последствия как благоприятного, так и неблагоприятного характера определяются нормами уголовного законодательства. Вместе с тем процедура реализации данного института в отношении лиц, осужденных вступившим в законную силу приговором суда, регулируется уголовно-процессуальным законодательством, хотя существующее нормативное регулирование нельзя признать достаточным и исчерпывающим.

Поскольку рассматриваемый механизм распространяется на осужденных, уже отбывающих назначенное наказание, вопросы предоставления условного освобождения в особые периоды, равно как и его последующей отмены, целесообразно разрешать в рамках стадии исполнения приговора. По своей правовой природе такая процедура близка к порядку рассмотрения вопросов об условно-досрочном освобождении и отсрочке отбывания наказания. В связи с этим представляется

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: федер. закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

необходимым закрепить соответствующий процессуальный механизм непосредственно в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

Кроме того, после вступления обвинительного приговора в законную силу между государством и осужденным возникают уголовно-исполнительные правоотношения, регулируемые нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о необходимости нормативного закрепления отдельных аспектов условного освобождения от отбывания наказания в особые периоды также и в уголовно-исполнительном законодательстве.

Существенное значение для понимания рассматриваемого института имеют правовые последствия его применения, поскольку их наступление связано с определенными юридическими фактами. К числу таких обстоятельств законодатель относит награждение военнослужащего государственной наградой в период прохождения военной службы, а также его увольнение с военной службы по предусмотренным законом основаниям.

Особое место среди указанных юридических фактов занимает государственное награждение, правовая природа которого определяется нормами конституционного права. Наградная система Российской Федерации основывается на положениях Конституции РФ, закрепляющих исключительные полномочия главы государства в данной сфере.

Так, согласно п. «б» ст. 89 Конституции РФ, право награждения государственными наградами принадлежит исключительно Президенту Российской Федерации. Следовательно, решение о награждении военнослужащего выступает не только формой признания его заслуг перед государством, но и юридическим основанием, способным повлечь предусмотренные уголовным законом последствия в виде окончательного освобождения от наказания.

Данная норма реализуется через систему нормативных правовых актов, ключевым из которых является Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099, утвердивший Положение о государственных наградах Российской Федерации, статуты орденов Российской Федерации, положения о знаках отличия, медалях и почетных званиях Российской Федерации[1]. Основания увольнения с военной службы закреплены в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ[2].

Юридическая природа данного вида условного освобождения от наказания (его отбывания) в научных источниках определяется по-разному. И. Э. Звечаровский и Н. Т. Яралиев подвергают критическому анализу законодательную конструкцию условного освобождения от наказания, применяемого в особые периоды. Обращая внимание на недопустимость ситуации, при которой одно и то же лицо фактически получает освобождение от наказания дважды, авторы указывают на наличие ряда спорных аспектов в нормативном регулировании данного института. Вместе с тем они проводят его разграничение с условно-досрочным освобождением, предусмотренным ст. 79 УК РФ, акцентируя внимание на различиях в основаниях и требованиях, предъявляемых к осужденным для применения указанных мер.

Анализ правовой природы рассматриваемого института позволяет ряду исследователей отнести его к числу специальных форм условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В то же время его самостоятельность обусловлена особым субъектным составом, специфическими основаниями применения и ограниченной сферой действия, связанной с прохождением военной службы в условиях мобилизации, военного положения или военного времени [11].

А. Г. Антонов рассматривает условное освобождение от наказания как правовой механизм, выступающий своеобразной альтернативой традиционному уголовному наказанию. По мнению ученого, данная конструкция представляет собой особую разновидность условно-досрочного осво-

[1] О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия — Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия „За безупречную службу“, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации»): указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 (ред. от 22 декабря 2025 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

[2] О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

бождения от отбывания наказания и основывается на существенном снижении либо утрате общественной опасности личности осужденного. В качестве подтверждения такого изменения автор указывает на случаи награждения лица государственной наградой за проявленные заслуги либо добросовестное исполнение воинского долга в особый период с последующим увольнением с военной службы по состоянию здоровья или в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе.

Исследователь подчеркивает, что участие осужденного в защите государства, сопряженное с риском для жизни и направленное на искупление причиненного обществу вреда, свидетельствует о глубоких позитивных изменениях его личности. В связи с этим автор приходит к выводу, что подобное поведение может рассматриваться как показатель исправления осужденного независимо от тяжести ранее совершенного им преступления, включая тяжкие и особо тяжкие деяния [2].

Нельзя не согласиться с тем, что условное освобождение от наказания (его отбывания) в особые периоды имеет схожие черты с другими видами освобождения от наказания. В то же время данный институт характеризуется специфическими признаками, позволяющими отграничить его от иных мер уголовно-правового характера и рассматривать как самостоятельную форму уголовно-правового поощрения [12, с. 52—71] и средство дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 80.2 УК РФ осужденный, отбывающий назначенное судом наказание и призванный на военную службу либо заключивший контракт о ее прохождении в Вооруженных Силах Российской Федерации в особый период, подлежит условному освобождению от наказания. Данная норма при этом носит ссылочный характер, поскольку ее применение невозможно без учета положений ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Последняя содержит перечень преступлений, совершение которых исключает возможность освобождения лица от уголовной ответственности или наказания, а также досрочного погашения судимости.

Анализ предусмотренных законом составов преступлений показывает, что они затрагивают различные объекты уголовно-правовой охраны и отличаются по своей правовой природе. В научной литературе для удобства их исследования предлагается объединять данные деяния в несколько условных групп.

В эту категорию включены преступления, характеризующиеся повышенной общественной опасностью, в том числе посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних, преступления, совершаемые в составе организованных преступных формирований, деяния террористической и экстремистской направленности, государственная измена и иные преступления, создающие угрозу основам конституционного строя и безопасности государства. Кроме того, к числу таких деяний относятся диверсии, преступления, связанные с незаконным обращением сведений, составляющих государственную тайну, а также наиболее тяжкие посягательства на мир и безопасность человечества.

Таким образом, законодатель существенно ограничил круг лиц, которые могут воспользоваться механизмом условного освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в особый период, исключив из него осужденных за наиболее общественно опасные преступления, затрагивающие основы конституционного строя, общественной безопасности, государственной безопасности и международного правопорядка [4].

Избирательно установленный законодателем перечень преступлений (ч. 1 ст. 78.1 УК РФ), совершение которых исключает возможность освобождения от наказания, представляется неоправданно ограниченным и вызывает сомнения, не учитывает повышенную общественную опасность других преступлений, сопряженных с посягательствами на личность, и, соответственно, не обеспечивает соблюдение принципа справедливости и достижение целей наказания, а также защиту интересов потерпевших. В юридической литературе совершенно справедливо предлагается дополнить этот список преступлениями, предусмотренными ст. 295 и 317 УК РФ [13, с. 54].

Выборочный анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что лица, совершившие особо тяжкие преступления против личности (убийства при отягчающих обстоятельствах), через относительно незначительное время (полгода, год) освобождаются от отбывания наказания условно на основании ч. 1 ст. 80.2 УК РФ в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ.

Показательным примером практического применения положений статьи 80.2 УК РФ является уголовное дело в отношении В.Д.Л. Приговором Кировского областного суда от 23 июня 2023 г. он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ,

и осужден к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Дополнительно суд назначил ему наказание в виде ограничения свободы сроком на один год и шесть месяцев. Кроме того, в рамках уголовного судопроизводства был разрешен гражданский иск о компенсации морального вреда, размер которой первоначально составил 10 млн рублей, а впоследствии был уменьшен до 3 млн рублей.

Несмотря на значительный срок назначенного наказания, уже 5 апреля 2024 г. осужденный был условно освобожден от дальнейшего его отбывания на основании ст. 80.2 УК РФ в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Данный пример демонстрирует, что механизм условного освобождения в связи с прохождением военной службы может применяться и к лицам, осужденным за особо тяжкие преступления против личности, в том числе после относительно непродолжительного периода фактического отбывания наказания[1].

Еще одним примером применения положений статьи 80.2 УК РФ является уголовное дело в отношении А.А.Х. Приговором Верховного суда Республики Башкортостан от 5 октября 2023 г. он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «д» и «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При назначении наказания суд учел наличие у осужденного непогашенной судимости: ранее, 19 апреля 2022 г., А.А.Х. был осужден по пп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года.

В связи с совершением нового особо тяжкого преступления условное осуждение было отменено на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ. По правилам ст. 70 УК РФ суд назначил наказание по совокупности приговоров в виде 17 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, а также дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на один год.

Примечательно, что уже 9 апреля 2024 г., спустя незначительный промежуток времени после вступления приговора в законную силу, осужденный был условно освобожден от дальнейшего отбывания назначенного наказания на основании ст. 80.2 УК РФ в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Данный пример наглядно демонстрирует широкий субъектный охват рассматриваемого уголовно-правового института, действие которого распространяется не только на лиц, впервые совершивших особо тяжкие преступления, но и на осужденных с криминальным прошлым, в отношении которых наказание определено по правилам совокупности приговоров. Подобный подход законодателя обусловливает необходимость дополнительного осмысления границ применения условного освобождения от наказания, а также оценки его соответствия фундаментальным принципам справедливости, соразмерности и индивидуализации уголовно-правового воздействия[2].

Аналогичная практика прослеживается и в уголовном деле в отношении С.С.С. Приговором Ульяновского областного суда от 29 июня 2023 г., впоследствии измененным судом апелляционной инстанции, он был признан виновным в совершении ряда преступлений различной степени тяжести. В частности, осужденный был привлечен к уголовной ответственности за незаконное проникновение в жилище, убийство при отягчающих обстоятельствах, а также умышленное уничтожение имущества.

Применяя предусмотренный уголовным законом порядок назначения наказания по совокупности преступлений, суд последовательно назначил наказание отдельно за каждое из совершенных преступлений, после чего определил окончательное наказание по правилам чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ. Итогом стало назначение виновному наказания в виде 16 лет 6 месяцев лишения свободы и ограничения свободы сроком на два года в качестве дополнительного наказания с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Примечательно, что 29 апреля 2024 г., несмотря на назначение длительного срока лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений, С.С.С. был условно освобожден от дальнейшего отбывания наказания в порядке ст. 80.2 УК РФ в связи с поступлением на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации. Анализ данного случая в совокупности с ана-

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2024 г. № 10-УД24-5-А4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2024 г. № 49-УД24-11-А4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

логичной судебной практикой позволяет сделать вывод о том, что действие рассматриваемого уголовно-правового механизма не ограничивается лицами, осужденными за преступления небольшой или средней тяжести, а распространяется также на осужденных за наиболее опасные посягательства против личности. Подобная практика актуализирует вопросы определения допустимых границ применения ст. 80.2 УК РФ и оценки ее соответствия принципам справедливости, соразмерности и дифференциации уголовной ответственности. В связи с этим дальнейшее совершенствование нормативной регламентации рассматриваемого института представляется одним из актуальных направлений развития уголовного законодательства[1].

Между тем Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ устанавливаются разные сроки службы для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву либо по контракту в особые периоды. Правовой режим прохождения военной службы предусматривает существенные различия в определении ее продолжительности. Военная служба по призыву носит срочный характер и ограничивается двенадцатью месяцами, тогда как для лиц, воспользовавшихся механизмом условного освобождения от наказания посредством заключения контракта, срок исполнения воинской обязанности не определяется конкретной календарной датой. Его окончание связывается законодателем с прекращением действия специальных государственно-правовых режимов, обусловленных мобилизацией, военным положением либо военным временем.

Одним из наиболее сложных аспектов правового регулирования рассматриваемого института является определение дальнейшей судьбы лиц, условно освобожденных от наказания в связи с прохождением военной службы по контракту. Особую актуальность данная проблема приобретает применительно к осужденным за особо тяжкие преступления, которым назначены длительные сроки лишения свободы. Неоднозначность правового регулирования проявляется в случаях прекращения действия мобилизации, военного положения либо военного времени при отсутствии обстоятельств, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ.

Указанная проблема обусловлена тем, что временные параметры назначенного наказания и особого периода могут существенно не совпадать. Вследствие этого возникает вопрос: какие уголовно-правовые последствия должны наступать после прекращения действия условий, послуживших основанием для условного освобождения от наказания? Отсутствие прямого законодательного ответа на данный вопрос свидетельствует о наличии пробела в правовом регулировании и обусловливает необходимость его дальнейшего теоретического осмысления.

В частности, остается дискуссионным вопрос о том, какие правовые последствия должны наступать после прекращения прохождения военной службы таким лицом. Действующее законодательство не позволяет однозначно установить, подлежит ли осужденный окончательному освобождению от наказания на основании п. «б» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ после увольнения с военной службы либо он обязан продолжить отбывание неисполненной части ранее назначенного наказания.

Таким образом, существующая нормативная конструкция не исключает различных вариантов толкования и применения закона, что свидетельствует о наличии правовой неопределенности в вопросе дальнейшей реализации уголовной ответственности лиц, условно освобожденных от наказания в связи с прохождением военной службы в особые периоды. Указанное обстоятельство обусловливает необходимость дополнительного законодательного уточнения соответствующих положений ст. 80.2 УК РФ.

Анализ положений ч. 2 ст. 80.2 УК РФ во взаимосвязи с нормами ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ позволяет сделать вывод о том, что после завершения особого периода военнослужащий, ранее условно освобожденный от наказания в связи с заключением контракта, подлежит увольнению с военной службы и одновременно окончательному освобождению от назначенного наказания. Соответственно, дальнейшее исполнение неотбытой части наказания в таком случае не предполагается.

Указанное решение влечет и определенные последствия для института судимости. Согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, признается несудимым. Вместе с тем прекращение состояния судимости происходит не в результате ее погашения либо снятия, а непосредст-

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июля 2024 г. № 80-УД24-4-А4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

венно вследствие наступления предусмотренного законом юридического факта — освобождения от наказания, который сам по себе служит основанием для аннулирования всех связанных с судимостью правовых последствий [14, с. 109]. Вопрос об эффективности таких последствий с точки зрения целей наказания и соблюдения принципов уголовного права остается открытым.

По нашему мнению, законодательное регулирование рассматриваемого института нуждается в более детальной дифференциации. Основания для окончательного освобождения лица от наказания после его условного освобождения целесообразно определять с учетом ряда обстоятельств, включая тяжесть (категорию) совершенного преступления, наличие либо отсутствие прежних судимостей, характер исполнения обязанностей военной службы в особый период, а также вид и размер назначенного наказания. Такой подход позволил бы обеспечить более полную реализацию принципа справедливости и дифференциацию (индивидуализацию) уголовно-правового воздействия.

Кроме того, дополнительного научного осмысления и нормативного закрепления требует вопрос об отмене условного освобождения от наказания, предусмотренного ст. 80.2 УК РФ. В настоящее время законодатель недостаточно ясно определяет основания применения данной меры и правовые последствия ее отмены. Представляется необходимым установить соответствующий механизм, как это предусмотрено, например, в рамках иных условных видов освобождения от наказания, подробно урегулировав как условия отмены предоставленной льготы, так и порядок дальнейшего исполнения назначенного наказания.

1. Куковякин А. Е., Забавко Р. А. Проблемные вопросы освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время в соответствии со ст. 80.2 УК РФ // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 113—120.

2. Антонов А. Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

3. Бодаевский В. П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации // Правосудие / Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 151—170.

4. Ермолович Я. Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

1. Kukovyakin A. E., Zabavko R. A. Issues of release from punishment due to military service during mobilization, during martial law or in wartime in accordance with Art. 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The Art of Law, 113—120, 2025. (In Russ.).

2. Antonov A. G. Release from punishment due to military service during mobilization, during martial law or in wartime as a type of parole. Legality. No. 10, 2024. Available from the reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

3. Bodayevsky V. P. Deferment of sentence due to military service (equivalent service) in special periods: historical experience, modern approach, problems of regulation. Justice, 151—170, 2024. (In Russ.).

4. Yermolovich Ya. N. Improving criminal-legal means to implement criminal liability of military personnel (scientific and practical commentary to the Federal Law No. 64-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"; dated March 23, 2024). Law in the Armed Forces. 2024. Available from the reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

5. Antonov A. G., Pavlov V. G., Romashov R. A. Provisions of release from criminal liability and punishment should be included in the Criminal Code! Journal of the Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 59—63, 2023. (In Russ.).

5. Антонов А. Г., Павлов В. Г., Ромашов Р. А. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс! // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 59—63.

6. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69—81.

7. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 101—106.

8. Антонова Е. Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. The Art of Law. 2023. № 3. С. 37—42.

9. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Законодательство об освобождении от уголовной ответственности и наказания участников Специальной военной операции: краткий обзор накопившихся проблем // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 222—228.

10. Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

11. Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

12. Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. 332 с.

13. Бабаян С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 48—56.

14. Понятовская Т. Г., Шаутаева Г. Х. Правовое значение судимости: монография. Ижевск: Детектив-информ, 2003. 241 с.

6. Lopashenko N. A. Main results of the criminal legislation reform in 2023. Russian law: education, practice, science; 69—81, 2024. (In Russ.).

7. Zagvozdkin N. N., Korshikova Ye. O. Federal Law No. 270-FZ "On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation": notes; dated June 24, 2023. Education. Science. Scientific personnel, 101—106, 2023. (In Russ.).

8. Antonova Ye. Yu. Specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation: a new vector of criminal-legal policy or wartime criminal legislation? The Art of Law, 37—42, 2023. (In Russ.).

9. Zagvozdkin N. N., Korshikova Ye. O. Legislation on release from criminal liability and punishment of participants in the Special Military Operation: a brief overview of the accumulated problems. Civil Service and Personnel, 222—228, 2024. (In Russ.).

10. Gordeychik S. A., Yegorova N. A. Release from criminal liability based on Art. 78.1 of the Criminal Code: controversial issues. Legality, 2024. Available from the reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

11. Zvecharovsky I. E., Yaraliyev N. T. New type of parole. Legality, 2024. Available from the reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

12. Tarkhanov I. A. Encouraging positive behavior in criminal law. Kazan: Publishing house of the Kazan university; 2001: 332. (In Russ.).

13. Babayan S. L. Topical problems of early release of persons convicted under Art. 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation from serving a sentence. Penitentiary science, 48—56, 2025. (In Russ.).

14. Ponyatovskaya T. G., Shautaeva G. Kh. Legal significance of a criminal record: monograph. Izhevsk: Detective-inform; 2003: 241. (In Russ.).

Шаутаева Раузат Хасановна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Удмуртского государственного университета;
shautaeva@mail.ru

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доцент кафедры частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса,
кандидат юридических наук, доцент;
g.h.shautaeva@mail.ru

Shautayeva Rauzat Khasanovna,
senior lecturer at the department
of criminal law and criminology
of the Udmurt State University;
shautaeva@mail.ru;

Shautayeva Gulnara Khasanovna,
head of the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
associate professor at the department
of private and public law
of the Volgograd Institute of Business,
candidate of juridical sciences, docent;
g.h.shautaeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.137

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСОБОГО ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ГЛАВА 40 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Екатерина Сергеевна Азарова
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, aes2404@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию пределов судебного усмотрения при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства, закрепленном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена высокой долей дел, рассматриваемых в данной процедуре, и наличием фундаментальных противоречий между упрощением процессуальной формы и необходимостью обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения. Цель работы — выявление системных противоречий реализации судебного усмотрения в особом порядке и разработка предложений по их преодолению. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (диалектический, анализа и синтеза, системный), а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм. Использован системный анализ норм главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, теоретических положений уголовно-процессуальной доктрины и материалов судебной практики. В статье утверждается, что особый порядок судебного разбирательства порождает фундаментальное противоречие между обязанностью суда установить обоснованность обвинения (ч. 7 ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и законодательным запретом на исследование и оценку доказательств в судебном заседании (ч. 5 ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Проанализирована система пределов судебного усмотрения в особом порядке, включающая нормативные (категория преступления, добровольность ходатайства, запрет на исследование доказательств, пределы назначения наказания), процессуальные (обязательность судебного заседания, право на защиту, требование мотивировки приговора) и субъективно-этические (внутреннее убеждение, справедливость) ограничители. Существующая процессуальная конструкция особого порядка создает объективные противоречия, приводящие к смещению центра тяжести судебного познания на досудебную стадию. Для преодоления выявленных противоречий необходимы: уточнение критериев «достаточности доказательств» в ст. 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; закрепление более детальной процедуры проверки добровольности ходатайства; предоставление суду права частичного исследования доказательств при возникновении сомнений в обоснованности обвинения; повышение стандартов мотивировки приговоров; стимулирование судей к более активному использованию права на прекращение особого порядка при возникновении малейших сомнений.

Ключевые слова: судебное усмотрение, особый порядок, глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пределы усмотрения, внутреннее убеждение, оценка доказательств, обоснованность обвинения, согласие с обвинением, упрощенные процедуры, справедливость правосудия

Для цитирования: Азарова Е. С. Пределы судебного усмотрения при реализации особого порядка уголовного судопроизводства (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации): противоречия и пути их преодоления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 52—60.

© Азарова Е. С., 2026

LIMITS OF JUDICIAL DISCRETION, WHILE IMPLEMENTING SPECIAL PROCEDURE FOR CRIMINAL PROCEEDINGS (CHAPTER 40 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CONTRADICTIONS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Yekaterina Sergeyevna Azarova
Volgograd State University, Volgograd, Russia, aes2404@yandex.ru

Abstract. This article deals with the limits of judicial discretion in criminal cases under the special procedure established by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The topical nature of this article is determined by high proportion of the cases to be heard under this procedure as well as the existence of fundamental contradictions between procedural simplification and the necessity to ensure legality, validity and fairness of a judicial decision. The purpose of this work is to identify systemic contradictions, while implementing judicial discretion under a special procedure and to develop proposals to overcome them. The methodological basis of the work is formed by general scientific methods of cognition (dialectical, analysis and synthesis, systemic) as well as specific legal methods: formal-legal, comparative-legal and the method of interpretation of legal norms. A systemic analysis of the provisions of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, theoretical provisions of the criminal procedure doctrine and judicial practice are used. The author of the article argues that the special procedure for judicial proceedings gives rise to a fundamental contradiction between the court's obligation to establish the validity of the charge (Part 7 of Article 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the legislative prohibition to examine and evaluate evidence in court (Part 5 of Article 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The author of the article analyzes the limits of judicial discretion in the special procedure, including regulatory (crime category, voluntary nature of the petition, prohibition to examine evidence, limits to impose punishment), procedural (mandatory nature of the court hearing, right to defense, requirement for a reasoned verdict) and subjective-ethical (inner conviction, fairness) constraints. The existing procedural structure of the special procedure creates objective contradictions leading to a shift in the center of seriousness of judicial inquiry to the pre-trial stage. To overcome these contradictions it is necessary to: clarify the criteria for "sufficiency of evidence" in Article 315 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; establish a more detailed procedure for verifying the voluntariness of a petition; grant the court the right to examine partially evidence if doubts arise regarding the validity of the charge; improve the standards for reasoned verdicts; encourage judges to use more actively the right to terminate the special procedure when the slightest doubt arises.

Keywords: judicial discretion, special procedure, Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, limits of discretion, internal conviction, evaluation of evidence, validity of the charge, agreement with the charge, simplified procedures, fairness of justice

For citation: Azarova Ye. S. Limits of judicial discretion, while implementing special procedure for criminal proceedings (chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): contradictions and ways to overcome them. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 52—60, 2026. (In Russ.).

Институт особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, регламентированный главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), занимает особое место в современной системе уголовного судопроизводства. Введенный Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, он стал одним из наиболее востребованных процессуальных институтов: по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в особом порядке ежегодно рассматривается более 60 % уголовных дел, поступающих в суды общей юрисдикции. Столь широкое применение обусловлено стремлением законодателя к оптимизации уголовного судопроизводства, экономии процессуальных ресурсов и реализации компромиссных начал в уголовном процессе.

Однако практика применения данного института выявила комплекс системных проблем, связанных с реализацией судебного усмотрения. Особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) представляет собой уникальный институт, в рамках которого судебное усмотрение приобретает особые характеристики [1, с. 142]. Центральной

проблемой является определение границ дискреционных полномочий суда, которые, с одной стороны, не должны сводить процедуру к формальной констатации воли обвиняемого, а с другой — обязаны гарантировать соблюдение его фундаментальных прав.

Актуальность темы исследования обусловлена значительной долей дел, рассматриваемых в особом порядке, в общей структуре судебной нагрузки, а также наличием фундаментальных противоречий между целью ускорения процедуры и необходимостью обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения. Упрощенные формы судопроизводства не обеспечивают выполнения правоприменителем положений о назначении уголовного судопроизводства в Российской Федерации в том числе из-за ограничения процессуальных полномочий судьи [1, с. 164].

Цель настоящей статьи — комплексный анализ пределов судебного усмотрения при рассмотрении уголовных дел в особом порядке, выявление системных противоречий правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Особый порядок судебного разбирательства представляет собой специальную процедуру, применяемую по ходатайству обвиняемого при наличии совокупности условий, перечисленных в ст. 314 УПК РФ. Его сущность заключается в упрощении судебной процедуры в обмен на согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и, как следствие, на смягчение назначаемого наказания (не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление).

С точки зрения теории уголовного процесса особый порядок является формой реализации диспозитивных начал, позволяющей сторонам избежать длительной и трудоемкой процедуры судебного следствия. Однако это упрощение не должно затрагивать фундаментальные основы правосудия, к которым относится установление объективной истины по делу и обеспечение прав личности. Как отмечает Л. В. Головко, «упрощение процесса не должно подменять правосудие суррогатными формами, где суд превращается в простого регистратора согласия сторон» [2, с. 28].

Роль суда в данном процессе трансформируется. Из активного субъекта, исследующего доказательства и устанавливающего истину, он в значительной степени превращается в арбитра, проверяющего добровольность и осознанность ходатайства обвиняемого, а также достаточность доказательственной базы для подтверждения обвинения. Именно в этой проверке и заключается основное поле для реализации судебного усмотрения.

Усмотрение суда в особом порядке — это прежде всего усмотрение в пользу прав личности. Его основная функция — сдержать потенциальный произвол обвинительной власти, выступая фильтром для незаконных и несоразмерных ограничений [3, с. 94]. Однако законодательная конструкция особого порядка создает для реализации этой функции серьезные препятствия.

Усмотрение суда в особом порядке обладает значительной спецификой по сравнению с общим порядком судопроизводства. Эта специфика обусловлена двумя ключевыми факторами.

Во-первых, запретом на исследование доказательств. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ в судебном заседании не производится исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу. Это лишает судью основного инструмента для формирования внутреннего убеждения традиционным путем — через непосредственное восприятие доказательств в условиях состязательной процедуры. Суд может исследовать лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Во-вторых, невозможностью постановления оправдательного приговора. Системное толкование норм гл. 40 УПК РФ приводит к выводу о том, что постановление оправдательного приговора в особом порядке исключено. Если суд придет к выводу о невиновности подсудимого, он обязан прекратить особый порядок и назначить рассмотрение дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Однако на практике такое решение принимается крайне редко.

Эти ограничения кардинальным образом меняют природу судебного усмотрения. Основная познавательная деятельность судьи переносится на стадию подготовки дела к судебному заседанию, где он, изучая письменные материалы уголовного дела, должен заранее сформировать убеждение об обоснованности обвинения и виновности подсудимого. Таким образом, решение о назначении судебного заседания в особом порядке является по своей сути предрешением вопроса о виновности, что создает объективное противоречие с принципом презумпции невиновности.

Центральным противоречием особого порядка является несоответствие между требованиями ч. 7 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Часть 7 ст. 316 УПК РФ устанавливает: «Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, он постановляет обвинительный приговор». Таким образом, суд обязан установить обоснованность обвинения, т. е. убедиться, что оно подтверждается совокупностью доказательств.

Однако ч. 5 той же статьи содержит прямой запрет: «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу». Возникает закономерный вопрос: каким образом суд может прийти к выводу об обоснованности обвинения, если ему запрещено исследовать доказательства, на которых это обвинение основано?

Как справедливо отмечает Ю. В. Грачева, «это противоречие является системным дефектом законодательной конструкции особого порядка. Суд оказывается в ситуации, когда он должен сделать вывод о виновности, не имея возможности проверить доказательства в условиях состязательной процедуры» [4, с. 215]. На практике это приводит к тому, что вывод об обоснованности обвинения автоматически вытекает из самого факта согласия подсудимого с обвинением, что подрывает гарантии справедливого правосудия.

Данное противоречие мы анализируем через призму гипотезы «субстиционности (замещения) уголовного состязательного процесса». Суть этой гипотезы заключается в том, что на судебной стадии субъекты, имеющие привилегию легально оценивать доказательства (суд), не занимаются прямым сбором информации. Их задача — оценить уже готовую реконструкцию, созданную на досудебной стадии. Однако сама эта реконструкция до вынесения приговора не может считаться объективным юридическим фактом [5, с. 123].

В особом порядке эта проблема усугубляется тем, что суд не только работает с готовой реконструкцией, но и лишен возможности проверить ее качество в состязательной процедуре. Усмотрение суда становится «слепым» — оно основано не на непосредственном восприятии доказательств, а на доверии к качеству предварительного расследования и добросовестности стороны обвинения.

Анализ судебной практики подтверждает наличие этой проблемы. Так, в постановлении Президиума Оренбургского областного суда от 18 декабря 2017 г. по делу № 44у-210/2017 было установлено, что указание суда апелляционной инстанции на отмену судебного решения в связи с тем, что выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, противоречит положениям ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции не вправе требовать исследования доказательств, если дело было рассмотрено в особом порядке[1]. Это решение демонстрирует, что законодательный запрет на исследование доказательств последовательно проводится в судебной практике, даже если это приводит к консервации возможных ошибок.

Фундаментальное противоречие особого порядка приводит к смещению центра тяжести судебного познания и формирования внутреннего убеждения судьи на стадию подготовки дела к судебному заседанию. Изменив объем процессуальных полномочий суда на стадии рассмотрения по существу уголовного дела, подлежащего рассмотрению в порядке гл. 40 УПК РФ, законодатель без прямого на то указания фактически изменил момент формирования у судьи внутреннего убеждения о виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении.

На стадии подготовки (гл. 33 УПК РФ) судья принимает одно из важнейших дискреционных решений — о возможности рассмотрения дела в особом порядке. Для этого он должен проверить соблюдение условий, предусмотренных ст. 314 УПК РФ: заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением; совершение преступления, наказание за которое не превышает пяти лет лишения свободы; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного ходатайства; добровольность заявления ходатайства после консультации с защитником; отсутствие возражений государственного или частного обвинителя и потерпевшего.

Однако, как подчеркивает Т. К. Рябинина, «пределы доказывания на стадии подготовки дела к судебному заседанию ограничены лишь запретом на решение вопроса о виновности обвиняемого в совершении преступления» [6, с. 112]. Изучая материалы дела для проверки формальных условий, судья неизбежно знакомится со всеми доказательствами обвинения. Поскольку доказатель-

[1] Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 18.12.2017 по делу № 44у-210/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/m1rO3SjXzsZv/?ysclid=mm1kln24ed465585642. (дата обращения: 24.02.2026).

ства защиты на данном этапе, как правило, отсутствуют или минимальны, у судьи формируется односторонняя картина происшествия, основанная на позиции стороны обвинения.

Это приводит к скрытому, а иногда и явному формированию обвинительного уклона еще до начала судебного разбирательства. Судья, по сути, вынужден дать предварительную оценку обоснованности обвинения, что является прямой преюдицией к будущему приговору.

Особую проблему представляет оценка «достаточности доказательств». Законодатель обязывает судью на стадии подготовки удостовериться в том, что обвинение подтверждается доказательствами, собранными по делу (п. 1 ч. 1 ст. 315 УПК РФ). Однако критерии этой «достаточности» в законе не определены. Судья действует по своему внутреннему убеждению, но без проведения состязательной процедуры его проверки. На практике это часто приводит к формальной проверке, когда судья ограничивается констатацией наличия в деле определенного набора доказательств, не анализируя их критически на предмет противоречий и недостатков.

Не менее сложной является проблема проверки добровольности ходатайства. Установление добровольности и осознанности ходатайства обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 315 УПК РФ) также относится к дискреционным полномочиям судьи. Однако без тщательного допроса обвиняемого относительно мотивов его решения, без выяснения, не оказывалось ли на него давление, эта проверка часто становится фиктивной. Судья вынужден довольствоваться формальными ответами обвиняемого, данными в ходе краткого опроса, что также происходит на стадии подготовки.

Таким образом, решение о назначении судебного заседания в особом порядке, принимаемое на стадии подготовки, является по своей сути предрешением вопроса о виновности. Судья, внутренне убедившись в наличии оснований для постановления обвинительного приговора, фактически предопределяет исход дела, и последующее судебное заседание превращается в формальную процедуру, лишенную познавательного содержания.

Несмотря на выявленные противоречия, усмотрение суда в особом порядке не является безграничным. Его реализация осуществляется в рамках строгой системы пределов, которая включает нормативные, процессуальные и субъективно-этические ограничители.

Нормативные пределы закреплены непосредственно в уголовно-процессуальном законе и носят императивный характер.

Во-первых, это исчерпывающий перечень условий применения особого порядка (ст. 314 УПК РФ): категория преступления (не более пяти лет лишения свободы), добровольность ходатайства, осознание последствий, согласие государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Отсутствие хотя бы одного из этих условий исключает возможность применения особого порядка, и суд обязан назначить рассмотрение дела в общем порядке.

Во-вторых, это запрет на исследование доказательств (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), который является абсолютным пределом, исключающим активную познавательную деятельность суда в судебном заседании. Суд не может по своей инициативе исследовать доказательства, даже если у него возникают сомнения в их достоверности или достаточности.

В-третьих, это запрет на оправдательный приговор, вытекающий из системного толкования норм гл. 40 УПК РФ. Этот запрет вынуждает суд прекратить особый порядок и назначить рассмотрение дела в общем порядке при возникновении сомнений в виновности. Однако, как отмечалось выше, на практике такое решение принимается крайне редко.

В-четвертых, это пределы назначения наказания, установленные ч. 7 ст. 316 УПК РФ: срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Суд при этом сохраняет дискреционные полномочия по выбору конкретного вида и размера наказания в пределах этого ограничения.

Процессуальные пределы связаны с процедурными гарантиями, обеспечивающими законность судебного разбирательства.

К ним относится обязательность проведения судебного заседания с участием сторон, несмотря на его упрощенный характер. Суд не может вынести приговор без проведения судебного заседания, даже если все условия соблюдены и стороны согласны на особый порядок.

Важным пределом является право подсудимого на защиту, которое должно быть обеспечено на всех стадиях, включая стадию заявления ходатайства об особом порядке. Суд обязан проверить, имел ли подсудимый возможность проконсультироваться с защитником, был ли защитник

реально допущен к участию в деле, не было ли ограничений его полномочий.

Особое значение имеет требование мотивировки приговора (ст. 307 УПК РФ), которое распространяется и на приговоры, постановленные в особом порядке. Суд обязан мотивировать свой вывод об обоснованности обвинения, а также изложить мотивы принятого решения по всем вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора.

Субъективно-этические пределы связаны с личностью судьи, его профессиональным правосознанием и нравственными установками.

Центральное место здесь занимает внутреннее убеждение судьи, которое должно быть сформировано на основе тщательного изучения материалов дела на стадии подготовки. Внутреннее убеждение судьи — это сложный синтез рационального и иррационального, логического и интуитивного, профессионального знания и житейского опыта. В особом порядке, где отсутствует непосредственное исследование доказательств, роль внутреннего убеждения, сформированного на стадии подготовки, становится определяющей.

Важным пределом выступают принципы справедливости и гуманизма, которые не могут быть принесены в жертву процессуальной экономии. Даже при формальном соблюдении всех условий особого порядка судья обязан оценить, не приведет ли вынесение приговора в упрощенной процедуре к несправедливому результату. Если у судьи возникают сомнения в справедливости такого результата, он должен отказаться от применения особого порядка.

Анализ судебной практики и теоретических источников позволяет выявить ряд системных проблем реализации судебного усмотрения в особом порядке.

Проблема формального подхода к проверке обоснованности обвинения. На практике суды часто ограничиваются формальной констатацией наличия в материалах дела определенного набора доказательств, не анализируя их критически на предмет противоречий и недостатков. Как отмечает Н. Ю. Волосова, «суды часто подходят к проверке обоснованности обвинения как к чисто технической процедуре, не требующей глубокого погружения в содержание доказательств» [7, с. 45]. Это приводит к тому, что обвинительный приговор выносится даже в тех случаях, когда доказательства обвинения противоречивы или недостаточны.

Проблема недостаточной мотивировки приговоров. Приговоры, постановленные в особом порядке, часто содержат шаблонные формулировки, не раскрывающие конкретных мотивов, по которым суд пришел к выводу об обоснованности обвинения. Типичным является указание: «Обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу». Такая формулировка не позволяет проверить, насколько тщательно суд исследовал материалы дела и какие именно доказательства он счел достаточными.

Проблема ограничения права на оправдание. Запрет на постановление оправдательного приговора в особом порядке создает ситуацию, в которой судья, даже при возникновении сомнений в виновности, вынужден либо выносить обвинительный приговор, либо прекращать особый порядок. Второй вариант сопряжен с определенными процессуальными издержками: дело направляется для рассмотрения в общем порядке, что увеличивает сроки судопроизводства и создает дополнительную нагрузку на суд. Это может удерживать судей от принятия такого решения даже при наличии обоснованных сомнений.

Проблема оценки добровольности ходатайства. Установление добровольности и осознанности ходатайства обвиняемого также относится к дискреционным полномочиям судьи. Однако без тщательного допроса обвиняемого относительно мотивов его решения, без выяснения, не оказывалось ли на него давление, эта проверка часто становится фиктивной. На практике суды редко углубляются в исследование вопроса о добровольности, ограничиваясь формальным вопросом: «Подтверждаете ли вы, что ходатайство заявлено добровольно и после консультации с защитником?».

Проблема «конвейерного» правосудия. Высокая доля дел, рассматриваемых в особом порядке, создает риск превращения судебного разбирательства в формальную процедуру, где приговоры постановляются без глубокого анализа индивидуальных обстоятельств дела. Как справедливо отмечает Л. В. Головко, «когда более половины дел рассматривается в порядке, исключающем исследование доказательств, это неизбежно ведет к деформации правосознания судей и снижению стандартов правосудия» [2, с. 32].

Для преодоления выявленных противоречий и повышения эффективности реализации судебного усмотрения в особом порядке представляется необходимым комплексное совершенствование как законодательного регулирования, так и правоприменительной практики.

На законодательном уровне целесообразно следующее.

1. Уточнить критерии «достаточности доказательств» в ст. 315 УПК РФ. Необходимо внести в закон положение о том, что судья при решении вопроса о назначении особого порядка должен убедиться не только в формальном наличии доказательств, но и в отсутствии неустранимых противоречий, ставящих под сомнение виновность обвиняемого [8, с. 18]. Нужно не просто формальное перечисление доказательств, а мотивированное изложение судом, почему он считает эти доказательства достаточными и непротиворечивыми для подтверждения каждого элемента состава преступления.

2. Закрепить более детальную процедуру проверки добровольности ходатайства на стадии подготовки. Представляется целесообразным предусмотреть обязательный подробный опрос подсудимого судьей с выяснением всех обстоятельств, побудивших его заявить ходатайство, включая вопросы о наличии давления и качестве юридической помощи. Результаты такого опроса должны фиксироваться в протоколе судебного заседания.

3. Предусмотреть возможность частичного исследования доказательств в судебном заседании в особом порядке, если у суда возникают сомнения в отдельных обстоятельствах дела, влияющих на квалификацию или наказание, без обязательного перехода к общему порядку. Например, суд мог бы по своей инициативе допросить подсудимого для уточнения обстоятельств, имеющих значение для назначения наказания, или истребовать дополнительные характеризующие материалы.

4. Расширить пределы усмотрения при назначении наказания в особом порядке. Целесообразно рассмотреть возможность предоставления суду права при наличии исключительных обстоятельств назначать наказание ниже низшего предела (по аналогии со ст. 64 УК РФ) или применять условное осуждение в случаях, выходящих за стандартные рамки, даже в особом порядке.

На уровне правоприменительной практики необходимо:

1. Разработать и утвердить Верховным Судом Российской Федерации разъяснения, детализирующие порядок проверки обоснованности обвинения в особом порядке, с акцентом на необходимость критического анализа материалов дела на стадии подготовки [6, с. 117]. В этих разъяснениях следует указать, что суд не может ограничиваться формальным перечислением доказательств, а обязан дать им содержательную оценку с точки зрения непротиворечивости и достаточности.

2. Повысить стандарты мотивировки приговоров, постановленных в особом порядке. В приговоре следует отражать не только формальное соблюдение условий гл. 40 УПК РФ, но и краткий анализ доказательств, которые легли в основу вывода об обоснованности обвинения. В приговоре суд обязан изложить мотивы, по которым он принял или отверг доказательства, оценил те или иные обстоятельства, пришел к выводам о виновности (невиновности) и назначил конкретное наказание.

3. Стимулировать судей к более активному использованию права на прекращение особого порядка при возникновении малейших сомнений в виновности или добровольности ходатайства [9, с. 18]. Такое решение должно рассматриваться не как недостаток работы судьи, а как гарантия соблюдения прав личности и проявление профессиональной ответственности. В этих целях возможно внесение изменений в систему оценки деятельности судей, исключающих негативное влияние на показатели работы решений о прекращении особого порядка.

4. Обеспечить реальное участие защитника на стадии заявления ходатайства об особом порядке. Следует исключить ситуации, когда защитник формально присутствует при заявлении ходатайства, но не оказывает подсудимому реальной юридической помощи [10; 11]. В этих целях возможно закрепление обязанности защитника представить письменное заключение об обоснованности применения особого порядка с анализом доказательственной базы.

Анализ проблем реализации судебного усмотрения в особом порядке позволяет определить перспективы дальнейшего развития данного института.

Представляется, что дальнейшая эволюция особого порядка должна идти по пути дифференциации процедуры в зависимости от сложности уголовного дела и объема доказательственной базы. Возможно выделение двух форм особого порядка: упрощенной (для очевидных преступлений с минимальным объемом доказательств) и усложненной (для дел средней тяжести, где требуется более тщательная проверка обоснованности обвинения).

Другим перспективным направлением является расширение диспозитивных начал с одновременным усилением гарантий прав личности. Например, можно предусмотреть возможность заключе-

ния соглашения о признании вины с определением конкретного наказания, которое будет обязательным для суда при условии тщательной проверки добровольности такого соглашения и его соответствия интересам правосудия [6, с. 28].

Важным направлением является цифровизация процедуры особого порядка, включая создание электронных шаблонов приговоров, автоматизированную проверку соблюдения условий применения особого порядка, использование систем поддержки принятия решений для оценки достаточности доказательств.

Наконец, необходимо совершенствование системы судебного контроля за законностью и обоснованностью приговоров, постановленных в особом порядке. Вышестоящие суды должны более тщательно проверять не только формальное соблюдение процедуры, но и содержательную сторону решений, включая оценку достаточности доказательств и мотивировку выводов суда.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд итоговых выводов.

Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, является одним из наиболее востребованных процессуальных институтов, однако его реализация сопряжена с серьезными противоречиями, затрагивающими фундаментальные основы правосудия.

Центральным противоречием является несоответствие между обязанностью суда установить обоснованность обвинения (ч. 7 ст. 316 УПК РФ) и законодательным запретом на исследование и оценку доказательств в судебном заседании (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Это противоречие приводит к смещению центра тяжести судебного познания и формирования внутреннего убеждения о виновности на стадию подготовки к судебному заседанию, что создает риски обвинительного уклона и формализма.

Система пределов судебного усмотрения в особом порядке, включающая нормативные, процессуальные и субъективно-этические ограничители, в целом выполняет свою сдерживающую функцию, но не в полной мере предотвращает возможные злоупотребления и ошибки. Наиболее проблемными аспектами остаются формальный подход к проверке обоснованности обвинения, недостаточная мотивированность приговоров, ограничение права на оправдание.

Для обеспечения соответствия особого порядка целям правосудия необходим пересмотр сложившейся практики в сторону усиления гарантий прав личности. Это предполагает как внесение точечных изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на углубление проверочной деятельности суда на стадии подготовки, так и изменение правоприменительного подхода, при котором процессуальная экономия не будет доминировать над требованием законности и справедливости судебного решения.

Задача законодателя, науки и судейского сообщества состоит в том, чтобы не допустить окончательной «процедурализации» правосудия, сохранив в особом порядке пространство для содержательного, информированного и гуманного судебного усмотрения, которое остается краеугольным камнем справедливого судебного разбирательства. Только в этом случае особый порядок сможет быть не просто «судебным конвейером», а эффективным и справедливым инструментом разрешения уголовно-правовых конфликтов.

1. Азарова Е. С. Судебное усмотрение в уголовном процессе: алгоритмы и практика реализации. Москва: Русайнс, 2026. 204 с.

2. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15—25.

3. Азарова Е. С. Теоретические основы усмотрения в уголовном процессе. Волгоград: ВолГУ, 2013. 184 с.

4. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. Москва: Проспект, 2013. 376 с.

1. Azarova Ye. S. Judicial discretion in criminal procedure: algorithms and implementation practice. Moscow: Rusains; 2026: 204. (In Russ.).

2. Golovko L. V. Digitalization in criminal procedure: is it local optimization or global revolution? Journal of Economic Security, 15—25, 2019. (In Russ.).

3. Azarova Ye. S. Theoretical foundations of discretion in criminal procedure. Volgograd: the Volgograd State University; 2013: 184. (In Russ.).

4. Grachyeva Yu. V. Judicial discretion, while applying criminal and legal norms: problems and solutions. Moscow: Prospect; 2013: 376. (In Russ.).

5. Азарова Е. С. Механизм формирования судебного усмотрения // Закон и право. 2022. № 7. С. 122—125.

6. Рябинина Т. К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти. Москва: Юрлитинформ, 2021. 216 с.

7. Волосова Н. Ю. Цифровизация правосудия: перспективы и опасности // Социально-политические науки. 2022. № 3. С. 58—63.

8. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1984. 175 с.

9. Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4. С. 15—18.

10. Панько Н. К. Проблема справедливости в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2008. № 1. С. 262—269.

11. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов невербальных следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу. Москва: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

5. Azarova Ye. S. Mechanism to form judicial discretion. Law and right, 122—125, 2022. (In Russ.).

6. Ryabinina T. K. Activities of the court on appointing and preparing a criminal case for a trial in the mechanism for implementing judicial authority. Moscow: Yurlitinform; 2021: 216. (In Russ.).

7. Volosova N. Yu. Digitalization of justice: prospects and risks. Social and political sciences, 58—63, 2022. (In Russ.).

8. Pashkevich P. F. Procedural law and the efficiency of criminal proceedings. Moscow: Legal Literature; 1984: 175. (In Russ.).

9. Bozrov V. M. On the problem related to fairness in the criminal proceedings. Russian Judge, 15—18, 2005. (In Russ.).

10. Panko N. K. Problem of justice in the criminal proceedings. Journal of the Voronezh State University. Law Series, 262—269, 2008. (In Russ.).

11. Rossinsky S. B. Conceptual foundations to form the results of non-verbal investigative and judicial actions in proving a criminal case. Moscow: Yurlitinform; 2015: 224. (In Russ.).

Азарова Екатерина Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
aes2404@yandex.ru

Azarova Yekaterina Sergeyevna,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
aes2404@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.13

СИСТЕМА СТАДИЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НЕЗЫБЛЕМОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ АРХИТЕКТОНИКИ

Сергей Валерьевич Гурдин
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, sgurdin@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается институциональное значение системы стадий уголовного процесса как фундаментального и системообразующего элемента его российской модели. Исследование основано на комплексном анализе положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доктринальных источников и материалов судебной практики. Обосновывается положение о том, что последовательность стадий формирует внутренне согласованный, иерархически структурированный механизм, обеспечивающий реализацию задач производства по уголовному делу, предусмотренных ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Рассматривается назначение единства стадий, а также тезис о принципиальной нерушимости их системы. Подчеркивается, что искусственное создание условий, способствующих игнорированию внутренней логики последовательного, стадийного познания, приведет к поверхностности исследования обстоятельств совершенного преступления и повысит риск вынесения судебного решения, искажающего основополагающие принципы судопроизводства и нарушающего права его участников. Делается вывод о недопустимости вмешательства в систему стадий без изменения базовых основ уголовного процесса и обосновывается тезис о неизменности их системного построения как условия сохранения целостности и устойчивости процессуальной формы в современной правовой действительности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса, назначение стадий, система стадий, функции системы стадий, системность стадий, нерушимость системы стадий, уголовно-процессуальная форма, законность, гарантии прав личности, целостность процессуальной формы

Для цитирования: Гурдин С. В. Система стадий российского уголовного судопроизводства: незыблемость процессуальной архитектоники // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 61—67.

SYSTEM OF STAGES IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: THE INVIOLABILITY OF PROCEDURAL ARCHITECTONICS

Sergey Valerievich Gurdin
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, sgurdin@gmail.com

Abstract. This article deals with the institutional significance of the system of stages in criminal proceedings as a fundamental and system-forming element of the Russian model. The study is based on a comprehensive analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, doctrinal documents and judicial practice. The author substantiates that the sequence of stages forms an internally consistent, hierarchically structured mechanism that ensures the implementation of the objectives of criminal proceedings, as provided by Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The purpose of the unity of stages, as well as the provision on the fundamental inviolability of their system, are considered. The author emphasizes that to form conditions in an artificial way that contribute to ignoring the internal logic of sequential, stage-by-stage knowledge will lead to non-detailed examination of the circumstances of the crime committed and increase the risk of a court decision distorting the fundamental principles of legal proceedings and violating the rights of its participants.

The author makes a conclusion related to the inadmissibility of interference in the system of stages without changing the basic principles of criminal proceedings and substantiates the provision regarding the immutability

© Гурдин С. В., 2026

of their systemic structure as a condition to maintain the integrity and stability of the procedural form in modern legal reality.

Keywords: criminal proceedings, stages of criminal proceedings, purpose of stages, system of stages, functions of the system of stages, systematic nature of stages, inviolability of the system of stages, criminal procedural form, legality, guarantees of individual rights, integrity of the procedural form

For citation: Gurdin S. V. System of stages in criminal proceedings in Russia: the inviolability of procedural architectonics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 61—67, 2026. (In Russ.).

Производство по уголовному делу в Российской Федерации представляет собой сложную, регламентированную законом деятельность, направленную на установление события преступления, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Этот нормативно упорядоченный процесс не является хаотичным или произвольным: он строго структурирован и последовательно развивается во времени и пространстве через систему взаимосвязанных частей — стадий.

Система этих этапов уголовного судопроизводства — не технический календарь событий, а фундаментальная, незыблемая архитектоника производства по уголовным делам, обеспечивающая его легитимность, эффективность и соответствие конституционным принципам. Понимание назначения каждой части и их совокупности как целостной системы имеет первостепенное значение для теории и правоприменительной практики, гарантируя соблюдение прав участников и формирование такой совокупности достоверных знаний, которая точно описывает событие преступления.

Следовательно, любое немотивированное вмешательство в структуру процесса — будь то укрупнение, усечение или ликвидация отдельных стадий — неизбежно приведет к ослаблению процессуальных гарантий личности, отрицательной коррекции законности и обоснованности принимаемых решений. В этом случае будет нарушен выработавшийся за многие годы, основанный в том числе на менталитете граждан Российской Федерации, хорошо изученный и не вызывающий серьезного отторжения механизм движения уголовного дела с момента его возбуждения до той поры, когда, по мнению общества, справедливость должна восторжествовать в зале судебного заседания.

Продолжая мысль, отметим, что в доктрине уголовного процессуального права под стадией принято понимать относительно самостоятельную, логически завершенную часть уголовного судопроизводства, характеризующуюся: специфическими задачами, вытекающими из его общего назначения (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)); особым кругом участников, наделенных соответствующими процессуальными полномочиями (суд, прокурор, следователь, дознаватель, обвиняемый, защитник, потерпевший и др.); специфической процессуальной формой (процедурой), т. е. порядком совершения процессуальных действий и принятия решений, установленных законом для данного этапа; итоговым процессуальным решением (актом), ее завершающим и определяющим дальнейшее движение дела (постановление о возбуждении уголовного дела, обвинительное заключение, приговор, кассационное определение и т. д.) [1, с. 78]; определенным этапом познания обстоятельств преступления и формирования позиции сторон.

Современная, классическая их система — это не только заметное явление в российском уголовном судопроизводстве, но и законодательно закрепленная последовательность, включающая все его основные части, непосредственно связанные с принятием юридически значимых решений уполномоченными государственными органами и должностными лицами, а также с выполнением ими действий, направленных: на возбуждение уголовного дела (гл. 19—20 УПК РФ); предварительное расследование (дознание, в том числе в сокращенной форме, и предварительное следствие) (раздел VIII УПК РФ); назначение судебного заседания (подготовка к судебному заседанию) (гл. 33—34 УПК РФ); судебное разбирательство в суде первой инстанции (раздел IX УПК РФ); производство в суде апелляционной инстанции (гл. 45.1 УПК РФ); исполнение приговора (раздел XIV УПК РФ); производство в суде кассационной инстанции (гл. 47.1 УПК РФ); производство в суде надзорной инстанции (гл. 48.1 УПК РФ); возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

Все перечисленные элементы процесса взаимосвязаны, дополняют друг друга и, несмотря на относительную самостоятельность, представляют собой сложное, но единое явление.

Такое хорошо известное построение уголовного процесса отражает то, каким законодатель хочет видеть порядок производства по уголовным делам, а также позволяет раскрыть назначение его частей: достижение целей судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ (защитить права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод), через их специализацию и последовательность.

Это достигается за счет реализации ключевых функций системы, которые описаны ниже.

Среди первых выделяется *поступательное установление знания* о событии преступления, которое существует объективно, т. е. не зависит от чьего-либо отношения к нему. Каждая стадия вносит свой, только ей одной присущий вклад в познание обстоятельств совершенного преступления. Ее познавательный потенциал определяется не только объемом процессуальных полномочий участников, но и характером принимаемых итоговых решений, предопределяющих дальнейшее движение дела.

Так, возбуждение уголовного дела констатирует наличие повода и основания для начала процессуальной деятельности в полном объеме; предварительное расследование направлено на установление события преступления, лиц, его совершивших, и процессуальное оформление доказательственной базы, обеспечение условий для реализации прав участников; на этапе назначения судебного заседания проверяется готовность дела для рассмотрения судом и соблюдение процедурных требований, необходимых для этого; в свою очередь судебное разбирательство является центральной стадией, где в условиях гласности, состязательности и непосредственности судом исследуются все доказательства и разрешается вопрос о виновности лица в совершении преступления и наказании.

Последующие стадии обеспечивают проверку законности и обоснованности принятых решений и исправление судебных ошибок [2, с. 112].

Не менее интересна *функция обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений*. Современной науке доподлинно известно, что любая стадия обладает свойственными ей процессуальными гарантиями и контрольными механизмами, без которых представить уголовный процесс было бы крайне затруднительно или и вовсе бесперспективно. В нашем случае важно помнить, что решения, принимаемые в предыдущих этапах (особенно ограничивающие права граждан), проверяются в последующих. Например, законность и обоснованность заключения под стражу проверяется судом в порядке ст. 108 УПК РФ (в рамках предварительного расследования), а затем постановление уже судьи может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке. Окончательные решения суда первой инстанции в зависимости от воли сторон могут проходить и часто проходят проверку в апелляционном порядке. Здесь, несмотря на свой факультативный характер, апелляционное обжалование превратилось в своеобразный барьер на пути вступления в силу приговоров и иных судебных актов, не соответствующих закону, т. е. нарушающих права участников процесса. Следовательно, системность стадий создает многоуровневый фильтр законности, минимизируя возможность произвола и принятия неправомерных решений, обеспечивая тем самым институциональную устойчивость процесса. Поэтому упразднение или формализация какой-либо стадии неизбежно ослабит этот контрольный механизм, поскольку нарушит баланс между принятием решений и их последующей проверкой. Реализация и защита прав участников процесса также органично связана со стадийностью. Если рассмотреть это положение с такой позиции, то можно говорить о том, что в стадии возбуждения уголовного дела гарантируется право на судебную проверку отказа в его возбуждении; в части предварительного расследования осуществляется право на защиту, знать, в чем подозревается, обвиняется лицо, вовлеченное в орбиту уголовного судопроизводства, возможность представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы; этап назначения судебного заседания дает возможность сторонам заявить ходатайства о вызове свидетелей, истребовании доказательств, исключении недопустимых доказательств; судебное разбирательство — это пора максимального воплощения принципа состязательности и наивысшей степени обеспечения прав участников независимо от их принадлежности к той или иной стороне. Вместе с тем возможность обжалования обеспечивает право на пересмотр судебного решения в том случае, если кто-то из участвующих в деле лиц, имеющих право на обжалование, сочтет такое решение незаконным, необоснованным, несправедливым. Видно, что каждая часть процесса последовательно предлагает специфический набор законных возможностей для отстаивания своей позиции и защиты своих интересов. Таким образом, вся их совокуп-

ность выступает не только формой организации процессуальной деятельности, но и гарантией поэтапного раскрытия и реализации субъективных прав участников, что придает ей выраженное правозащитное измерение. Нарушение этой устоявшейся последовательности или пропуск одной из ее частей лишает участников уголовного судопроизводства этих возможностей в установленный законом момент.

Следующая функция — *это эффективное разграничение сфер деятельности органов и должностных лиц в зависимости от их компетенции.* Она проявляется в том, что стадии четко распределяют полномочия между органами расследования, прокуратурой и судом. Например, досудебные части (возбуждение уголовного дела, предварительное расследование) — это в большей степени сфера деятельности органов предварительного расследования под практически постоянным надзором прокурора и в меньшей степени суда, реализующего некоторые из своих полномочий на этих этапах. Судебные же части — это исключительная компетенция суда, играющего доминирующую роль в обозначенном правовом поле. Такое разделение объема полномочий не позволяет сосредоточить функции обвинения, защиты и разрешения дела в одних руках, что является основой справедливого судопроизводства (ст. 15 УПК РФ). Если бы суд получил функции расследования, это разрушило бы баланс между элементами процессуального производства по уголовному делу.

Анализ системы стадий помогает выявить еще одну ее функцию — *экономию процессуальных ресурсов и отсеивание бесперспективных дел*, которая проявляется в некоторых частях уголовного судопроизводства. Система в данном случае действует как фильтр, отсеивающий заявления и сообщения, не содержащие признаков преступления, на этапе возбуждения уголовного дела. Если на этом этапе речь идет о заявлениях и сообщениях, которые не получают процессуального продолжения в виде уголовного дела, то в ходе предварительного расследования при обнаружении обстоятельств, перечисленных в ст. 24 УПК РФ, прекращаются уже возбужденные уголовные дела. Кроме того, дела, не имеющие перспективы рассмотрения судом первой инстанции, прекращаются при подготовке к судебному заседанию в соответствии со ст. 236 УПК РФ или даже в самом судебном заседании (ст. 254 УПК РФ) при обнаружении обстоятельств, делающих невозможным дальнейшее разбирательство. Такое положение дел теоретически способствует снижению нагрузки на суды, экономии государственных ресурсов ввиду отсутствия безосновательно возбужденных дел, которые пришлось бы рассматривать, а также недопущению судебного разбирательства по причине прекращения дел на этапе подготовки к нему и в ходе самого разбирательства по указанным выше причинам.

Поговорим далее о *системности стадий*, проявляющейся в их единстве, последовательности, иерархичности и нерушимости.

Под системностью в рассматриваемом контексте следует понимать свойство множества частей уголовного судопроизводства, отличающее их от любой другой совокупности процессуальныхявлений. Говоря иначе, это его внутренний порядок, где каждый этап связан с другими и влияет на производство по уголовному делу в целом, при этом изменение одного этапа может сказаться на всех остальных и привести к неприятию итогового результата. Действительно, совокупность стадий — это не просто перечень этапов, а органичное, неразрывное единство, *системность* которого проявляется в следующих теоретических положениях.

Во-первых, это *единство конечной цели*, означающее, что все части подчинены единому замыслу — правильному (законному, обоснованному и мотивированному) разрешению уголовного дела по существу и выполнению назначения судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Способствует этому строгая процедура, выстроенная законодателем. Переход от одного этапа к другому осуществляется только в установленном законом порядке, при наличии законных оснований и итогового процессуального решения предыдущей стадии. Невозможно начать предварительное расследование без постановления о возбуждении уголовного дела, нельзя назначить судебное заседание без составленного обвинительного заключения, акта, постановления, и уж тем более невозможно рассматривать дело в апелляционном порядке без вынесенного приговора судом первой инстанции и так далее.

Заметно, что эта последовательность не формальность, а гарантия полноты исследования обстоятельств дела и соблюдения прав его участников. Попытки обойти ее (например, передача дела в суд без проведения полноценного расследования) являются грубейшим нарушением уголовно-процессуального закона, так как в данной ситуации задачи, стоящие перед конкретным этапом производства, не выполнены в полном объеме:

не получены исчерпывающие знания о событии преступления и другие имеющие существенное значение для дела сведения.

Следующее не менее интересное положение, которое буквально лежит на поверхности, — это *иерархичность стадий и контроль* последующих за предыдущими. Если рассмотреть их с этой точки зрения, становится ясно, что каждая последующая проверяет законность и обоснованность действий и решений, принятых на предыдущих этапах, о чем уже упоминалось выше в контексте обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений. В данном случае отчетливо видно, что каждый последующий структурный элемент стоит над предыдущим в процессуальной иерархии контроля.

Системность построения единства компонентов уголовного процесса проявляется также в их *взаимной связи и взаимозависимости.* Результаты и материалы, полученные на одном этапе, служат основой для действий и принятия процессуальных решений на последующих (протоколы следственных действий, заключение эксперта, различного рода постановления). Тем не менее нарушения, допущенные на ранних процессуальных периодах движения уголовного дела (например, незаконное получение доказательств), могут иметь серьезные последствия в дальнейшем (признание доказательства недопустимым, отмена приговора). Таким образом, прочность всей системы зависит от того, насколько законными и обоснованными были действия и решения, произведенные и принятые на предыдущих этапах, а также от качества работы уполномоченных лиц и органов на каждом из них. Вот почему не стоит забывать о том, что перечень стадий, их последовательность и основное содержание определены императивными нормами УПК РФ, следовательно, участники процесса не вправе по своему усмотрению изменять эту процессуальную форму. Соответственно, признаком системности всей совокупности стадий будет *обязательность* их построения для правоприменителя.

Следующий элемент, не только отражающий системный характер совокупности частей уголовного процесса, но и являющийся предметом споров на полях юридических изданий, — *нерушимость их построения*: такая позиция в настоящее время нуждается в дополнительной аргументации и опровержении критики. Тезис о нерушимости означает, что ядро этой процессуально состоявшейся конструкции — ее структура, последовательность и назначение основных этапов — является конституирующим элементом уголовного процесса, не подлежащим произвольной ломке или упрощению под предлогом процессуальной экономии или ускорения. Изучение действующего законодательства и современной юридической литературы показывает, что устойчивая неизменность этой системы определяется следующими хорошо известными положениями. Первое место в этом перечне, безусловно, занимают конституционные гарантии, к которым можно отнести: право на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации), право на справедливое судебное разбирательство (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах), подразумевающие наличие эффективных процедур, включающих возможность проверки судебных решений вышестоящими инстанциями в апелляционном, кассационном и даже надзорном порядке. Ликвидация этих элементов умалила бы право на защиту [3, с. 32]. Второе место уверенно занимает принцип законности (ст. 7 УПК РФ), так как всякое произошедшее помимо воли законодателя изменение установленной законом процессуальной формы само по себе является нарушением закона, влекущим за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Необходимо также учесть, что существующие гарантии от судебных ошибок, выражающиеся в многоступенчатости производства по уголовным делам, обеспечиваются именно стадийностью. В этом случае именно существующая архитектура самостоятельных частей производства по уголовному делу, их единство и есть важнейшая гарантия выявления и исправления судебных ошибок, так как у вышестоящих судов есть на это не только право, но и обязанность. Статистика отмены приговоров в апелляционном и кассационном порядке подтверждает жизненную необходимость этих стадий[1]. Вместе с тем в юридической литературе высказываются мнения о громоздкости этой существующей системы последовательно сменяющих друг друга процессуальных этапов, ее медлительности. Предлагаются модели упрощения или укорочения процесса, иногда путем слияния стадий или ликвидации некоторых из них (например, профессор Б. Я. Гаврилов предлагает «исключить

[1] Обзор кассационной и надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2023 г.: (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

нормы о возбуждении уголовного дела из УПК» [4, с. 37]). В свою очередь профессор А. В. Гриненко обоснованно отмечает, что «стадия возбуждения уголовного дела выполняет первичную охранительную функцию по отношению к гражданам: именно в ее рамках устанавливается наличие или отсутствие оснований для привлечения лица к уголовному преследованию. Отказ от формального „входного“ фильтра создает риск произвольного начала уголовного преследования по надуманным основаниям, что несовместимо с принципом охраны прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве» [5, с. 77]. Соглашаясь с А. В. Гриненко, отметим, что упрощение часто означает ослабление гарантий личности, причем тех самых, заложенных в Конституции Российской Федерации, которые обсуждаются на полях научных конференций и страницах юридической литературы. Предлагаемые так называемые альтернативы (административное преследование вместо уголовного по ряду деяний) обычно не обеспечивают того же уровня процессуальных гарантий, что и полноценное уголовное судопроизводство со всеми его этапами. Невозможно представить себе демократическое государство, в частности Российскую Федерацию, в котором во главе угла уголовно-процессуального законодательства будет поставлено некое ускорение за счет упрощения и пресловутой процессуальной экономии уголовного судопроизводства как минимум потому, что ускорение не должно достигаться ценой справедливости. Аргументируя сказанное, отметим, что право на справедливое предварительное расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела в суде включает в себя и разумность сроков, в которые все это должно произойти (ст. 6^1 УПК РФ), но не предполагает поспешности в ущерб установлению судебной истины и защите прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, даже несмотря на то, что, на первый взгляд, действующий УПК РФ вообще не ставит задачи установления никакой истины, а справедливость и вовсе понятие оценочное. Очевидно, возникающие иногда проблемы с соблюдением процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве могут порождать мнения о возможности усечения отдельных его частей для разрешения подобной ситуации и недопущения ее вновь. Полагаем, что такое видение не совсем верное. Несоблюдение процессуальных сроков является проблемой правоприменения и внутренней организации отдельных этапов, но не следствием самого факта многостадийности процесса. Ликвидация или существенное сокращение отдельных его частей не устранит источник проблемы, но лишит систему уголовного судопроизводства ее правозащитного потенциала, не будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства в полном объеме.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Система стадий уголовного судопроизводства представляет собой объективно существующую, императивно закрепленную в УПК РФ и процессуальной доктрине фундаментальную структуру — каркас, на котором держатся легитимность, эффективность процесса и его соответствие конституционным принципам.

Эта процессуальная конструкция обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства через поступательное установление истины, рождающейся в суде, гарантирование правомерности и обоснованности процессуальных решений, охрану прав участников, эффективное распределение процессуальных функций и рациональное использование ресурсов. Ее неизменность — это не процессуальный консерватизм, а необходимое условие легитимности, справедливости и эффективности производства по уголовному делу. Это правило вытекает из конституционных гарантий прав личности, принципа законности, потребности в полноте исследования обстоятельств дела и надежности защиты от судебных ошибок.

Поэтому совершенствование уголовного процесса должно идти по пути оптимизации процедур внутри существующих этапов производства по уголовному делу, повышения эффективности деятельности органов расследования и суда при неукоснительном соблюдении установленной законом процессуальной последовательности и гарантий, предоставляемых в каждом процессуальном периоде.

Стадийность уголовного судопроизводства — это «живое» и необходимое устройство, обеспечивающее баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав его участников. Ее сохранение и надлежащее функционирование каждой стадии — залог качественного отправления правосудия в государстве.

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебник. 16-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2022. 688 с.

2. Лазарева В. А., Иванов В. Д. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2021. 415 с.

3. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. Москва: Проспект, 2019. 272 с.

4. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33—40.

5. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учеб. и практикум для академ. бакалавриата. Москва: Юрайт, 2026. 334 с.

1. Bezlepkin B. T. Criminal procedure in Russia. Textbook. 16th ed., rev. and suppl. Moscow: KNORUS; 2022: 688. (In Russ.).

2. Lazareva V. A., Ivanov V. D. Evidence in criminal procedure. Textbook. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait; 2021: 415. (In Russ.).

3. Petrukhin I. L. Theoretical foundations of the reform of criminal procedure in Russia. Part I. Moscow: Prospect; 2019: 272. (In Russ.).

4. Gavrilov B. Ya. Stage to initiate a criminal case: the opinion of practitioners and scientists. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 33—40; 2016. (In Russ.).

5. Grinenko A. V. Criminal procedure. Textbook and manual for the academic bachelor's degree. Moscow: Yurait; 2026: 334. (In Russ.).

Гурдин Сергей Валерьевич,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
sgurdin@gmail.com

Gurdin Sergey Valerievich,
associate professor
at the criminal procedure department
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
sgurdin@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.14

ЦИФРОВЫЕ (ЭЛЕКТРОННЫЕ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Наталья Владимировна Гурьева
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, gureva.n.v@bk.ru

Аннотация. Цифровая трансформация общественных отношений вообще и криминальной активности в частности обусловила устойчивый рост доказательственной информации, существующей в электронной среде: данные операторов связи, видеозаписи, логи информационных систем, переписка, сведения геолокации и иные цифровые следы. Вместе с тем российское уголовно-процессуальное законодательство, формально допускающее использование электронной информации в доказывании по уголовным делам через традиционные источники доказательств, сохраняет фрагментарность и не формирует единого режима обращения с цифровыми данными на стадиях их собирания, закрепления, хранения и проверки. Отсутствие легального определения цифровых (электронных) доказательств, недостаточная определенность статуса метаданных, пробелы, имеющиеся в установленных законодателем процедурах обеспечения достоверности применительно к подобным доказательствам, порождают неоднородность правоприменения и риски признания последних недопустимыми либо недостоверными.

В статье анализируются сущность и значимость цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе Российской Федерации, их роль в доказывании по уголовным делам и концептуальные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения надежности, воспроизводимости и проверяемости цифровой доказательственной информации.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, цифровые (электронные) доказательства, электронная информация, допустимость, достоверность, целостность данных, метаданные, оценка доказательств, цифровизация, электронное уголовное дело

Для цитирования: Гурьева Н. В. Цифровые (электронные) доказательства: значение и проблемы достоверности в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 68—75.

DIGITAL (ELECTRONIC) EVIDENCE: SIGNIFICANCE AND RELIABILITY ISSUES IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Nataliya Vladimirovna Guriyeva
Volgograd State University, Volgograd, Russia, gureva.n.v@bk.ru

Abstract. The digital metamorphosis of social relations in general as well as criminal activity in particular has led to a steady increase in evidentiary information existing in the electronic environment: telecommunications operator data, video footage, information system logs, correspondence, geolocation data, and other digital traces. While Russian criminal procedure law nominally integrates electronic data via traditional evidentiary sources, it remains a fractured mosaic, failing to weave a cohesive chain of digital evidence from the initial stage of collection and fixation to the final stages of storage and verification. The void in legal definition for digital evidence, the nebulous status of metadata, and the legislator-established procedural fractures in ensuring digital evidence authenticity give rise to law enforcement volatility, threatening to render such evidence inadmissible or unreliable.

The article analyzes the essence and significance of digital (electronic) evidence within criminal procedure of the Russian Federation, mapping its role in criminal proceedings, and conceptual directions for legislative evolutions to fortify the reliability, replicability, and verifiability of digital evidentiary information.

© Гурьева Н. В., 2026

Keywords: criminal procedure, evidence, digital (electronic) evidence, electronic information, admissibility, reliability, data integrity, metadata, evaluation of evidence, digitalization, electronic criminal case

For citation: Guriyeva N. V. Digital (electronic) evidence: significance and reliability issues in criminal proceedings of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 68—75, 2026. (In Russ.).

Цифровая среда в последние годы приобрела качество системообразующего пространства общественной жизни, в котором происходит значительная часть различного рода коммуникаций, экономических операций, управления, хранения и передачи информации. Соответственно, трансформировалась и преступность: совершение уголовно наказуемых деяний либо подготовка к ним, сокрытие следов противоправной деятельности, координация действий, обналичивание денежных средств, полученных преступным путем, распространение противоправного контента и многие иные элементы преступной деятельности в существенной мере осуществляются с использованием информационных технологий и оставляют следы в электронных системах [1, с. 232—233].

В этих условиях уголовное судопроизводство неизбежно сталкивается с массивом доказательственной информации, существующей преимущественно или исключительно в цифровой форме: лог-файлы, сведения о сетевых соединениях, данные биллинга, геолокационные сведения, переписка в мессенджерах, записи с камер наблюдения, цифровые документы и электронные платежи. Однако наличие технически доступной информации не тождественно ее процессуальной пригодности. Доказательство в российском уголовном процессе — это не только «сведения», но и правовая форма их получения, закрепления и проверки, обеспечивающая допустимость и возможность использования в обосновании процессуальных решений [2, с. 90].

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) не содержит легального определения «цифровых (электронных) доказательств», а электронные сведения вводятся в процесс через традиционные источники доказательств, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Вследствие этого сохраняется некое разночтение понимания (носитель как вещественное доказательство или содержание как документ), избыточная «бумажная переработка» электронных сведений, неоднородность правоприменения в целях обеспечения целостности и фиксации метаданных, а также зависимость оценки достоверности от проводимой впоследствии экспертизы [2, с. 90—91; 3, с. 179—180].

Возникшая в теории уголовно-процессуального права дискуссия предполагает два направления: концептуальное (нужно ли выделять электронные доказательства как самостоятельный вид или «растворить» их в существующей системе) и процедурное (какие правила обращения с цифровыми данными должны обеспечить их надежность и проверяемость). Исследователи подчеркивают, что без системного порядка собирания, закрепления, хранения и оценки цифровых сведений правоприменитель нередко избегает их активного использования либо вынужден прибегать к формалистическому дублированию, что очевидно снижает эффективность доказывания [2, с. 90; 3, с. 178—180].

В настоящей статье мы предприняли попытку раскрыть сущность и значимость цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе Российской Федерации, определить их роль в доказывании по уголовным делам и сформулировать концептуальные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и сопутствующих процедур, ориентированные на обеспечение надежности и достоверности цифровых данных (включая метаданные).

В современной юридической литературе употребляются близкие по смыслу словосочетания: «цифровые доказательства», «электронные доказательства», «цифровые (электронные) доказательства», что отражает стремление описать новые проявления доказательственной информации через признаки технической формы, способ кодирования и среду хранения [1, с. 233; 4, с. 105]. Различие терминов не всегда ведет к различию явлений; чаще речь идет об одном и том же массиве сведений, полученных из цифровой среды или зафиксированных электронными средствами, но представленных в процессе через традиционные источники доказательств [1, с. 234].

Позиция, отрицающая необходимость выделения цифровых доказательств в самостоятельный вид, строится на тезисе: «Закон говорит о „любых сведениях“ (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), а значит, электронные сведения могут быть без препятствий отнесены к существующим источникам — прежде всего к вещественным доказательствам (носитель) и иным документам (содержание)» [1, с. 234]. Сторонники этой линии предупреждают о риске

неоправданного дробления системы доказательств и избыточного усложнения понятийного аппарата.

Другая группа исследователей подчеркивает, что формальная возможность «встроить» цифровые сведения в существующие категории не устраняет дефицит процессуальной определенности: отсутствуют единые процедуры обеспечения целостности, фиксации метаданных, прослеживаемости обращения с данными; следователь нередко вынужден действовать в «ручном режиме», что повышает вероятность процессуальных дефектов и спорность допустимости получаемых доказательств [2, с. 90—91; 3, с. 179]. В результате в практической плоскости возникает не столько конфликт терминов, сколько конфликт стандартов надежности.

Представляется, что дискуссию о месте цифровых доказательств в системе доказательств рационально вести на двух уровнях. Первый — концептуально-классификационный: нужно ли вводить отдельный источник доказательств. Второй — процедурно-гарантийный: какие правила обращения с цифровой информацией обеспечат соблюдение требований допустимости и создадут условия для проверки достоверности. Даже если законодатель сохранит традиционную конструкцию ст. 74 УПК РФ, цифровая среда требует специального режима, иначе «цифровизация» сведений будет сопровождаться фактическим снижением юридической устойчивости доказательств [4, с. 104].

Требования относимости, допустимости и достоверности распространяются на любые доказательства. Однако в цифровой среде эти требования получают специфическое содержание из-за особенностей цифровых объектов.

Цифровые сведения не воспринимаются непосредственно без аппаратно-программных средств. Это означает, что доказательственное значение приобретает не только содержание (текст, запись, изображение), но и корректность процедур извлечения и воспроизведения. В отличие от классических документов, где материальная оболочка «несет» признаки подлинности, цифровой объект может быть идентичен по отображению при различии по происхождению, контексту и истории изменений [3, с. 179]. Следовательно, допустимость цифровых сведений тесно связана с тем, насколько законно и корректно осуществлялись доступ, извлечение, копирование и закрепление такого рода информации.

Высокая копируемость цифровых данных и возможность создания идентичных копий изменяют смысл традиционного противопоставления оригинала и копии. Для цифровой информации более значимы следующие вопросы:

— можно ли доказать, что представленный объект получен из конкретного источника (устройства / сервиса / системы);

— можно ли подтвердить его неизменность с момента фиксации;

— воспроизводим ли процесс его проверки.

Иными словами, «оригинальность» цифрового доказательства переходит из материального измерения в измерение происхождения и целостности.

Метаданные обеспечивают возможность проверки ключевых обстоятельств: времени создания, источника, параметров записи, устройства, учетной записи, геолокации, истории изменений и доступа. В цифровой среде метаданные часто выступают не вспомогательным, а системообразующим компонентом доказательства, поскольку именно они позволяют связать содержание с конкретным событием и исключить (или подтвердить) предполагаемое вмешательство [3, с. 179—180].

Научно обоснованным является тезис: цифровой контент, оторванный от метаданных, превращается в «сведение без доказуемого контекста». В таком виде он становится уязвимым для сомнений в достоверности, а иногда — и для спора о допустимости, если невозможно подтвердить источник и условия получения.

Цифровые сведения могут быть изменены незаметно для неспециалиста. Поэтому вопрос целостности — не только криминалистический, но и уголовно-процессуальный: суд и стороны должны иметь возможность достоверно установить, изменялись ли данные после их извлечения. Отсутствие императивных процессуальных требований к фиксации состояния данных и к способам подтверждения неизменности создает разрыв между техническими возможностями и процессуальными гарантиями [3, с. 179].

По сути, для цифровых доказательств достоверность во многих случаях становится производной от того, надлежащим ли образом обеспечена и задокументирована целостность данных на всем пути их обращения в ходе осуществления производства по уголовному делу.

Доказательственное значение цифровых данных растет по двум причинам. Первая — массовое «оцифровывание» повседневных действий: перемещения, платежи, коммуникации, доступы к ресурсам фиксируются системами автоматически. Вторая — рост преступлений, совершаемых в циф-

ровой среде, где сведения о событиях и участниках существуют почти исключительно в электронном виде [3, с. 178—179; 5, с. 11].

В таких делах цифровые следы способны выполнять функции:

— установления времени и последовательности событий;

— выявления контактов и связей;

— подтверждения присутствия / отсутствия лица в месте;

— реконструкции механизма совершения деяния;

— выявления ранее неизвестных эпизодов преступной деятельности и ее соучастников.

Важно отметить, что цифровые сведения часто обладают большей детализацией и объективированностью по сравнению с показаниями, подверженными субъективным искажениям [3, с. 180]. Однако именно высокий доказательственный потенциал цифровых данных требует повышения стандартов их процессуальной надежности: чем значимее цифровое доказательство для вывода по делу, тем менее допустима неопределенность в его происхождении и целостности.

Для систематизации подходов к обращению с цифровой информацией представляется методологически полезным разграничивать:

1) оцифрованные сведения (первоначально аналоговые, переведенные в цифровую форму);

2) цифровые по природе сведения (не существующие в иной форме, кроме электронной).

Такое разграничение отражено в доктрине уголовного процесса и криминалистики и важно для оценки возможных рисков их использования. Для оцифрованных сведений добавляется этап конвертации, способный породить искажения или утраты; для цифровых по природе сведений наиболее существенным является корректность извлечения и фиксация метаданных [2, с. 97; 1, с. 232].

Кроме того, очевидно, что для уголовного процесса важна дифференциация цифровых доказательств по источнику:

— данные, созданные человеком (сообщения, файлы);

— данные, созданные системой автоматически (логи, телеметрия);

— данные, полученные от третьих лиц (операторов, сервисов) и переданные следствию [5, с. 9; 6].

Автоматически создаваемые данные часто воспринимаются как более «объективные», однако и они требуют проверки целостности и корректности интерпретации: лог-запись является свидетельством события в системе, но не всегда однозначно свидетельствует о действии конкретного лица без установления связи между учетной записью, устройством и субъектом[1].

Особое место занимают данные, полученные от третьих лиц (операторов, сервисов): скриншоты переписки, распечатки страниц, текстовые выгрузки, копии файлов, экспортированные отчеты. Они широко используются, но именно здесь концентрируются риски утраты метаданных и нарушения целостности получаемой доказательственной информации [6; 7].

С одной стороны, такие данные позволяют включить цифровые сведения в материалы дела в форме, удобной для восприятия. С другой — «удобство» нередко достигается ценой потери ключевых параметров: времени, идентификаторов, истории изменений, сведений о среде формирования. В результате суд получает контент, но не всегда получает доказуемую связь с источником.

В этом проявляется необходимость различать:

— содержание (что показано / написано);

— атрибуты происхождения (откуда извлечено, кем, когда);

— атрибуты неизменности (что подтверждает отсутствие модификации).

Без процессуальной фиксации этих атрибутов данные, полученные от третьих лиц, превращаются в «документы без надежной цифровой генеалогии», что облегчает оспаривание их достоверности и провоцирует суд либо на отказ в доверии, либо на чрезмерную экспертную зависимость.

Цифровизация судебного разбирательства актуализирует вопрос о совместимости новых форматов с традиционными гарантиями, прежде всего с непосредственностью исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ) [8, с. 519]. Исследование цифровых данных, дистанционные допросы и применение видео-конференц-связи меняют «физическую» сторону восприятия доказательств, но не отменяют их процессуального смысла — обеспечить суду и сторонам возможность проверки и формирования внутреннего убеждения [9, с. 73].

В научной литературе подчеркивается, что технологический «посредник» не обязательно разрушает непосредственность, если обеспечивает полноту аудиовизуального восприятия, возможность задавать вопросы, реагировать на ответы,

[1] National Institute of Standards and Technology (NIST). Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response (SP 800-86). 2025; SWGDE (Scientific Working Group on Digital Evidence). Best Practices for Computer Forensics. Version 4.1. 2018.

а главное — гарантирует идентификацию и неизменность исследуемых объектов [9, с. 74].

Следовательно, проблема непосредственности в цифровом измерении тесно связана с надежностью цифровых доказательств: суд должен исследовать именно тот цифровой объект, который был получен по делу, и иметь возможность проверить его метаданные и целостность. Иначе технологизация судебного следствия может привести к формальному восприятию доказательств без реального контроля их происхождения и неизменности.

Сравнительный анализ показывает, что различия правовых семей проявляются в степени формализации правил допустимости и в механизмах судебного контроля. Для романо-германской модели характерна свобода оценки доказательств при соблюдении процессуальных требований; для англосаксонской — более детальная регламентация допустимости и процедур представления доказательств [10, с. 906]. Общим при этом является требование обеспечить суду возможность убедиться в аутентичности и неизменности цифровых данных и оценить их достоверность в контексте совокупности доказательств. Следовательно, развитие цифрового доказывания в любом правопорядке требует усиления процедурных механизмов проверки происхождения и целостности цифровых объектов. Для России актуально развивать технологически нейтральный минимальный стандарт верификации, совместимый со свободой оценки доказательств.

Фрагментарность регулирования цифровых доказательств начинается с терминологии: УПК РФ допускает использование электронных сведений, но не раскрывает их специфики и не выделяет процессуально значимые элементы цифрового объекта (включая метаданные). В результате правоприменение опирается на традиционные конструкции (вещественные доказательства, документы), которые не всегда адекватно отражают структуру цифровой информации и ее риски [1, с. 234; 3, с. 179].

В связи с этим представляется целесообразным закрепить в УПК РФ определение цифровой информации как вида сведений, существующих в электронной форме и требующих технических средств для восприятия, а также определить ее процессуально значимые признаки (наличие метаданных, зависимость от среды хранения (передачи)). Такой шаг не создает новый вид доказательств автоматически, но обеспечивает основу для единообразного понимания объекта процессуальных действий и стандартизации соответствующих процедур с ним.

Целостность цифровых данных в настоящее время обеспечивается не как императивный элемент процессуальной формы, а как техническая опция, зависящая от практики. Это формирует определенные риски правоприменения: цифровой объект может быть представлен в суд без воспроизводимого подтверждения неизменности, а спор о достоверности переносится на разрешение последующего экспертного исследования, что удорожает сам процесс и увеличивает процессуальные сроки [3, с. 179; 11].

Думается, что закрепление на законодательном уровне минимальных требований к обеспечению целостности цифровых данных послужило бы важным условием их надежной проверки. В технологически нейтральном виде это может означать:

— фиксацию исходного состояния цифрового объекта при получении;

— документирование операций копирования / переноса;

— разграничение исходного массива и рабочих копий;

— обеспечение воспроизводимой проверки неизменности на всем пути обращения.

Указанными действиями, на наш взгляд, обеспечивается создание суду и сторонам возможности достоверно ответить на вопрос, сохранился ли объект в неизменном виде.

Метаданные в цифровой среде выполняют функцию доказуемого контекста: они позволяют установить время, источник, параметры создания и изменения, идентификаторы устройства / учетной записи, что крайне важно для определения достоверности полученных сведений [3, с. 179]. Однако отсутствие процедур фиксации метаданных приводит к утрате ключевых свойств доказательства при «упрощенном» представлении (скриншоты, распечатки, ручные переписывания).

Следовательно, в уголовно-процессуальном законе важно закрепить идею обязательности фиксации минимального набора метаданных при приобщении цифровых объектов к материалам уголовного дела. Метаданные должны рассматриваться как часть доказательственной информации, подлежащая проверке и оценке судом, а защита должна иметь возможность доступа к метаданным и постановки вопросов об их извлечении и интерпретации.

Для цифровых доказательств недостаточно констатировать факт изъятия носителя или получения файла. Требуется прослеживаемость: кто, когда, где и каким образом получил данные, копировал, хранил, передавал и исследовал. Без этого

возникает неопределенность относительно возможности вмешательства в суть полученных цифровых сведений, а значит — спор о достоверности и допустимости такого доказательства.

Таким образом, представляется целесообразным законодательно закрепить принцип процессуальной прослеживаемости обращения с цифровыми данными: документирование ключевых операций, идентификация цифровых объектов и их копий, контроль доступа и процедур передачи (в том числе в экспертные учреждения)[1]. Этот принцип не требует введения нового вида доказательств, но создает своего рода каркас их надежности.

Избыточное дублирование цифровых сведений в бумажных протоколах снижает информативность, увеличивает число копий и этапов искажений и создает дополнительные объекты спора [2, с. 96]. Полагаем, что соответствующий протокол должен фиксировать юридически значимые параметры получения цифровых данных (условия, идентификаторы, метаданные, способ извлечения), а цифровой объект — оставаться основным носителем содержания. Это позволяет сохранить процессуальную форму и одновременно обеспечить достоверность через проверяемость, а не через бумажное «переписывание».

Кроме того, очевидно, что надежность цифровых доказательств невозможна без доступности проверки стороной защиты. Техническая сложность цифровых объектов не должна превращать их в «привилегированный» источник, не подконтрольный состязательности. Поэтому крайне важно на законодательном уровне обеспечить процедурные гарантии доступа защиты к копиям цифровых данных и метаданным, возможность заявлять ходатайства о привлечении специалиста и назначении экспертизы по вопросам целостности и происхождения, а также закрепить стандарты судебного исследования цифровых объектов, исключающие формальность.

Цифровые (электронные) доказательства в уголовном процессе Российской Федерации приобретают устойчиво возрастающее значение и во многих категориях уголовных дел становятся ключевым ресурсом доказывания. Их сущность определяется не только электронным способом фиксации, но и совокупностью условий доказательственной пригодности: технической опосредованностью, зависимостью от метаданных, возможностью скрытой модификации, необходимостью воспроизводимого подтверждения целостности и документированной прослеживаемости обращения с данными.

Действующий УПК РФ допускает использование электронных сведений, однако не обеспечивает системного режима обращения с цифровыми данными. Вследствие этого возрастает неоднородность практики, сохраняется избыточная «бумажная» переработка цифровых сведений, усиливается зависимость от экспертиз и возникают повышенные риски оспаривания допустимости и достоверности.

Совершенствование должно быть направлено на формирование технологически нейтрального минимального стандарта надежности цифровых доказательств: легализация базовых понятий цифровой информации, нормативное признание процессуальной значимости метаданных, установление требований к обеспечению целостности и прослеживаемости обращения с цифровыми данными, рационализация протоколирования и укрепление гарантий состязательной проверки.

Другими словами, надежность цифровых доказательств в уголовном процессе не может обеспечиваться «переводом в бумагу» и формальным приобщением носителя: она достигается только при условии процессуально доказуемого происхождения и неизменности цифрового объекта, сопровождаемого доступными для суда и сторон метаданными и документированной цепочкой обращения. Лишь при таком подходе цифровые доказательства реализуют свой потенциал повышения объективности доказывания и устойчивости судебных решений в цифровой реальности.

[1] ISO/IEC 27037:2012. Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. International Organization for Standardization, 2022.

1. Шаталов А. С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231—237.

2. Гладышева О. В., Семенцов В. А., Лошкобанова Я. В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 16 (1). С. 89—99.

3. Хлопчарова С. В. Об эффективности использования цифровых данных как доказательств по уголовным делам // Закон. Право. Государство. 2025. № 4 (48). С. 178—180.

4. Квасница С. Е., Бирюков С. Ю. Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 104—111.

5. Kessler G. C. Anti-forensics and the digital investigator // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2007. Vol. 2 (4). P. 7—14.

6. Mason S., Seng D. Electronic evidence. 4th ed. London: Institute of Advanced Legal Studies, School of Advanced Study, University of London, 2017. 382 p.

7. Computer forensics field triage process model / M. K. Rogers, J. Goldman, R. Mislan [et al.] // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2016. № 1 (2). P. 19—38.

8. Изаксон Р. А., Романова Н. Л. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 518—522.

9. Костенко Р. В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 17 (2). С. 71—79.

10. Abdulkareem F. A., Semenovskii A. I. Assessment of digital evidence in criminal proceedings: Roman-German and Anglo-Saxon approaches // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2025. № 18 (5). P. 906—915.

11. Casey E. Digital evidence and computer crime: forensic science, computers and the internet. 3rd ed. Academic Press (USA), 2011. 775 p.

1. Shatalov A. S. The role, essence and significance of digital (electronic) evidence in criminal proceedings. Journal of the Tomsk state university, 231—237, 2024. (In Russ.).

2. Gladysheva O. V., Sementsov V. A., Loshkobanova Ya. V. Artificial intelligence and digital (electronic) evidence in criminal proceedings. Legal Journal of the Kuban state university, 89—99, 2024. (In Russ.).

3. Khlopcharova S. V. On the efficiency of using digital data as evidence in criminal cases. Law. Right. State, 178—180, 2025. (In Russ.).

4. Kvasnitsa S. Ye., Biryukov S. Yu. Electronic evidence: problems of admissibility in criminal proceedings. Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, 104—111, 2024. (In Russ.).

5. Kessler G. C. Anti-forensics and the digital investigator. Journal of digital forensics, security and law, 7—14, 2007. (In Eng.).

6. Mason S., Seng D. Electronic evidence. 4th ed. London: Institute of Advanced Legal Studies, School of Advanced Study, University of London; 2017: 382. (In Eng.).

7. Rogers M. K., Goldman J., Mislan R. (et al.) Computer forensics field triage process model. Journal of digital forensics, security and law, 19—38, 2016. (In Eng.).

8. Izakson R. A., Romanova N. L. Digitalization in criminal proceedings: digital criminal case, artificial intelligence and electronic evidence. Law and state: theory and practice, 518—522, 2025. (In Russ.).

9. Kostenko R. V. Evolution of the immediacy of evidence examination in digital criminal proceedings. Legal journal of the Kuban state university, 71—79, 2025. (In Russ.).

10. Abdulkareem F. A., Semenovskii A. I. Assessment of digital evidence in criminal proceedings: Roman-German and Anglo-Saxon approaches. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 906—915, 2025. (In Eng.).

11. Casey E. Digital evidence and computer crime: forensic science, computers and the Internet. 3rd ed. Academic Press (USA); 2011: 775. (In Eng.).

Гурьева Наталья Владимировна,
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Волгоградского государственного
университета;
gureva.n.v@bk.ru

Guriyeva Nataliya Vladimirovna,
senior lecturer at the department
of civil law and procedure
of the Volgograd State University;
gureva.n.v@bk.ru

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.1

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОТ АВТОНОМИИ К ИНТЕГРАЦИИ (ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА)

Марина Сергеевна Колосович*, Наталия Владимировна Ходякова**, Василий Герасимович Глебов***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

** Академия управления МВД России, Москва, Россия, hodyakova@yandex.ru

*** Волгоградский институт управления — филиала РАНХиГС, Волгоград, Россия, vasilygleb@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и правоприменительные проблемы использования результатов оперативно-разыскной деятельности при принятии решения о возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе. Отмечается возрастающая роль оперативно-разыскной деятельности в формировании доказательственной базы, однако констатируется отсутствие надлежащего законодательного регулирования порядка интеграции ее результатов в уголовно-процессуальную деятельность. Выявлены основные препятствия: разграничение процессуальной и оперативно-разыскной деятельности на законодательном уровне, ведомственная разобщенность, подмена процессуального документирования оперативно-разыскным, а также отсутствие единой процедуры легализации результатов оперативно-разыскной деятельности. На основе анализа зарубежного законодательства (Латвия, Эстония, Казахстан, Германия, Китай, Грузия) и позиций европейской международной судебной практики обосновывается необходимость процессуальной легитимизации негласных методов получения доказательств. Сделан вывод о целесообразности введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации института негласных следственных действий, что позволит создать прозрачный и предсказуемый механизм использования результатов оперативно-разыскной деятельности, повысить эффективность расследования при соблюдении прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, использование результатов оперативно-разыскной деятельности, возбуждение уголовного дела, негласные следственные действия, уголовно-процессуальное доказывание

Для цитирования: Колосович М. С., Ходякова Н. В., Глебов В. Г. Уголовное судопроизводство и оперативно-разыскная деятельность: от автономии к интеграции (проблемы стадии возбуждения уголовного дела) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 76—83.

CRIMINAL PROCEEDINGS AND DETECTIVE ACTIVITIES: FROM AUTONOMY TO INTEGRATION (PROBLEMS AT THE STAGE TO INITIATE A CRIMINAL CASE)

Marina Sergeyevna Kolosovich*, Natalia Vladimirovna Khodyakova**, Vasily Gerasimovich Glebov***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

** Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, hodyakova@yandex.ru

*** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy, Volgograd, Russia, vasilygleb@yandex.ru

Abstract. In the article, the authors analyze theoretical and law enforcement problems to use the results of detective activities, when taking a decision to initiate a criminal case in criminal proceedings of Russia. The increasing role of detective activities, while forming base of evidence is noted. However, the lack of proper legislative regulation of the procedure to integrate its results into criminal procedural activities is stated. The authors identify main obstacles: the separation of procedural activities and detective one at the legislative level, departmental (branch) disunity, the replacement of procedural documentation with detective one, as well as the lack

© Колосович М. С., Ходякова Н. В., Глебов В. Г., 2026

of a unified procedure to legalize the results of detective activities. Based on an analysis of foreign legislation (Latvia, Estonia, Kazakhstan, Germany, China, and Georgia) and positions of the European international judicial practice, the need for procedural legitimization of covert / non-public methods to obtain evidence is substantiated. The authors make a conclusion on the advisability to introduce the institute of covert / non-public investigative actions into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It gives an opportunity to make a transparent and predictable mechanism for using the results of detective activities, as well as to increase the effectiveness of the investigation, while respecting the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: detective activities, use of the results of detective activities, initiation of a criminal case, covert / non-public investigative actions, criminal procedural proving

For citation: Kolosovich M. S., Khodyakova N. V., Glebov V. G. Criminal proceedings and detective activities: from autonomy to integration (problems at the stage to initiate a criminal case). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 76—83, 2026. (In Russ.).

Реализация назначения уголовного судопроизводства зависит не только от результативности уголовно-процессуальной деятельности, но и от эффективности и законности оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). В соответствии с чч. 1 и 2 п. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) предусматривается осуществление проверочных мероприятий, включающих процессуальные и / или оперативно-разыскные действия, до возбуждения уголовного дела. В настоящее время значимость ОРД в уголовном судопроизводстве, особенно в аспекте формирования доказательственной базы, существенно возросла.

В связи с этим можно согласиться с позицией М. А. Шматова, который обоснованно утверждает, что существует объективная связь между уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью, выражающаяся в наличии общих целей и задач, при этом ОРД направлена на достижение целей и решение задач уголовного судопроизводства [1].

В то же время не утихает дискуссия относительно интеграции ОРД в уголовное судопроизводство. Это представляется закономерным, поскольку УПК РФ изобилует примерами тесной взаимосвязи следователя и дознавателя с оперативно-разыскными подразделениями, что подтверждается рядом положений УПК РФ и подзаконных актов, включая акты ограниченного доступа.

В частности, результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания, в ст. 89 УПК РФ им отводится важная роль; предусматриваются меры по розыску подозреваемых и обвиняемых (ст. 210 УПК РФ); применение мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства (ч. 8 ст. 208 УПК РФ). В целях унификации терминологии в ст. 5 УПК РФ дано определение результатов ОРД (п. 36.1), разыскных мер (п. 38); следователь и дознаватель уполномочены давать органу дознания поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ст. 41, 144 УПК РФ). Органом дознания осуществляется производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ), проводятся негласные следственные действия (например, контроль и запись переговоров).

По постановлению руководителя органа, осуществляющего ОРД, предусмотрено рассекречивание результатов оперативно-разыскных мероприятий и предоставление их руководителю следственного органа для использования в качестве доказательств; по решению руководителя следственного органа предварительное следствие осуществляется следственной группой, в состав которой, кроме следователей, могут быть привлечены сотрудники оперативных подразделений (ст. 163 УПК РФ); следователь вправе привлечь сотрудников оперативных подразделений к участию в следственных действиях (ст. 164 УПК РФ).

По приостановленному уголовному делу, в том числе в связи с тем, что обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования, производство следственных действий не допускается, однако запрета на проведение иных действий не предусмотрено (ст. 208, 209 УПК РФ).

Эти положения свидетельствуют о попытке отечественного законодателя комплексно подойти к регулированию ОРД в контексте уголовного судопроизводства.

Использование результатов ОРД существенно расширяет возможности следователя и дознавателя при проведения расследования, включая организацию следственных действий и тактики их проведения, или проверки поступившего сообщения о преступлении, выдвижения версий произошедшего.

Отсутствие надлежащего регулирования использования результатов ОРД следователем и дознавателем является общей проблемой российского уго-

ловно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства. В то же время С. А. Шейфер, авторитетный специалист в области теории доказательств, выступил с критикой интеграции негласных методов в процессуальную деятельность. В своих научных трудах он подчеркивает, что внедрение оперативно-разыскных мероприятий в систему следственных действий представляет собой концептуальное противоречие основополагающим принципам теории доказательств. С. А. Шейфер аргументирует, что такие действия не только искажают методологическую основу процесса формирования доказательственной базы, но и объективно дестабилизируют структуру следственных процедур, вводя в них чужеродные элементы, не соответствующие традиционным критериям научности и правовой обоснованности [2, с. 11—22].

С этим трудно согласиться, поскольку в российском законодательстве оперативно-разыскные мероприятия, несмотря на их возрастающую роль в уголовном процессе, не заменяют, а дополняют процессуальные действия, осуществляясь параллельно с ними в соответствии с их специфическими целями, задачами и методиками.

Представляется важным пояснить, что оперативно-разыскное право и уголовно-процессуальное — отрасли права, регулирующие схожие общественные отношения, объединенные общей познавательной деятельностью по расследуемому преступлению [1, с. 129], но каждая деятельность в основе своей регулируется самостоятельными законодательными актами, имеют свои источники права, несомненно, взаимодополняющие, но не заменяющие друг друга.

В отличие от международных нормативных актов и национального законодательства ряда зарубежных государств, правовое регулирование оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации функционирует в значительной степени автономно по ряду причин.

Во-первых, необходимо учитывать разграничение процессуальной и оперативно-разыскной деятельности, которое закреплено на законодательном уровне. ОРД представляет собой специфическую форму правоохранительной деятельности, результаты которой используются не только в уголовном судопроизводстве, но и, например, в арбитражном процессе, гражданском процессе, в исполнительном производстве.

Методы и средства ОРД в российском уголовно-процессуальном законодательстве не находят прямого нормативного закрепления. В отличие от нее уголовно-процессуальная деятельность следователя и дознавателя носит строго регламентированный характер и осуществляется в рамках уголовного судопроизводства.

Во-вторых, важно учитывать, что ОРД требует особого подхода к регулированию и контролю, что находит свое отражение в специализированных нормативных актах, которые детализируют положения, закрепленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»).

Однако в контексте уголовно-процессуальной деятельности применение подзаконных нормативных актов строго ограничено. Согласно ст. 1 УПК РФ, подзаконные акты не могут служить основанием для принятия процессуальных решений или совершения процессуальных действий (ст. 18 Конституции РФ).

Кроме того, каждая отрасль права функционирует на основе собственных отраслевых принципов, хотя встречается их применение и в других сферах права. Принцип конспирации является значимым примером реализации норм оперативно-разыскного права в контексте уголовного судопроизводства (применение псевдонима в материалах уголовного дела в целях обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Таким образом, в уголовном деле частично реализуется принцип конспирации, являющийся общим положением ОРД.

Однако данное положение не стало новым отраслевым принципом уголовного судопроизводства, поскольку его применение носит не всеобщий, а ограниченный характер, распространяясь лишь на определенные, можно сказать, исключительные ситуации. Тем не менее возможность его реализации предусмотрена на всех этапах уголовного процесса.

В-третьих, УПК РФ фактически устанавливает процессуальный порядок инициирования следователем и дознавателем производства негласных следственных действий, а также порядок ознакомления с результатами негласной деятельности, их проверки, оценки и признания в качестве доказательств.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство четко разграничивает сферы регулирования следственной и оперативно-разыскной деятельности, обеспечивая баланс между процессуальными гарантиями и эффективностью выявления и расследования преступлений.

В-четвертых, оперативно-разыскная и уголовно-процессуальная деятельность являются взаимодополняющими элементами, направленными на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Предмет ОРД включает в себя превентивные меры и выявление преступлений.

В-пятых, анализ теоретических положений позволяет прийти к выводу, что значительным достоинством включения в УПК РФ норм, регулирующих негласные следственные действия, является наличие процедуры интеграции полученной информации в доказательственную базу.

Б. Я. Гаврилов подчеркнул, что отрицать возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств бессмысленно. Он также предложил обратиться к опыту зарубежных стран, где законодательство предусматривает проведение негласных следственных действий [3, с. 19—23].

Наиболее явно включение оперативно-разыскных методов работы в уголовное судопроизводство проявляет себя в международных отношениях. Это объясняется тем, что в 2000 и 2003 гг. Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 20) и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. (ст. 50) повысили статус негласных методов расследования. Они включают возможность использования в суде в качестве доказательств результатов контролируемой поставки, электронного наблюдения, агентурной операции, перехвата грузов и других мероприятий.

Подобную тенденцию можно наблюдать в уголовно-процессуальном законодательстве иностранных государств, часто содержащем тайные (специальные, разыскные) следственные действия, аналогичные российским оперативно-разыскным мероприятиям. В частности, негласные следственные действия содержатся в УПК Латвии[1] (чч. 1—2 ст. 210), УПК Грузии[2] (п. «а» ч. 32 ст. 3). Информация об организации и производстве негласных следственных действий, содержащихся в УПК Грузии, отнесена к государственной тайне (п. «г» ст. 6 Закона Грузии «О государственной тайне»)[3].

В Казахстане воспроизведено проведение оперативно-разыскных мероприятий (ч. 2 ст. 232 УПК Казахстана), предусматривает правовое положение лица, внедренного и (или) имитирующего преступную деятельность (ч. 2 ст. 251 УПК Казахстана[4]). В Уголовно-процессуальном законодательстве Китайской Народной Республики закреплено проведение контрольной поставки и агентурного внедрения [4, с. 141—168]. Внедрение тайного следователя предусмотрено § 116 УПК ФРГ[5], ст. 132 УПК Таджикистана[6]. Глава 3[1] УПК Эстонии[7] регламентирует оперативно-разыскные мероприятия как неотъемлемую часть предварительного расследования.

Следует отметить, что, к примеру, в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 г. № 307-З[8] системно изложены положения, содержащие порядок использования материалов ОРД в целях уголовного судопроизводства (ст. 50). Представляется, подобный опыт может быть воспринят российским законодателем.

Таким образом, органы предварительного расследования государств, которые применяют указанную парадигму в национальной правовой системе, наделены полномочиями сотрудника следственного и оперативного подразделения.

В Российской Федерации процедура передачи результатов ОРД вместо законодательного регулирования содержится в подзаконном нормативном акте. В то же время сложилась негативная

[1] Kriminālprocesa likums Latvijas Republikas, 21.04.2005. URL: https://likumi.lv/ta/id/107820 (дата обращения: 15.05.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-IIc. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=37807676 (дата обращения: 15.05.2026).

[3] О государственной тайне: закон Грузии от 19 февраля 2015 г. № 3099-IIს. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document /view/2750311 (дата обращения: 15.05.2026).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. №231-V ЗРК. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69097 (дата обращения: 15.05.2026).

[5] Strafprozeßordnung (StPO). URL: https://dejure.org /gesetze/StPO (дата обращения: 15.05.2026).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 15.05.2026).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 166. URL: https://v1.juristaitab.ee/ru/zakono-datelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks (дата обращения: 15.05.2026).

[8] Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H11500307 (дата обращения: 15.05.2026).

практика подмены оформления результатов ОРД проведением следственных действий, что свидетельствует о готовности перехода к иной парадигме российского уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства.

Между тем на стадии возбуждения уголовного дела основным форматом взаимодействия следственных и оперативных подразделений является работа в рамках следственно-оперативной группы по проведению проверочных мероприятий, которая не нашла своего адекватного регулирования в уголовно-процессуальном или оперативно-разыскном законодательстве.

Кроме того, на отечественное правовое регулирование ОРД сильное влияние оказывают ведомственные предпочтения, это не позволяет единообразно использовать результаты ОРД органами предварительного расследования.

В рамках анализа эффективности правоприменительной деятельности в сфере уголовного преследования отечественными учеными подчеркивается важность разработки и внедрения механизма сближения и унификации оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности (например, А. С. Александров [5], М. С. Егорова [6, с. 182], С. В. Зуев [7], В. Ф. Луговик [8], В. И. Зажицкий [9], И. А. Зинченко и И. А. Попова [10], Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцев [11], М. П. Поляков [12, с. 16], С. Б. Россинский [13, с. 246, 248—249], А. Ю. Шумилов [14]). Это обусловлено необходимостью оптимизации взаимодействия между субъектами, осуществляющими оперативно-разыскную и процессуальную деятельность, чтобы способствовать повышению эффективности расследования преступлений и укреплению законности.

В результате длительных научных дискуссий и практических наблюдений в российской доктрине сформировалась аргументированная позиция, предполагающая процессуальную легитимизацию негласных методов и средств получения доказательств (например, А. М. Баранов [15, с. 164], Д. И. Бедняков [16, с. 67], В. М. Бозров [17], З. З. Зинатуллин [18, с. 103]). Данный подход основывается на необходимости обеспечения соответствия современных методов расследования, а также на признании важности повышения эффективности правоохранительной деятельности в условиях динамично меняющейся криминальной среды.

Анализ теоретических положений позволяет прийти к выводу, что значительным достоинством включения в УПК РФ норм, регулирующих негласные следственные действия, является наличие процедуры интеграции полученной информации в доказательственную базу (например, Б. Я. Гаврилов [3], М. С. Колосович [19, с. 362], Я. М. Мазунин и П. Я. Мазунин [20]).

По нашему мнению, уголовно-процессуальное регулирование негласных следственных действий способствует укреплению правовой защищенности участников уголовного процесса, упрощению процедуры получения доказательств, обеспечению баланса между интересами правосудия и правами личности.

На законодательном уровне процедура предоставления результатов ОРД фактически ограничивается составлением об этом постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД (ст. 11 ФЗ «Об ОРД»).

В то же время, в соответствии с положениями ст. 87 УПК РФ, для обеспечения надежности источника доказательств и предотвращения их искажения законодательно закреплено требование его обязательной проверки. Это предполагает детальный анализ всего процесса формирования доказательства, начиная с момента его возникновения и заканчивая представлением.

Анализ зарубежного законодательства свидетельствует о признании результатов проведения негласных следственных действий доказательствами по делу. К примеру, ч. 1 ст. 214 УПК Латвии[1], ч. 4 ст. 126[1] УПК Эстонии, ст. 239 УПК Республики Казахстан, п. 44 ст. 5, ч. 1, 2 ст. 221 УПК Киргизии, ч. 8, 15 ст. 143[3] и чч. 1—3 ст. 143[8] УПК Грузии. Международный суд также признает результаты подобной деятельности доказательствами[2].

Таким образом, введение положений о негласных следственных действиях в УПК РФ является важным шагом в развитии уголовно-процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности уголовного судопроизводства при соблюдении прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Интеграция

[1] Уголовно-процессуальный закон Латвии. URL: https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/Ugolovnij-Processualnij-Zakon-Latvii-2025.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

[2] Case of Ramanauskas v. Lithuania (Application no. 74420/01): Judgment Strasbourg 05/02/2008. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-84935 (дата обращения: 11.11.2025); Дело «Веселов и другие против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10): постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользоавателей.

в уголовно-процессуальное право норм, содержащих проведение негласных следственных действий, способствовала бы созданию более прозрачного и предсказуемого механизма использования результатов ОРД, повысив эффективность и законность уголовного преследования.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Существующая правовая регламентация использования результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела является неполной и противоречивой.

Несмотря на то что чч. 1 и 1.1 ст. 144 УПК РФ прямо предусматривают возможность проведения оперативно-разыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, порядок интеграции полученных результатов в процессуальную деятельность законодательно не урегулирован. Процедура предоставления результатов ОРД фактически ограничивается ведомственным постановлением руководителя органа, осуществляющего ОРД (ст. 11 Федерального закона «Об ОРД»), что не соответствует требованиям ст. 1 УПК РФ о недопустимости подзаконного регулирования процессуальных отношений.

2. На стадии возбуждения уголовного дела отсутствует эффективный механизм взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Основной формат совместной работы — следственно-оперативная группа по проведению проверочных мероприятий — не нашел адекватного закрепления ни в уголовно-процессуальном, ни в оперативно-разыскном законодательстве. Это приводит к ведомственной разобщенности, подмене процессуального документирования оперативно-разыскным и, как следствие, к затруднениям при последующем использовании полученных сведений в доказывании.

3. Отсутствие процессуальной легитимизации негласных методов получения информации на стадии возбуждения уголовного дела создает риски для соблюдения прав участников судопроизводства. Поскольку результаты ОРД, полученные до возбуждения дела, впоследствии могут быть легализованы в качестве доказательств, отсутствие четкой процессуальной процедуры их получения, фиксации и проверки (в соответствии со ст. 87 УПК РФ) ставит под сомнение их допустимость и создает угрозу нарушения прав граждан.

4. Анализ зарубежного законодательства (Латвии, Эстонии, Казахстана, Грузии, Германии, Китая, Беларуси) и европейской международной судебной практики свидетельствует о необходимости реформирования российского подхода.

В большинстве сравниваемых государств негласные следственные действия интегрированы непосредственно в уголовно-процессуальное законодательство, что обеспечивает прозрачность, предсказуемость и судебный контроль. Российская же модель автономного регулирования ОРД, при которой процедура передачи результатов содержится в подзаконных актах, не соответствует современным тенденциям развития уголовного судопроизводства.

5. На стадии возбуждения уголовного дела требуется законодательное закрепление института негласных следственных действий в УПК РФ. Это позволит:

— унифицировать порядок получения и использования фактических данных до возбуждения уголовного дела;

— обеспечить проверяемость и допустимость таких сведений как доказательств;

— повысить правовую защищенность участников проверочных мероприятий;

— устранить ведомственные предпочтения и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

1. Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 228 с.

2. Шейфер С. А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник СамГУ. 2014. № 11/1 (122). С. 11—22.

3. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 3 (17). С. 19—23.

1. Shmatov M. A. Theory of detective activities in the system of criminal-legal sciences. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 228. (In Russ.).

2. Sheifer S. A. Transformation of legal regulation and scientific ideas on the system of investigative actions. Journal of the Samara State University, 11—22, 2014. (In Russ.).

3. Gavrilov B. Ya. Problems of legislative regulation of the legalization of the results of detective activities in criminal proceeding. Mouthpiece (glagol) of justice, 19—23, 2018. (In Russ.).

4. Захарова В. К. Досудебное производство в уголовном процессе Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: 2017. 244 с.

5. Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России — путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 49—57.

6. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 234 с.

7. Зуев С. В. Актуальные проблемы уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1721—1726.

8. Луговик В. Ф. Негласное производство по уголовным делам // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 51—55.

9. Зажицкий В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 45—47.

10. Зинченко И. А., Попова И. А. Интеграция розыскных начал в уголовное судопроизводство (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. 2013. № 4 (9). С. 19—29.

11. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Сочетание гласных и негласных методов и средст в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 111—115.

12. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под науч. ред. проф. В. Т. Томина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

13. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 525 с.

14. Шумилов А. Ю. О целесообразности объединения сыскных процедур в единый уголовно-розыскной процесс // Полицейское право. 2005. № 1. С. 70—72.

15. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2006. 220 с.

4. Zakharova V. K. Pre-trial proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative legal examination. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 244. (In Russ.).

5. Alexandrov A. S. Police reform, reform of the prosecutorial power of Russia is a way to the European integration. Legal science and law enforcement practice, 49—57, 2013. (In Russ.).

6. Yegorova M. S. Institute to suspend proceedings in a criminal case and ensuring the rights and legitimate interests of the participants in the criminal proceedings, while implementing its norms. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2003: 234. (In Russ.).

7. Zuyev S. V. Topical problems of criminal procedure. Topical problems of Russian law, 1721—1726, 2014. (In Russ.).

8. Lugovik V. F. Secret proceedings in criminal cases. Society and Law, 51—55, 2018. (In Russ.).

9. Zazhitsky V. Detective activity and criminal proceedings. Russian Justice, 45—47, 2001. (In Russ.).

10. Zinchenko I. A., Popova I. A. Integration of investigative principles into criminal proceedings (a comparative approach). Criminalistics Library, 19—29, 2013. (In Russ.).

11. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Combination of overt and covert methods and means in criminal procedure: is it an innovation or legal reality? The research works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 111—115, 2017. (In Russ.).

12. Polyakov M. P. Criminal-procedural interpretation of the results of detective activities. Monograph. Red. by professor V. T. Tomin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2001: 262. (In Russ.).

13. Rossinsky S. B. Conceptual foundations to form the results of "non-verbal" investigative and judicial actions in proving a criminal case. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2015: 525. (In Russ.).

14. Shumilov A. Yu. On expediency of integrating detective procedures into a unique criminal and investigative process. Police Law, 70—72, 2005. (In Russ.).

15. Baranov A. M. Ensuring legality in pre-trial proceedings in criminal cases. Monograph. Omsk: Publishing House of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2006: 220. (In Russ.).

16. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений: монография. Москва: Юрид. лит., 1991. 205 с.

17. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46—48.

18. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. 178 с.

19. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 535 с.

20. Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 136—140.

16. Bednyakov D. I. Non-procedural information and crime investigation. Monograph. Moscow: Legal Literature; 1991: 205. (In Russ.).

17. Bozrov V. Status of evidence in criminal proceedings should be given to the results of detective activities. Russian Justice, 46—48, 2004. (In Russ.).

18. Zinatullin Z. Z. Criminal-procedural proving. Textbook. Izhevsk: Udmurt University Publishing House; 1993: 178. (In Russ.).

19. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundation. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 535. (In Russ.).

20. Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. Investigator's covert activities: it's time to accept the fact. Legal Science and Law Enforcement Practice, 136—140, 2015. (In Russ.).

Колосович Марина Сергеевна,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
270619@mail.ru

Ходякова Наталия Владимировна,
профессор кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России,
доктор педагогических наук, профессор;
hodyakova@yandex.ru

Глебов Василий Герасимович,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, профессор;
vasilygleb@yandex.ru

Kolosovich Marina Sergeyevna,
professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
270619@mail.ru

Khodyakova Natalia Vladimirovna,
professor at the department
of psychology, pedagogics,
and organization of work with personnel
of the Academy of Management
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of pedagogical sciences, full professor;
hodyakova@yandex.ru

Glebov Vasily Gerasimovich,
professor at the department of criminal law,
criminal procedure and criminology
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
candidate of juridical sciences, full professor;
vasilygleb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЕКТОРЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Екатерина Андреевна Олейник
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Аннотация. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, внедренный в российское уголовное судопроизводство более десятилетия назад, по-прежнему остается одним из самых дискуссионных и юридически сложных механизмов. Несмотря на его очевидную прагматическую ценность для раскрытия преступлений, совершенных в соучастии или в составе организованных групп, законодательная регламентация процессуального статуса лица, идущего на сделку с правосудием, страдает от концептуальной незавершенности. В статье исследуется процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются нормативные противоречия гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, неопределенность прав и обязанностей сотрудничающего лица, соотношение его статуса с положениями подозреваемого, обвиняемого и свидетеля, а также влияние этих дефектов на допустимость и оценку доказательств. Особое внимание уделено гарантиям безопасности, пределам действия ст. 51 Конституции Российской Федерации и проблеме правовых последствий неисполнения соглашения. Обосновывается необходимость законодательного закрепления самостоятельной процессуальной фигуры, обеспечивающей баланс интересов обвинения, защиты и правосудия. Формулируются векторы реформирования, направленные на повышение предсказуемости правоприменения и эффективности института сотрудничества.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальный статус, допустимость доказательств, особый порядок

Для цитирования: Олейник Е. А. Процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в российском уголовном судопроизводстве: системные противоречия и векторы реформирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 84—91.

PROCEDURAL STATUS OF THE PARTY IN PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA: CONTRADICTIONS OF THE SYSTEM AND VECTORS OF THE REFORM

Yekaterina Andreyevna Oleynik
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Volgograd, Russia,
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Abstract. The institution of pre-trial cooperation agreements, introduced into the criminal proceedings of Russia more than a decade ago, remains one of the most controversial and complex in legal sense mechanisms. Despite its obvious pragmatic value to solve joint or organized crimes, the legal regulation of the procedural status of a person seeking for court immunity agreement is subjected to conceptual gaps. In the article, the procedural status of a party in pre-trial cooperation agreement in the criminal proceedings of Russia is studied. Regulatory contradictions of the Article 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, lack of legal clarity of rights and duties of the cooperating party, the relationship between his procedural status and that of the suspect, of the accused and witness, as well as the power of these gaps on the admissibility and evaluation of evidence. Particular attention is paid to security guarantees, the limits of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation and the issue of the legal consequences of failure to fulfill an agreement. The need for legislative fixation of independent procedural party is justified, to ensure a balance among

© Олейник Е. А., 2026

the interests of prosecution, defense and justice. Vectors of the reform to increase the predictability of law enforcement and the effectiveness of the cooperation institution are formulated.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, procedural status, admissibility of evidence, special procedure

For citation: Oleynik Ye. A. Procedural status of the party in pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings of Russia: contradictions of the system and vectors of the reform. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 84—91, 2026. (In Russ.).

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленный в гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), был введен Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ как один из инструментов повышения эффективности расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, прежде всего связанных с организованной преступностью, коррупцией, преступлениями, совершаемыми в соучастии, и иными сложными формами преступной деятельности. Законодательная идея состояла в том, чтобы создать процессуальный механизм, стимулирующий одного из участников преступления к активному содействию раскрытию и расследованию преступления, изобличению соучастников, розыску имущества, добытого преступным путем, а также установлению иных существенных обстоятельств дела в обмен на смягчение наказания.

Глава 40.1 УПК РФ устанавливает специальную процедуру заключения, исполнения и судебной реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. В соответствии со ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения может быть заявлено подозреваемым или обвиняемым при участии защитника. В ходатайстве указываются действия, которые лицо обязуется совершить в целях содействия следствию: сообщить сведения о соучастниках, указать местонахождение похищенного имущества, раскрыть механизм совершения преступления и т. п. Прокурор, оценив представление следователя и сведения о готовности лица к сотрудничеству, принимает решение о заключении соглашения.

Смысл данного института не просто в признании вины, а именно в позитивной процессуальной активности лица. В отличие от особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, гл. 40.1 УПК РФ предполагает встречное предоставление информации, имеющей значение для раскрытия и расследования иных эпизодов преступной деятельности, установления соучастников либо возврата имущества, полученного преступным путем. Именно поэтому соглашение о сотрудничестве изначально ориентировано на многофигурантные и представляющие сложность в доказывании уголовные дела.

На уровне юридической конструкции данный институт выглядел логично: государство предлагает обвиняемому или подозреваемому процессуальную и уголовно-правовую выгоду, а тот, в свою очередь, предоставляет информацию, которая без его содействия могла бы остаться недоступной органам предварительного расследования. Однако развитие правоприменительной практики показало, что формальная модель оказалась существенно менее эффективной, чем ожидалось.

Причины такой малой эффективности носят системный характер и связаны с логикой действующего правового регулирования.

Центральной проблемой можно назвать неопределенность процессуального положения сотрудничающего лица. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации лишь обозначили наличие особого статуса, но не устранили нормативный пробел. Законодатель, в свою очередь, ограничился точечным регулированием, не создав стройной системы прав и обязанностей такого участника уголовного процесса, указав, на наш взгляд, тавтологичное по своей сути определение термина «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Согласно ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ это «участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления».

Несмотря на то что рассматриваемый институт в российском уголовном процессе построен вокруг лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, его процессуальный статус остается одним из наименее урегулированных по ряду причин.

Во-первых, оставаясь подозреваемым или обвиняемым по собственному делу, данный участник одновременно является носителем информации о действиях иных соучастников и тем самым выполняет функцию, близкую к свидетельской. Именно здесь возникает наиболее острая проблема: законодатель возлагает на сотрудничающее лицо

обязанность содействовать следствию, фактически ожидает от него правдивых и изобличающих показаний, но не предлагает цельной модели его процессуального статуса.

В результате такое лицо оказывается в правовом положении, которое нельзя полностью описать ни через категорию обвиняемого, ни через категорию свидетеля, ни через конструкцию «иного участника уголовного судопроизводства». Эта неопределенность порождает многочисленные осложнения.

Вместе с тем уже на уровне законодательной конструкции видны базовые противоречия. Поскольку сотрудничающее лицо остается носителем всех прав подозреваемого или обвиняемого, включая право отказаться от дачи показаний. Кроме того, заключение соглашения предполагает его обязанность активно сообщать сведения, т. е. фактически давать показания, которые могут иметь изобличающий характер в отношении как соучастников, так и самого себя. В то же время закон не создает отдельной процессуальной фигуры, а лишь дополняет новыми обязанностями традиционный статус обвиняемого.

Во-вторых, особую практическую значимость проблеме придает то обстоятельство, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в большинстве случаев сообщает сведения о лицах, с которыми ранее находилось в устойчивых преступных связях. Следовательно, риск неправомерного воздействия, мести, давления на него и его близких существенно выше, чем в отношении обычного свидетеля. Действующие меры государственной защиты при этом формально распространяются на данную категорию участников, но в реальности применяются ограниченно и часто не обеспечивают необходимого уровня безопасности.

Таким образом, нормативная модель досудебного соглашения о сотрудничестве изначально построена на совмещении несовместимого: лицо должно одновременно оставаться субъектом защиты от уголовного преследования и источником доказательственной информации, необходимой обвинению по основному делу. Эта двойственность и определяет большинство проблем правоприменения.

Так, возникают вопросы о допустимости и надежности показаний лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, о пределах действии ст. 51 Конституции РФ, о возможности его допроса в судебном заседании при сохранении гарантий безопасности, о соотношении права на защиту с обязанностью сотрудничать, о правомерности применения к нему мер по сокрытию личности, традиционно рассчитанных на свидетелей, а также о том, как обеспечивать его безопасность.

Дополнительное напряжение создает то обстоятельство, что меры поощрения, предлагаемые государством, находятся в значительной степени в сфере прокурорского и судебного усмотрения. Хотя закон устанавливает возможность назначения более мягкого наказания, для лица, рискующего собственной безопасностью, этого часто оказывается недостаточно. Иначе говоря, потенциальная выгода воспринимается как вероятностная, а риск мести со стороны соучастников — как реальный и высокий. При таком соотношении стимулов институт не может быть востребован в полной мере.

В свете сказанного важнейшей составляющей института досудебного соглашения о сотрудничестве являются меры безопасности лица, заключившего данное соглашение.

Следует отметить, что российское законодательство долгое время было ориентировано преимущественно на защиту должностных лиц и обычных свидетелей, тогда как подозреваемый или обвиняемый, сотрудничающий с правосудием, оставался на периферии правового регулирования. Поэтому первым актом в сфере безопасности был принят Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ. И только в 2004 г. принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Значение этого акта трудно переоценить, поскольку он впервые закрепил систему мер безопасности, распространяемую не только на потерпевших и свидетелей, но и на иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Формально это создало основу для защиты и подозреваемых, и обвиняемых, которые готовы оказать помощь в расследовании. Однако сам закон был сконструирован как рамочный и во многом ориентирован на классическую модель защиты свидетеля, чья личность может быть скрыта, а участие ограничено сообщением сведений по делу. Для фигуры сотрудничающего обвиняемого такая модель оказалась неполной.

Введение в 2009 г. гл. 40.1 УПК РФ усилило необходимость специального регулирования. Законодатель фактически создал категорию лиц, для которых риск противоправного воздействия

объективно выше, чем для обычных свидетелей. Однако сопоставимого усиления гарантий не произошло. Напротив, практика показала, что даже имеющиеся меры трудно применимы к подозреваемому или обвиняемому, поскольку его личность, как правило, известна соучастникам.

Более того, крайне низкой оценки заслужила практическая значимость специального статуса сотрудничающего лица. По данным исследования[1], 98 % респондентов не придают особого значения его процессуальной специфике. Это свидетельствует о том, что существующее нормативное регулирование не сформировало в профессиональном сознании правоприменителей устойчивого представления о данной фигуре как об особом участнике процесса. Если следователь, дознаватель или руководитель следственного органа не видит реальной разницы между обычным обвиняемым и лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, соответствующие нормы неизбежно остаются маловостребованными.

В связи с этим особое значение имеет постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П[2], в котором был признан особый характер положения лица, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Конституционный Суд РФ указал, что такое лицо, оставаясь обвиняемым по выделенному делу, по отношению к основному делу фактически выступает в особом процессуальном качестве, отличном от обычного свидетеля и обычного подсудимого. Это решение стало важным шагом к признанию специфики статуса сотрудничающего лица, однако законодатель не развил указанную правовую позицию в системных нормах УПК РФ.

Именно поэтому в современной модели наблюдается парадокс: судебная практика и конституционное правосудие признают наличие специального статуса, а процессуальный закон продолжает оперировать конструкциями, не предназначенными для его полного описания.

Ключевой вопрос настоящего исследования состоит в следующем: кем является лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в системе участников уголовного процесса?

Формальный ответ закона достаточно прост: до вынесения приговора оно остается подозреваемым или обвиняемым, а после направления дела в суд — подсудимым по выделенному делу. Однако этот ответ отражает лишь внешнюю, титульную сторону статуса и не описывает ту фактическую процессуальную функцию, которую такое лицо выполняет.

В уголовном судопроизводстве процессуальный статус участника обычно определяется совокупностью его интереса, функций, прав, обязанностей и характера его связи с предметом доказывания. Подозреваемый и обвиняемый — это лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование; их процессуальная функция состоит в защите от обвинения. Свидетель — это лицо, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для дела; его функция состоит в сообщении сведений, а не в защите собственного интереса от преследования. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, сочетает обе указанные характеристики и, более того, наделяется дополнительными обязанностями, добровольно на себя взятыми.

Поскольку в основе правового статуса указанного лица находится предмет соглашения между подозреваемым, обвиняемым с прокурором [1, с. 94], в соглашении фиксируются специальные обязанности лица, добровольно им на себя взятые, а при их надлежащем исполнении — получение для него положительных правовых последствий.

По выделенному уголовному делу данное лицо действительно защищает себя от уголовного преследования, заинтересовано в минимизации объема обвинения и смягчении наказания. Но по основному делу его роль иная: оно предоставляет обвинению сведения о действиях иных лиц, помогает реконструировать преступные связи, иногда участвует в следственных действиях, направленных на изобличение соучастников. В этом отношении оно действует как источник доказательств, причем часто ключевой.

Такое совмещение функций не является сугубо теоретической проблемой. Оно имеет прямые практические последствия. Если сотрудничающее лицо рассматривается только как обвиняемый, то к нему невозможно полноценно применять меры

[1] Автором проведен опрос 393 правоприменителей из 23 субъектов Российской Федерации.

[2] По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

защиты свидетеля и правила допроса, рассчитанные на сохранение конфиденциальности. Если же его фактически приравнивать к свидетелю, возникает вопрос о гарантиях против самообвинения и о правомерности использования сообщаемых им сведений в отношении него самого.

Следовательно, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, следует рассматривать как самостоятельного участника уголовного судопроизводства со смешанной, но юридически определимой природой. Его статус не должен растворяться ни в модели обвиняемого, ни в модели свидетеля. Напротив, закон должен прямо закрепить, что это особый субъект, который по своему делу сохраняет права стороны защиты, а по основному делу участвует в доказывании на специальных условиях.

Отсутствие такой нормативной фиксации и является центральным дефектом действующего регулирования. Пока закон не называет и не описывает данного участника в цельной форме, правоприменитель вынужден действовать по аналогии, комбинируя нормы о подозреваемом, обвиняемом, свидетеле, а иногда и о лице, в отношении которого применены меры безопасности. Такая фрагментарность закономерно порождает ошибки, противоречия и недоверие к институту в целом.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов в теории и практике досудебного соглашения о сотрудничестве является соотношение права не свидетельствовать против себя и обязанности выполнять условия соглашения. Эта проблема затрагивает фундаментальные основы уголовного процесса, поскольку связана с конституционной природой права на защиту.

Статья 51 Конституции РФ закрепляет, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. В развитие данной нормы п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ предоставляют подозреваемому и обвиняемому право давать показания либо отказаться от их дачи. Более того, обвиняемый не предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний. В отечественной доктрине это нередко рассматривается как элемент права на защиту, выражающийся в отсутствии уголовно-правовой санкции за недостоверные показания, сообщаемые в собственных интересах.

В случае с досудебным соглашением о сотрудничестве ситуация усложняется. Лицо добровольно заявляет о готовности сотрудничать, берет на себя обязательство сообщать сведения, значимые для раскрытия преступлений и изобличения иных лиц, рассчитывает на процессуальные преференции. Однако сама конструкция соглашения не отменяет его конституционного статуса обвиняемого. Следовательно, возникает вопрос: может ли государство требовать от него правдивых показаний и устанавливать негативные последствия за их недостоверность?

Действующее право дает лишь частичный ответ. Если лицо не исполняет условия соглашения, прокурор может изменить позицию, а суд — не применить льготные последствия, предусмотренные гл. 40.1 УПК РФ. Но это лишь утрата ожидаемой выгоды, а не самостоятельная ответственность за ложные сведения. Такая модель создает ограниченный стимул к правдивости, что отмечается и зарубежной доктриной [2, с. 102]. Более того, при конфликте интересов лицо может предпочесть сохранить лояльность к соучастникам либо исказить фактические обстоятельства, если считает, что риск разоблачения низок.

Полное сохранение традиционного статуса обвиняемого делает институт досудебного соглашения о сотрудничестве содержательно слабым, поскольку обязательство правдивого сотрудничества не подкреплено достаточными юридическими гарантиями. Одновременно прямое «отключение» ст. 51 Конституции РФ в результате подписания соглашения также вызывает серьезные сомнения, поскольку может вступать в противоречие с основами конституционного строя и принципом недопустимости принуждения к самообвинению.

Более обоснованным представляется промежуточное решение. Закон должен четко развести две ситуации. В части сведений о собственном участии лица в преступлении должны сохраняться конституционные гарантии против самообвинения, хотя добровольное признание и сообщение деталей может учитываться при оценке исполнения соглашения. В части сведений об иных участниках, механизмах совершения преступления, месте нахождения орудий преступления, предметов и документов, добытых преступным путем, обязательство сотрудничества должно быть сформулировано максимально определенно. Лицо, добровольно заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве при участии защитника, должно осознавать, что предоставление заведомо ложной информации в этой части влечет не только утрату льгот, но и самостоятельные процессуальные последствия, возможно, в форме специальной уголовно-правовой ответственности, сконструированной с учетом конституционных ограничений.

Иначе говоря, проблема не решается простой формулой «отменить» или «сохранить» право на молчание. Требуется более тонкая законодательная конструкция, учитывающая двойственную природу статуса сотрудничающего лица.

Неопределенность процессуального статуса особенно ярко проявляется в вопросе о том, как следует допрашивать лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, и какое доказательственное значение имеют сообщаемые им сведения.

По своей сути показания такого лица обладают повышенной информативностью, но одновременно и повышенной рискованностью. Информативность объясняется тем, что участник преступления знает внутреннюю структуру событий, роли соучастников, каналы связи, механизмы сокрытия следов, распределение похищенного и иные детали, недоступные стороннему наблюдателю. Рискованность обусловлена его очевидной заинтересованностью в собственном процессуальном исходе. Лицо, рассчитывающее на смягчение наказания, потенциально мотивировано сообщать сведения, которые выгодны обвинению и прокурору, а значит, способно преувеличивать роль других лиц, минимизировать собственное участие или адаптировать показания под версию следствия.

В обычной конструкции уголовного процесса это противоречие снимается путем разграничения участников. Обвиняемый вправе защищаться, а свидетель обязан сообщать правду и несет ответственность за ложные показания. В институте досудебного соглашения о сотрудничестве такого разграничения нет. Поэтому показания сотрудничающего лица не могут рассматриваться ни как нейтральные свидетельские показания, ни как обычные показания обвиняемого.

В то же время в вопросе обеспечения безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, законодатель четко указал, что на последнего распространяется правовое положение потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ). В данном вопросе мы согласны с точкой зрения Н. Н. Гусевой, которая обосновывает необходимость комплексного подхода в обеспечении безопасности данного участника уголовного процесса [3, с. 97].

Еще больше вопросов возникает в случае обеспечения безопасности лица, одновременно оказывающего содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность [4, с. 105].

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П фактически подтвердило особый характер правового положения лица в порядке ст. 56.1 УПК РФ. Однако в УПК РФ отсутствуют специальные правила оценки данных им показаний. Между тем необходимость их нормативного выделения очевидна. Сведения, сообщаемые сотрудничающим лицом, должны рассматриваться как доказательство, требующее не только обязательной проверки и подтверждения совокупностью иных данных (ст. 87 УПК РФ), но и запрета построения обвинительного приговора в отношении соучастников исключительно либо преимущественно на основании показаний лица, заинтересованного в «льготном» исходе собственного дела, без их всесторонней верификации.

Практическая проблема усиливается на судебной стадии. Если дело в отношении сотрудничающего лица выделено в отдельное производство и уже рассмотрено судом, возникает вопрос о его дальнейшем участии в разбирательстве основного дела. Фактически оно вызывается для допроса, близкого по функции к свидетельскому. Но формально это лицо не всегда становится обычным свидетелем, особенно если его приговор еще не вступил в силу либо в отношении него продолжается производство по иным эпизодам. Такая ситуация создает неопределенность и для суда, и для сторон защиты, и для самого допрашиваемого.

Отдельного внимания заслуживает возможность использования оглашения прежних показаний сотрудничающего лица. В случае реальной угрозы безопасности оно может уклоняться от явки, изменять показания или нуждаться в допросе при специальных условиях. Однако правила об оглашении показаний, данных свидетелем, и показаний обвиняемого различаются. Отсюда возникает очередная коллизия: по какому режиму работать суду, если перед ним субъект с двойственной правовой природой?

Решение данной проблемы возможно только через законодательную конкретизацию. Следует предусмотреть в УПК РФ отдельные нормы о порядке допроса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, об условиях сохранения его конфиденциальности, о пределах оглашения его прежних показаний и о специальном стандарте оценки достоверности таких сведений. Без этого практика неизбежно будет колебаться между завышением и занижением доказательственного значения данных показаний.

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько групп дефектов, непосредственно влияющих на конкретизацию правового положения лица, заключившего судебное соглашение о сотрудничестве, и применение норм института на практике.

Первая группа связана с неполнотой УПК РФ. В законе нет полноценного определения процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Используются разрозненные упоминания о подозреваемом, обвиняемом, лице, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, и др. В результате норма не формирует ясного представления о месте данного участника в системе субъектов уголовного процесса.

Вторая группа дефектов касается доказательственного режима. Закон не устанавливает специальных стандартов проверки и оценки показаний указанного лица, хотя его заинтересованност в исходе дела объективно выше, чем у обычного свидетеля. Отсутствует и четкая регламентация порядка его допроса на судебной стадии, особенно в условиях необходимости обеспечения безопасности.

Третья группа дефектов связана с гарантиями безопасности. Федеральный закон № 119-ФЗ формально распространяется на широкую категорию лиц, однако не содержит детально разработанных норм, учитывающих именно положение сотрудничающего обвиняемого. Нет специальных механизмов защиты на стадии исполнения наказания, а постпенитенциарное сопровождение практически не урегулировано.

Четвертая группа касается отсутствия достаточной предсказуемости правовых последствий неисполнения соглашения. Лицо должно ясно понимать, какие действия считаются исполнением, какие — уклонением, как оценивается полнота и правдивость сведений, какие последствия влечет изменение позиции. Пока эти вопросы решаются во многом казуистически, в связи с чем институт не может обрести устойчивость.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

1. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, обладает особым, смешанным процессуальным статусом, который не может быть полностью отнесен ни к подозреваемому, ни к обвиняемому, ни к свидетелю. Его правовое положение требует самостоятельного законодательного закрепления.

2. Действующая редакция гл. 40.1 УПК РФ содержит системные пробелы и противоречия, поскольку не определяет в полной мере права, обязанности и процессуальные гарантии сотрудничающего лица. Это снижает предсказуемость правоприменения и эффективность института.

3. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в дальнейшей реформе на основе баланса публичных интересов и прав личности. Его эффективность может быть повышена только при условии устранения нормативной фрагментарности, введения специальных процессуальных правил и признания смешанной, но самостоятельной природы статуса сотрудничающего лица.

4. Лицо, в отношении которого выделено уголовное дело в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, характеризуется тем, что, во-первых, оно сохраняет процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого по собственному делу; во-вторых, принимает на себя обязанность содействовать раскрытию и расследованию преступления, а также изобличению иных соучастников; в-третьих, участвует в уголовном процессе в условиях особого правового режима, предполагающего как дополнительные обязанности, так и специальные гарантии безопасности; в-четвертых, его показания и иные сведения подлежат повышенной проверке ввиду заинтересованности в благоприятном исходе собственного дела.

5. Сформулировано понятие «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» — это обладающий статусом подозреваемого, обвиняемого или подсудимого участник уголовного судопроизводства, который на основании заключенного соглашения принимает на себя обязанность содействовать уголовному преследованию иных лиц и в связи с этим приобретает особый, смешанный процессуальный статус, сочетающий в себе элементы стороны защиты и источника доказательственной информации по основному делу, который несет благоприятные правовые последствия в случае надлежащего исполнения соглашения.

1. Тисен О. Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 91—95.

2. Охлопкова А. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 101—103.

3. Гусева Н. Н. К вопросу о комплексном обеспечении безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 95—101.

4. Павличенко Н. В. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Современное право. 2009. № 8. С. 103—107.

1. Tisen O. N. Parties of the pre-trial cooperation agreement. Judicial authority and criminal proceedings, 91—93, 2013. (In Russ.).

2. Okhlopkova A. S. Pre-trial cooperation agreement. Eurasian Advocacy, 101—103, 2021. (In Russ.).

3. Guseva N. N. On the issue of comprehensive security for the party in the pre-trial cooperation agreement. Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 95—101, 2026. (In Russ.).

4. Pavlichenko N. V. Legal status of persons providing assistance to detective authorities. Modern law, 103—107, 2009. (In Russ.).

Олейник Екатерина Андреевна,
начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры информатики и математики
Волгоградской академии МВД России;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Oleynik Yekaterina Andreyevna,
head of the study room for special disciplines
of the department of informatics
and mathematics
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
ekaterina.oleynik.96@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.12

«МЕТАМОРФОЗЫ» ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Сергеевна Потапова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, potapovalena777@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы изменения статусов участников уголовного судопроизводства в ходе развития уголовно-процессуальных отношений. Обосновывается, что это явление необходимо именовать трансформацией статусов, которая может носить институциональный и ситуационный характер. При изменении статусов уголовно преследуемых лиц по мере развития изобличающей их деятельности происходит трансформация их статусов, носящая институциональный характер. Это явление касается сущностных черт состязательного уголовного производства, оно связано с развитием обвинительного тезиса — главной «движущей силы» состязательного процесса, что придает ему свойство институциональности. При реализации потребности в участии сведущих лиц, применяющих познания в различной процессуальной форме, трансформация носит ситуационный характер, что обусловлено потребностями конкретной следственной ситуации в экспертных услугах или помощи специалиста. Аргументируется, что от трансформации следует отличать явление совмещения процессуальных статусов, когда участник одномоментно реализует комплексы полномочий, присущие различным процессуальным фигурам.

Ключевые слова: трансформация процессуальных статусов, совмещение процессуальных статусов, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, потерпевший, властные субъекты, содействующие правосудию участники судопроизводства

Для цитирования: Потапова Е. С. «Метаморфозы» процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 92—98.

"METAMORPHOSIS" OF PROCEDURAL STATUSES OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDING

Yelena Sergeyevna Potapova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, potapovalena777@yandex.ru

Abstract. In the article, the author analyzes the issues of changing the statuses of participants in criminal proceeding during the criminal procedure relations. The author substantiates that this phenomenon should be called as a transformation of statuses, which can be both institutional and situational. When the statuses of criminal defendants change as their incriminating activities develop, the transformation of their statuses is institutional. This phenomenon concerns the essential features of adversarial criminal proceeding; it is connected with the development of an accusatory statement — the main "driving force" for the adversarial process that makes it institutional. When realizing the need for participation of knowledgeable experts applying experience in various procedural forms, the transformation is situational, which is determined by the needs for a specific investigative situation in expert or specialist's assistance. The author proves that transformation should be distinguished from the phenomenon of combining procedural statuses, when a participant simultaneously implements the complexes of powers inherent in various criminal proceeding parties.

Keywords: transformation of procedural statuses, combining procedural statuses, suspect, the accused, defendant, victim, authorities, assisting participants in legal proceeding

For citation: Potapova Ye. S. "Metamorphosis" of procedural statuses of participants in criminal proceeding. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 92—98, 2026. (In Russ.).

© Потапова Е. С., 2026

Прежде всего обозначим, что, употребляя необычный термин «метаморфозы» применительно к процессуальным статусам участников уголовного судопроизводства, мы имеем в виду два явления, сопровождающих бытие участников в уголовном процессе: трансформацию их статусов и совмещение разных статусов в одном лице. Оба явления могут проявить себя в жизни как властных, так и частных участников уголовного производства, что мы попытаемся продемонстрировать далее при анализе статусов различных субъектов, вступающих в уголовно-процессуальные отношения в том или ином качестве.

Под трансформацией процессуального статуса, с учетом этимологии данного слова[1], мы понимаем не просто частные, единичные количественные изменения, а *изменения качественные, преобразующие сущностные свойства трансформируемого статуса*, что приводит к появлению иной процессуальной фигуры в уголовном деле, наделенной другим комплексом прав и обязанностей, реализующей порой иную уголовно-процессуальную функцию [1].

Так, в рамках производства по одному уголовному делу может произойти кардинальная трансформация статуса свидетеля, в отношении которого после неотложных (или первоначальных следственных) действий может быть собран достаточный по объему доказательственный материал, позволяющий привлечь его по расследуемому криминальному событию в качестве подозреваемого. В русле объективного тренда на уголовное преследование данного лица может последовать дальнейшая трансформация его статуса — ему могут предъявить обвинение после появления для этого оснований, указанных в ч. 1 ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). И это — тоже логически обусловленная ходом расследования смена процессуального статуса, его трансформация, порождающая новые уголовно-процессуальные отношения с участием лица, наделенного статусом обвиняемого. И хотя эти преобразования статуса возникают в рамках одной функциональной группы, именуемой уголовно-преследуемыми лицами, тем не менее мы не можем отрицать очевидного: в уголовном производстве на смену одному участнику приходит другой, обладающий при этом большим объемом прав для защиты своих интересов. И здесь мы готовы поспорить с уважаемыми авторами, которые утверждают, что «существенных различий в объеме и содержании процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого, принципиально влияющих на их правовое положение в уголовном судопроизводстве, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит» [2, с. 93]. Дело в том, что уголовно-процессуальный инструментарий для защиты от обвинения (обвинительного тезиса, четко сформулированного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого) у этого лица значительно существеннее, чем у подозреваемого. На это, собственно, обратил внимание Конституционный Суд РФ, указав в определении от 10 октября 2017 г. № 2252-О, что «*Еще большими правами обладает обвиняемый*... (курсив наш. — *Е. П.*)»[2], приводя перечень его прав в сравнении с объемом процессуальных возможностей подозреваемого.

И в этом заключается непреходящая ценность трансформации статуса подозреваемого в обвиняемого: благодаря этому изменению статуса лицо обретает больше процессуальных инструментов для отстаивания своей правовой позиции по уголовному делу, для защиты своих интересов. Именно по указанной причине мы считаем неверной позицию Б. Я. Гаврилова и А. В. Красильникова, призывающих к отказу от статуса обвиняемого в уголовном процессе [2].

Примечательно, что описываемая трансформация происходит не произвольно: фактической основой для нее выступает накопленный в ходе расследования доказательственный материал, который позволяет уже не просто подозревать лицо в совершении преступления, а утверждать о совершении им конкретного уголовно наказуемого деяния. Количественные изменения в доказа-

[1] Толковый словарь иностранных слов определяет трансформацию (от лат. transformatio) как преобразование, превращение (см.: Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL: foreign.slovaronline.com/search?s=трансформация (дата обращения: 11.11.2025)). Аналогичное понимание термина можно встретить и в других словарях (см.: Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=77741 (дата обращения: 11.11.2025); Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой онлайн. URL: https://www.efremova.info/letter/+tr.html?page=10 (дата обращения: 11.11.2025)).

[2] По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 2252-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 6.

тельственной базе приводят к качественному скачку, требующему трансформации статуса уголовно преследуемого лица — трансформации, адекватной тем угрозам, которые несет в себе формулирование обвинительного тезиса властным субъектом. А с учетом того, что данный тезис выступает своеобразным «локомотивом» в состязательном уголовном процессе, подобная *трансформация* носит глубинный, *институциональный характер*. Отказ от нее противоречит не только логике расследования, системе предварительного следствия, структуре уголовного преследования, но и самой сущности состязательного судопроизводства.

Во всех описанных случаях решение о трансформации статуса[1] принимается властным субъектом, осуществляющим производство по уголовному делу, в рамках реализации функции уголовного преследования, которая, по мнению М. М. Бондарь, на макроуровне включает в свою структуру в качестве самостоятельных этапов подозрение и обвинение [3, с. 14]. В дальнейшем трек трансформации статусов уголовно преследуемых лиц также выстраивается с учетом эффективности реализации функции уголовного преследования: принятие уголовного дела к производству судом при назначении судебного разбирательства порождает процессуальную фигуру подсудимого, который при вынесении обвинительного приговора обретает статус осужденного. Эту градацию в статусах справедливо подчеркивает и профессор И. С. Дикарев [4, с. 44].

Следует отметить, что статус уголовно преследуемых лиц может трансформироваться не в русле однородной функциональной группы: например, в случае неподтверждения подозрения и невозможности предъявить обвинение лицу в десятисуточный срок с момента избрания ему меры пресечения. В описываемом случае это лицо может вообще перестать быть участником уголовного судопроизводства (т. е. *утратить* уголовно-процессуальный статус), либо обрести статус реабилитированного лица — при наличии указанных в законе оснований, либо получить статус свидетеля по уголовному делу.

Ну а самобытность производства у мирового судьи по делам частного обвинения в случае подачи встречной жалобы со стороны подсудимого до начала судебного следствия вообще может породить оригинальную ситуацию с наделением подсудимого статусом частного обвинителя (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). Причем закон предусматривает возможность совмещения этих статусов в одном производстве по уголовному делу («При соединении заявлений в одно производство лица, подавшие их, участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого»). Но в рамках конкретных судебных действий (допросов, очных ставок) такое совмещение не реализуется — лицо допрашивается или по обстоятельствам, изложенным в своем заявлении в качестве потерпевшей стороны, или по обстоятельствам, изложенным в заявлении его vis-à-vis, — в качестве подсудимого. И здесь мы наблюдаем, по сути, тоже трансформацию статусов, но *ситуационную*, обусловленную потребностями доказывания и обеспечения права лица на судебную защиту его законных интересов, *инициированную самим подсудимым* с учетом предмета предстоящего допроса. Именно *предмет допроса предопределяет фиксацию процессуального статуса участника* производства у мирового судьи при соединении в одном уголовном деле первичного и встречного заявления по делу частного обвинения.

Мы выше подчеркивали роль властных субъектов в трансформации статусов уголовно преследуемых лиц, однако она приоритетна и в решении вопроса о трансформации статуса лиц, содействующих правосудию, когда привлеченный следователем к производству осмотра места происшествия в рамках проверки сообщения о преступлении специалист потом на основании постановления следователя о назначении судебной экспертизы приобретает статус судебного эксперта. В то же время следует иметь в виду, что для эксперта и специалиста подобная трансформация возможна исключительно в рамках производства конкретного следственного действия — в зависимости от того, с какой целью и в каком качестве его пригласили применять его специальные познания [5; 6, с. 49—54]. Так, лицо, которое изначально участвовало в осмотре места происшествия, а впоследствии по этому делу провело судебную экспертизу, потом вновь может поучаствовать в следственных действиях в качестве специалиста, будучи включенным по графику дежурств в следственно-оперативную группу. Предыдущее участие лица в деле в качестве специалиста (эксперта) не препятствует ему снова по этому же делу осуществлять функции эксперта (специалиста). Заметим,

[1] Подчеркнем, что формально решение о наделении лица статусом обвиняемого, отраженное в постановлении следователя, выступает *юридическим основанием для трансформации статуса* как таковой.

что не всегда формат трансформации статуса специалиста в статус эксперта носил такой «комфортный» характер: в недалеком прошлом УПК РСФСР 1960 г.[1] содержал нормативно закрепленное в п. 3а ст. 67 препятствие для назначения экспертом бывшего специалиста, что обоснованно критически оценивалось практиками и учеными [7, с. 11; 8, с. 12].

Примечательно, что такая *ситуационная трансформация может происходить неоднократно* — под влиянием потребностей хода следствия, диктующего необходимость применения специальных познаний в той или иной процессуальной форме. Применение этих познаний сведущими людьми осуществляется в рамках одной функциональной модели — содействия правосудию. В этом заключается уникальность данных участников, чье появление в уголовном процессе обусловлено наличием у них специальных знаний, востребованных в процессе доказывания.

Трансформация статусов наблюдается и у самих властных субъектов. Так, руководитель следственного органа (далее — РСО) вправе проводить проверку сообщения о преступлении в этом статусе, однако, возбудив уголовное дело и приняв его к производству, он утрачивает по данному уголовному делу статус РСО. Он не может осуществлять по нему процессуальный контроль, ибо приобретает в данном производстве статус следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Такая же ситуация (утрата типичной функции процессуального контроля, возложенной на властного субъекта в силу наделения его статусом РСО) может иметь место, когда этот властный субъект решает возглавить образованную им следственную группу, что требует от него принятия уголовного дела к своему производству в статусе руководителя группы следователей. Но руководитель следственной группы фактически выступает и в роли следователя по данному уголовному делу, так как он принял дело к своему производству, он выносит по нему все процессуально значимые решения, выступая лидирующим субъектом в процессе. Думается, что в этой ситуации мы наблюдаем несколько иное, отличное от трансформации явление — *явление совмещения процессуальных статусов*, реализуемых в русле одной функциональной группы: властных субъектов, осуществляющих уголовное преследование.

Весьма интересны «метаморфозы» процессуального статуса у представителя прокуратуры, который в досудебном производстве осуществлял функцию надзора за законностью деятельности органов предварительного расследования, а после завершения предварительного расследования получил в свое распоряжение уголовное дело с обвинительным заключением (актом, постановлением). Мы согласны с Я. А. Климовой и Е. А. Зайцевой, что в период проверки материалов уголовного дела прокурор продолжает осуществлять надзорную функцию, которая в момент утверждения им итоговых обвинительных актов досудебного производства трансформируется в функцию уголовного преследования с перспективной направленностью на поддержание государственного обвинения в суде, что отражается на объеме и сущности реализуемых прокурором полномочий [9, с. 56; 10, с. 170]. Такая же позиция ранее была высказана профессором И. С. Дикаревым [11, с. 28]. Продолжая их идею, можем констатировать, что функциональная трансформация у прокурора одновременно приводит и к трансформации его процессуального статуса: вместо надзирающего прокурора в процессе появляется новая процессуальная фигура — государственный обвинитель, который реализует этот статус в суде первой и второй инстанций.

Инициатива трансформации статуса участника уголовного процесса не всегда проистекает от лиц, осуществляющих уголовное производство. Иногда она обусловлена личными или представляемыми интересами невластного субъекта, который своим активным поведением [12; 13] придает импульс возникновению, развитию и прекращению уголовно-процессуальных отношений. Однако даже реализованная по *инициативе частных лиц трансформация должна найти официальную фиксацию* в процессуальных актах властного субъекта, отвечающего за ход уголовного производства в этот период.

Это можно наглядно продемонстрировать на примере дачи показаний законным представителем несовершеннолетнего обвиняемого об обстоятельствах его жизни и воспитания (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). Примечательно, что действующее уголовно-процессуальное законодательство в перечне доказательств не содержит упоминание о самостоятельном виде доказательств — показаниях законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, равно как и нет в УПК РФ нормы, посвященной допросу этого лица, что вынуждает трансформировать его статус в иную

[1] См: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

процессуальную фигуру — в свидетеля. Универсальность статуса свидетеля для подобных целей — это историческая данность, которую можно выявить при анализе уголовно-процессуальных законов прежних лет[1]. Следует подчеркнуть, что трансформация статуса данного лица в описываемом случае не является постоянной, необратимой: она случается под воздействием конкретной ситуации, сложившейся в ходе досудебного или судебного производства. Она *носит временный, ситуационный характер*, что обусловлено *разовым участием* данного лица в допросах и предопределено *предметом даваемых им показаний*.

Приведенные примеры демонстрируют особый смысл, вкладываемый в содержание категории «трансформация уголовно-процессуального статуса». Полагаем, что латинское понятие «трансформация» у́же по объему русского слова «изменение», так как любая трансформация является изменением, но не каждое изменение можно признать трансформацией, а только *кардинальную перемену свойств объекта*. В связи с этим употребление предложенного нами термина для описания явления видоизменения процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства видится более удачным, чем это отражено в диссертационном исследовании О. А. Зелениной, которая не выделяла подобные смысловые отличия и анализировала в целом *изменение статуса участника досудебного производства* [14].

С точки зрения названия данной статьи и употребления термина «метаморфозы» актуальным является анализ явления *совмещения уголовно-процессуальных статусов*, которое мы уже упоминали выше. Мы применительно к властным субъектам описывали совмещение статусов руководителя следственной группы и следователя при расследовании уголовного дела групповым способом. Такое же явление можно отследить на примере необычной (в контексте проблематики настоящей статьи) процессуальной фигуры законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, правовое бытие которого демонстрирует различные формы «метаморфоз» статусов. Если это лицо является родителем, усыновителем или попечителем несовершеннолетнего, то, кроме ситуационной трансформации его статуса в свидетеля, данному лицу присуще также совмещение функции гражданского ответчика с его основным статусом[2]. Следователь также может возложить на законного представителя обязанность по обеспечению присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). А это еще один формат участия в деле данного лица, который позволяет причислять его к условной группе субъектов уголовно-процессуальной деятельности, именуемых «лицами, появляющимися в связи с избранием мер пресечения».

Приведенный анализ норм, регулирующих статусы участников уголовного процесса и процедуры их изменений, позволяет сделать ряд умозаключений о «метаморфозах» уголовно-процессуальных статусов в ходе производства по уголовному делу:

1) трансформация процессуального статуса участника досудебного производства происходит под влиянием возникновения и развития уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых участник реализует комплекс прав и обязанностей иного участника уголовного судопроизводства как по собственной инициативе, так и по инициативе властного субъекта;

2) фактической основой для трансформации статуса является совокупность доказательств, фиксируемая в решении властного субъекта, которое выступает потом юридической основой для трансформации статуса;

3) трансформация процессуального статуса уголовно преследуемых лиц в соответствии с развитием обвинительного тезиса, являющегося главным «двигателем» состязательного судопроизводства, отражает необходимые этапы уголовного преследования, поэтому она носит институциональный характер;

[1] Так, примечание к ст. 288 УПК РСФСР 1922 г. предусматривало подобную же *ситуационную трансформацию* для потерпевшего (частного обвинителя) и гражданского истца при нормативном дефиците закрепления в качестве доказательств показаний данных участников уголовного процесса: «Участие в деле в качестве гражданского истца или в качестве лица, поддерживающего обвинение, не устраняет возможности допроса этих лиц в качестве свидетелей» (Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[2] Согласно ст. 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) он обязан нести гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный деянием несовершеннолетнего, конечно же, если последний не эмансипирован.

4) трансформация процессуального статуса может носить временный, ситуационный характер в связи с необходимостью разового участия частного лица в следственных действиях (путем дачи показаний), при этом статус лица в конкретной ситуации нередко предопределен предметом его допроса;

5) для лиц, содействующих правосудию, обладающих специальными познаниями, трансформация может иметь место многократно — в зависимости от потребности применения той или иной формы специальных познаний;

6) от трансформации процессуального статуса следует отличать совмещение процессуальных статусов, когда лицо одновременно реализует права и обязанности, предусмотренные для разных участников уголовного процесса; однако при этом один статус, отражающий ключевую функцию данного участника в уголовном процессе, остается базовым, основным;

7) совмещение процессуальных статусов у частных лиц возможно как по собственной инициативе, так и по инициативе властного субъекта, а при рассмотрении мировым судьей уголовных дел частного обвинения — по инициативе стороны защиты.

1. Потапова Е. С. Использование категории «трансформация» в уголовно-процессуальной науке // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (3—4 апр. 2025 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. Ч. 1. С. 198—201.

2. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 88—96.

3. Бондарь М. М. Должностное уголовное преследование на современном этапе развития досудебного уголовного производства России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2024. 286 с.

4. Дикарев И. С. Процессуальные статусы лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 43—49.

5. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). С. 16—24.

6. Зайцева Е. А., Ашуров В. К., Сидоренко О. В. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 224 с.

7. Серов В. А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1980. 17 с.

8. Зайцева Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1994. 271 с.

1. Potapova Ye. S. The use of the category "transformation" in criminal procedural science. In: Topical issues of the fight against crime: issues of theory and practice. The materials of XXVIII International scientific and practical conference, 3—4 April 2025. In 2 parts. Part 1. Red. by D. V. Kim. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2025: 198—201. (In Russ.).

2. Gavrilov B. Ya., Krasilnikov A. V. Institution of accusation: does it correspond to the realities of today? Works of the Academy of Management of the MIA of Russia, 88—96, 2023. (In Russ.).

3. Bondar M. M. Official criminal prosecution at the present stage of the development of the pretrial criminal proceeding in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2024: 286. (In Russ.).

4. Dikarev I. S. Procedural statuses of the person subject to criminal prosecution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 43—49, 2025. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. Non-procedural form of forensic studies. Forensic examination, 16—24, 2011. (In Russ.).

6. Zaitseva Ye. A., Ashurov V. K., Sidorenko O. V. Role of investigative and judicial practice in ensuring the correct application of the norms of criminal procedure law. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 224. (In Russ.).

7. Serov V. A. The use of scientific and technical knowledge and means of evidence in criminal cases. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1980: 17. (In Russ.).

8. Zaitseva Ye. A. Improvement of the legal institute of forensic examination in the investigation stage. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 1994: 271. (In Russ.).

9. Климова Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 287 с.

10. Климова Я. А., Зайцева Е. А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 220 с.

11. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27—30.

12. Корнуков В. М. Уголовно-процессуальная активность граждан и пути ее повышения // Правоведение. 1987. № 5. С. 64—69.

13. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2 (17). С. 50—53.

14. Зеленина О. А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и его изменение в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 28 с.

9. Klimova Ya. A. Transformation of the powers of the prosecutor at the final stages of pre-trial proceeding. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2017: 287. (In Russ.).

10. Klimova Ya. A., Zaytseva Ye. A. The prosecutor's powers at the final stages of pre-trial proceeding in criminal cases. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 220. (In Russ.).

11. Dikarev I. S. Controversial issues of the organization of pre-trial proceeding in criminal cases. Russian justice, 27—30, 2016. (In Russ.).

12. Kornukov V. M. Criminal procedural activity of citizens and ways to increase it. Legal studies, 64—69, 1987. (In Russ.).

13. Zaitseva E. A. criminal procedure status of participants of verification of the message about the crime and their legal activity. Science Vector of Togliatti State University. The "Legal sciences" Series, 50—53, 2014. (In Russ.).

14. Zelenina O. A. Procedural status of the participant in criminal proceeding and its modification in pre-trial proceeding. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 28. (In Russ.).

Потапова Елена Сергеевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
potapovalena777@yandex.ru

Potapova Yelena Sergeyevna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
potapovalena777@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 22.02.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.132

ПРОИЗВОДСТВО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ АППАРАТОВ В ОСОБО ОПАСНЫХ УСЛОВИЯХ

Анна Юрьевна Федюкина
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Fedyukina.a@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье речь пойдет о процессуальном порядке использования беспилотной аппаратуры как технического средства фото- и видеофиксации при производстве осмотра места происшествия на труднодоступной местности или местности, представляющей опасность для участников следственных действий. На основе положительного опыта правоприменительной практики рассмотрены некоторые модели «беспилотников», наиболее часто встречающиеся при производстве по уголовным делам. Автором подчеркивается, что в ходе следственных действий вполне успешно могут использоваться беспилотные наземные аппараты или беспилотные наземные транспортные средства, которые оснащены камерой видеонаблюдения и специальными датчиками, способными передавать необходимую информацию. Выделена проблема недостаточного нормативно-правового регулирования порядка применения беспилотных аппаратов в следственной практике, что затрудняет их активное внедрение в уголовно-процессуальную деятельность. Для решения данной проблемы предложен авторский алгоритм применения беспилотной аппаратуры при производстве отдельных следственных действий. Отмечена необходимость дальнейшего стимулирования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов по управлению данными техническими средствами.

Ключевые слова: следственные действия, осмотр места происшествия, беспилотный аппарат, следователь, орган дознания, оператор, процессуальный порядок

Для цитирования: Федюкина А. Ю. Производство осмотра места происшествия с применением беспилотных аппаратов в особо опасных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 99—103.

CRIME SCENE SEARCH BY USING UNMANNED AERIAL VEHICLES UNDER EXTREMELY HAZARDOUS CONDITIONS

Anna Yuriyevna Fedyukina
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, Fedyukina.a@mail.ru

Abstract. This article deals with the procedure for using unmanned equipment as a technical means of photo and video recording, while searching the crime scene in an adverse terrain or in an area dangerous for investigation participants. Based on the positive experience of law enforcement, some models of "drones" most frequently encountered in criminal proceedings are analyzed. The author emphasizes that in the investigations, unmanned ground vehicles or unmanned ground vehicles with a surveillance camera and special sensors capable to transmit necessary information can be used quite successfully. The problem of legal regulation lack of the use of unmanned vehicles in investigation, which complicates their active implementation into criminal proceedings, is identified. To solve this problem, the author's algorithm to use unmanned equipment in certain investigations is proposed. The need to further encourage training of law enforcement staff to operate this technical equipment is noted.

Keywords: investigative actions, crime scene search, unmanned vehicle, investigator, body of inquiry, unmanned vehicle operator, procedure

For citation: Fedyukina A. Yu. Crime scene search by using unmanned aerial vehicles under extremely hazardous conditions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 99—103, 2026. (In Russ.).

© Федюкина А. Ю., 2026

Современные условия диктуют органам предварительного расследования внедрять беспилотную аппаратуру в процесс производства следственных действий. Особая необходимость в применении беспилотных технических средств может возникнуть в ходе производства *осмотра места происшествия* на опасных территориях или в труднодоступных местностях, когда создается непосредственная угроза жизни и здоровью участников процесса.

Согласно ч. 3 ст. 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), в труднодоступной местности, а также в случаях, связанных с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия могут проводиться без участия понятых, но с обязательным применением технических средств фиксации их хода и результатов. Беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА), оснащенные камерой видеонаблюдения, в данном случае будут иметь первостепенное значение, так как их автономная удаленная работа в полной мере сможет обеспечить безопасность не только понятых, но и иных участников следственных действий.

В практике органов предварительного расследования при производстве осмотра места происшествия достаточно активно используются дроны или квадрокоптеры. Например, при расследовании дорожно-транспортных происшествий квадрокоптеры помогают точно зафиксировать место аварии, следы от протекторов шин, расположение транспортных средств с высоты в разных ракурсах и пр.[1]

В зоне проведения специальной военной операции также проводятся сотни осмотров мест происшествий с помощью БПЛА [1].

В силу объективных причин не во всех случаях на место происшествия выезжают непосредственно следователи или дознаватели, которые впоследствии будут заниматься расследованием уголовного дела. На удаленных или особо опасных территориях обычно первыми, для сбора и фиксации следов преступления, прибывают должностные лица органов дознания (ст. 40 УПК РФ), например военные полицейские, командиры воинских частей и соединений, оперуполномоченные уголовного розыска, сотрудники Госавтоинспекции и иные сотрудники полиции, что накладывает на них определенные обязательства, связанные не только со знанием уголовно-процессуального закона в части производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ), но и с умением грамотно применять беспилотные аппараты в необходимых случаях.

Термин «беспилотная аппаратура» может употребляться в различных вариантах. В литературе встречаются такие понятия, как «беспилотное воздушное судно», «беспилотная авиационная система», «беспилотный летательный аппарат», «беспилотник», «дрон», «квадрокоптер». Все перечисленные разновидности обладают определенными техническими характеристиками, отличаются весом, способом управления, дальностью полета и др.

Основным нормативным правовым актом, раскрывающим понятие воздушной беспилотной аппаратуры, является Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (далее — ВК РФ), согласно которому *беспилотное воздушное судно* (далее — БВС) — это воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) (ч. 5 ст. 32 ВК РФ).

Стоит отметить, что все беспилотные воздушные суда с максимальной взлетной массой более 30 кг подлежат обязательной государственной регистрации, а беспилотные воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,15 кг до 30 кг подлежат государственному учету (см. п. 1 ч. 1 ст. 33 ВК РФ и ч. 3.2 ст. 33 ВК РФ).

В качестве знаков государственной принадлежности на воздушные суда государственной авиации, используемые для осуществления военной, пограничной, *полицейской*, таможенной служб, а также для выполнения мобилизационно-оборонных задач, наносятся знаки государственной принадлежности (п. 2 ч. 2.1 ст. 34 ВК РФ).

Рассмотрим, какие виды БВС могут быть использованы органами предварительного расследования в ходе осмотра места происшествия.

В практике правоохранительных органов особой популярностью пользуется дрон *Matrice 300 RTK* (рис. 1).

Данный аппарат оснащен тепловизором и световым прожектором, что позволяет ему выполнять поставленные задачи не только днем, но и в ночное время, когда требуется освещение какого-либо участка местности или объекта.

[1] Госавтоинспекция: офиц. сайт. URL: https://госавтоинспекция.рф/news/item/41157 (дата обращения 10.03.2026).

Рис. 1. Дрон Matrice 300 RTK

Рис. 2. DJI Mavic 2 Enterprise Advanced

Согласно нормам обеспечения криминалистической и специальной техникой военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, в перечень технических средств, необходимых для работы военных следователей, входит Мини-ДПЛА — дистанционный портативный летательный аппарат со встроенной фотовидеокамерой[1]. К такой разновидности аппаратов можно отнести портативный складной квадрокоптер *DJI Mavic 2 Enterprise Advanced* (см. рис. 2).

Квадрокоптер данной модели эффективен в случаях, когда требуется быстрота и оперативность. Он удобен в использовании, не занимает много места, удобен при переноске, так как поставляется в специальном кейсе. Установленная на гиростабилизированном подвесе видеокамера снимает качественное видео в разрешении 4K, что играет неоценимую роль при производстве следственных действий.

Полагаем, что, помимо БПЛА, при производстве осмотра места происшествия вполне успешно могут быть использованы беспилотные наземные аппараты или беспилотные наземные транспортные средства (далее — БНТС), которые, по аналогии с БВС, оснащены камерой видеонаблюдения и специальными датчиками, передающими информацию по радиосигналам оператору (специалисту). БНТС способны обеспечить безопасность участникам процесса, когда необходимо произвести осмотр участка местности, представляющего опасность для человека. Однако в практике правоохранительных органов, в отличие от вооруженных сил, БНТС практически не применяются.

Важное значение имеет правовой аспект нахождения беспилотного аппарата в воздушном пространстве, даже если он будет использован непродолжительное время. Отметим, что, согласно п. «в» ст. 114 постановления Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138, при пресечении и раскрытии преступлений получать разрешение на использование воздушного пространства при использовании БВС (в том числе в классах А и С) не требуется! Тем не менее уполномоченные лица, принявшие решение об использовании воздушного пространства, обязаны немедленно уведомить об этом соответствующие центры Единой системы и органы противовоздушной обороны и принять все необходимые меры для обеспечения безопасности полетов воздушных судов[2].

Стоит помнить, что, согласно ч. 3. ст. 164 УПК РФ, производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. К таким случаям можно отнести высокую вероятность утраты или исчезновения следов преступления. Однако здесь встает вопрос о целесообразности применения БВС в ночное время, так как качество записи в темноте, даже при условии подсветки, вряд ли будет приемлемым.

После того как был сделан выбор беспилотного средства, по прибытии на место производства следственного действия следователю или сотруднику органа дознания самостоятельно или при по-

[1] Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 31.07.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.03.2026).

[2] О нормах обеспечения криминалистической и специальной техникой в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 159 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.03.2026).

мощи специалиста-оператора судна необходимо установить связь БВС с принимающим устройством, в роли которого может выступить служебный ноутбук, планшет и т. п.

Важным аспектом является ориентировка на местности, установление координат, определение границ территории, на которой будет проводиться аэрофотосъемка. Вместе с тем нельзя забывать о необходимости принятия неотложных мер для сохранности следов преступления и осматриваемых объектов.

В ходе производства осмотра места происшествия в обязательном порядке составляется протокол (ст. 166 УПК РФ), в котором указывается место, время начала и время окончания следственного действия, данные о лицах, принимавших участие в его производстве, факт разъяснения прав участникам и их подписи.

Основываясь на требованиях ч. 6 ст. 164 УПК РФ, перед началом следственного действия следователь (дознаватель) обязан предупредить лиц, участвующих в осмотре места происшествия, о применении технических средств, в том числе о применении беспилотных аппаратов. В протоколе фиксируются сведения о модели используемого беспилотного аппарата, его регистрационный номер, вес и прочие параметры. Стоит указать и данные флеш-карты, на которую осуществляется видеозапись или фотографирование.

В отличие от видеосъемки обычной камерой, видеофиксация следственного действия с помощью БВС может носить фрагментарный характер, так как проводится на определенных участках местности, куда следователю ход затруднителен или опасен. В связи с этим параллельная видеозапись с момента начала и до момента окончания следственного действия может представляться целесообразной. В этом случае данные всех технических средств должны быть отражены во вводной части протокола.

В процессе производства осмотра места происшествия в протоколе указываются: место применения БВС, описание ландшафта, высота полета, погодные условия, предметы, объекты или трупы, которые были обнаружены, их размер, описание, расположение. Описываются также различные особенности осмотра в зависимости от вида происшествия, такие как пожар, крупная авария на дороге, военное преступление, поиск человека или трупа в горной или иной труднодоступной местности и т. п.

Сведения, полученные с видеозаписывающих устройств беспилотного аппарата, носят информационный характер. Сам БВС не сможет физически изъять найденные доказательства, это стоит учитывать при организации дальнейших действий следственно-оперативной группы.

В заключительной части осмотра места происшествия всем участникам должна быть предоставлена возможность ознакомления с текстом протокола для реализации права внести в него свои замечаниями или дополнения, которые могут касаться порядка использования беспилотного аппарата.

На основании положения ч. 8 ст. 166 УПК РФ все фото и видеозаписи, сделанные на камеру беспилотного аппарата, а также электронный накопитель этих записей приобщаются к протоколу осмотра места происшествия, но самостоятельным отдельным доказательством, без протокола, они являться не могут. Данный факт подчеркивает важность точного соблюдения требований УПК РФ, предъявляемых к содержанию протокола следственного действия, в ходе которого применялось техническое средство. Речь идет о соответствии всех действий следователя (дознавателя), оператора БВС и иных участников осмотра места происшествия, которые были сопряжены с использованием беспилотника.

В качестве правовых проблем применения беспилотных аппаратов в ходе осмотра места происшествия можно выделить отсутствие единого нормативного акта, закрепляющего основания и порядок применения беспилотных устройств при расследовании преступлений, что вынуждает правоприменителя обращаться к различным нормам законодательства, затрагивающих область использования данных технических средств.

Недостаточное правовое регулирование применения БВС в ходе следственных действий может привести к нецелесообразному использованию ресурсов технических средств, а в отдельных случаях — к нарушению прав и законных интересов сторонних граждан, попавших в объектив видеокамеры дрона, например в части, касающейся неприкосновенности жилища или частной жизни.

Одним из ключевых аспектов успешного использования ресурсов беспилотного оборудования является своевременная подготовка сотрудников органов следствия и дознания, так как грамотно реализовать возможности беспилотного оборудования может только специально обученное лицо. В настоящее время далеко не все должно-

стные лица обладают соответствующими знаниями и умениями.

В свою очередь, остро стоит проблема нехватки специалистов — операторов БПЛА в органах внутренних дел. Отдельные авторы полагают, что данные полномочия можно передать сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений МВД России, прошедших соответствующие курсы повышения квалификации [2, с. 119].

Вместе с тем необходимо продолжать обучение сотрудников правоохранительных органов, в том числе на базе образовательных организаций системы МВД России, по управлению беспилотными аппаратами.

Как отметил начальник Главного управления на транспорте МВД России генерал-лейтенант полиции Олег Калинкин: «Беспилотники стали нашими глазами в небе, но их главная ценность — это пилот и оператор. Их навыки, скорость принятия решений, умение читать обстановку...»[1].

Обучение сотрудников необходимо, в первую очередь, для того, чтобы беспилотные аппараты не причинили вред участникам следственных действий. Важно учесть, что некорректное определение минимально допустимой безопасной высоты полета БПЛА может иметь серьезные последствия, такие как столкновения с земной поверхностью или с объектами.

Таким образом, применение беспилотных аппаратов при производстве осмотра места происшествия и иных следственных действий органами предварительного расследования находится в стадии апробации и пока не получило широкое распространение в уголовном судопроизводстве. Однако можно прогнозировать их более активное внедрение в процесс расследования преступлений, где требуется обезопасить его участников, сэкономить время, силы и средства, особенно когда речь идет о крупномасштабных, особо опасных или труднодоступных территориях.

1. Козлова Н., Петров И. Бастрыкин рассказал об осмотре мест преступлений в зоне СВО с помощью дронов // Российская газета: офиц. сайт. URL: https://rg.ru/2023/10/18/bastrykin-rasskazal-ob-osmotre-mest-prestuplenij-v-zone-svo-s-pomoshchiu-dronov.html?ysclid=mi6abhd7pi738904893 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Гаужаева В. А., Иноземцев С. В. Применение беспилотных летательных аппаратов при проведении первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Право и управление. 2023. № 3. С. 117—120.

1. Kozlova N., Petrov I. Bastrykin spoke on the crime scene search in the SMO zone by using drones. In: Rossiyskaya Gazeta. Official site. Available from: https://rg.ru/2023/10/18/bastrykin-rasskazal-ob-osmotre-mest-prestuplenij-v-zone-svo-s-pomoshchiu-dronov.html?ysclid=mi6abhd7pi738904893. Accessed: 10 March 2001. (In Russ.).

2. Gauzhayeva V. A., Inozemtsev S. V. The use of unmanned aerial vehicles in initial investigations and detective activities. Law and management, 117—120; 2023. (In Russ.).

Федюкина Анна Юрьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
Fedyukina.a@mail.ru

Fedyukina Anna Yuriyevna,
associate professor
at the criminal procedure department
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
Fedyukina.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

[1] Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/ /новости/item/71241534 (дата обращения: 17.03.2026).

УДК 343.13(476)

ЦИКЛИЧНОСТЬ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Юрий Павлович Шкаплеров
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь, shkaplerov@yandex.by

Аннотация. В контексте общих закономерностей правотворческой деятельности (нормативных требований законодательной техники и объективно существующих неписаных правил) автором рассматривается явление цикличности правотворческого процесса в уголовно-процессуальной сфере Беларуси, а именно регулярное возвращение законодателя к более ранним моделям регламентации уголовно-процессуальных отношений. На примере нормативного регулирования процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса (прокурора, начальника следственного подразделения, органа дознания, начальника органа дознания, лица, производящего дознание) обращается внимание на влияние названного явления на правоприменительную практику. Констатируется, что такая цикличность, как проявление одного из основных законов диалектики — закона отрицания, прослеживается не только на длительных исторических отрезках продолжительностью в столетие и более, но и на промежутках времени в несколько лет. Обозначается, что рассмотренные в статье объективно существующие закономерности характерны и для белорусской действительности, и для уголовно-процессуальной сферы других государств.

Ключевые слова: правотворчество, уголовный процесс, досудебное производство, участники уголовного процесса, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание

Для цитирования: Шкаплеров Ю. П. Цикличность правотворчества в уголовном процессе Республики Беларусь // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 104—109.

THE CYCLICAL NATURE OF LAWMAKING IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Yuri Pavlovich Shkaplerov
Mogilev Institute of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus, Mogilev, Belarus, shkaplerov@yandex.by

Abstract. In the context of general patterns of law-making activity (regulatory requirements of legislative technology and objectively existing unwritten rules) the article examines the phenomenon of the cyclical nature of lawmaking process in the criminal procedure sphere of Belarus, namely the regular return of the legislator to earlier models of regimentation of criminal procedure relations. Using the example of the normative regulation of the procedural status of particular participants in criminal proceedings (the prosecutor, the head of the investigative unit, the inquiry body, the head of the inquiry body, the interrogator), the author pays attention to the impact of this phenomenon on law enforcement practice. It is stated that such cyclical nature, as a manifestation of one of the basic laws of dialectics — the law of negation, can be traced not only over long historical periods lasting a century or more, but also over several years' intervals. It is noted, that objectively existing patterns analyzed in the article are typical for both Belarusian reality and criminal procedure sphere of other states.

Keywords: law-making, criminal procedure, pre-trial proceedings, participants in the criminal proceeding, prosecutor, investigator, interrogator

For citation: Shkaplerov Yu. P. The cyclical nature of lawmaking in the criminal procedure of the Republic of Belarus. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 104—109, 2026. (In Russ.).

© Шкаплеров Ю. П., 2026

Правотворчество, представляющее собой деятельность уполномоченных органов, организаций, должностных и иных лиц по созданию, изменению и отмене нормативных правовых актов, является неотъемлемым элементом государственно-правового механизма. На современном этапе развития государства данная деятельность максимально регламентирована, в первую очередь, Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Тем не менее в названном законе термин «правотворчество» отсутствует. Вместо него применяются такие понятия, как «законотворческая деятельность» и «нормотворческая деятельность»[1]. Не вдаваясь в терминологическую дискуссию, отметим, что в Беларуси последний из приведенных терминов в большей мере соответствует содержанию правотворчества.

Для каждой отрасли права характерна своя специфика правотворчества. Вместе с тем в отраслевом правотворчестве при сохранении общих начал и подходов формируются специфические правила и требования, его определяющие.

Для правильного понимания сути и содержания правотворчества, в том числе уголовно-процессуального, его необходимо рассматривать не только с точки зрения анализа соответствующих норм права, но и с точки зрения анализа его неписаных правил. Данные правила складываются в ходе взаимодействия различных ведомств, учреждений, органов и лиц, участвующих в правотворческом процессе, а также под воздействием объективно существующих закономерностей общественного развития. В то же время названные неписаные правила в правотворчестве во многих случаях по своему объему могут преобладать над правилами нормативными. Таким образом, правотворческий процесс представляет собой своеобразный «айсберг» с маленькой видимой и огромной невидимой частями [1, с. 34].

Неформальное взаимодействие различных лиц (разработчика нормативного правового акта, его руководителей, специалистов из других ведомств и т. п.) представляет интерес для самостоятельного исследования, в том числе потому, что данное явление характерно не только для современного этапа развития государства и права. Вместе с тем в данной статье будет рассмотрено не менее любопытное явление, свойственное не только правотворчеству, но и всей системе общественных отношений, а именно цикличность развития правотворческого процесса, возвращение законодателя к более ранним моделям регулирования уголовно-процессуальных отношений. С одной стороны, данное явление кажется вполне очевидным, так как соответствует одному из основных законов диалектики — закону отрицания отрицания. С другой стороны, немалая часть правоприменителей, да и законодателей в силу различных причин не всегда знает о существовании этого явления и, соответственно, о его влиянии на правоприменительную практику. Таким образом, обозначенное проблемное поле, несомненно, представляет научный интерес.

Цикличность правотворчества вряд ли в полной мере свойственна всем без исключения уголовно-процессуальным институтам. Вместе с тем анализ трансформации процессуального положения основных участников уголовного процесса однозначно позволяет увидеть регулярное возвращение законодателя к более ранним способам регламентации общественных отношений.

В исторической ретроспективе одним из наиболее ярких проявлений цикличности уголовно-процессуального правотворчества выступает изменение процессуального статуса прокурора. На территории Беларуси данный участник уголовного процесса появился после ее присоединения к Российской империи в конце XVIII в. [2, с. 60, 82, 83]. В Речи Посполитой и Великом княжестве Литовском в силу специфики построения всей государственно-правовой сферы прокуратура в целом и прокурор в частности отсутствовали. Согласно положениям Статута Великого княжества Литовского 1588 г., действовавшего на белорусских территориях до их присоединения к России, уголовный процесс носил ярко выраженный обвинительный характер (в том числе в досудебном производстве).

Правовой статус прокурора, а также стряпчего (помощника прокурора по уголовным делам) в конце XVIII — первой половине XIX в. регламентировался большим числом разнородных нормативных правовых актов, объединенных позднее в Своде законов Российской империи 1832 г.

Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), прокурор, осуществлявший надзор за предварительным следствием (ст. 278 УУС) и дознанием (ст. 279 УУС), наделялся следующими правами: присутствовать при производстве следственных действий (ст. 280 УУС); давать указания судебному следо-

[1] О нормативных правовых актах: закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // Информ.-правовая система ILEX. URL: https://ilex.by/ (дата обращения: 30.01.2026).

вателю (ст. 282 УУС); требовать от следователя применения по отношению к обвиняемому меры пресечения, не связанной с лишением свободы (ст. 283, 284 УУС), задерживать обвиняемого, не заключенного под стражу (ст. 285 УУС); требовать «дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям» (ст. 286 УУС). Со своей стороны полномочия прокурора по надзору за дознанием во многом были похожи на полномочия, закрепленные сегодня в ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) [3, с. 320].

После Октябрьской революции 1917 г. на основании Декрета Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» от 22 ноября 1917 г. № 1 прокуратура в целом и должность прокурора в частности были упразднены. Но через непродолжительное время в 1922 г. прокуратура была воссоздана заново, а в дальнейшем на протяжении всего XX в. происходило постепенное усиление полномочий прокурора в уголовно-процессуальной сфере, что нашло свое отражение в текстах уголовно-процессуальных законов БССР. В частности, помимо надзора за законностью в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (ст. 41, 211—217 УПК БССР 1960 г.), как это было на предыдущих этапах развития уголовного процесса, прокурор также уполномочивался на производство следствия по любому уголовному делу[1].

Обозначенный подход сохранился и после принятия УПК Республики Беларусь 1999 г. Однако все изменилось 1 января 2012 г. с созданием Следственного комитета Республики Беларусь и последовавшими в связи с этим существенными изменениями уголовно-процессуального законодательства. Начиная с названной даты прокурор был освобожден от функции процессуального руководства расследованием, за исключением случаев, когда предварительное следствие по делу производит нижестоящий прокурор. За ним при этом сохранилось право проверять уголовные дела и материалы проверки. Проводить следственные и другие процессуальные действия по уголовным делам, находящимся в производстве следователя, прокурору разрешалось только при санкционировании мер пресечения (ст. 34, 35 УПК Республики Беларусь), в то время как до 2012 г. он мог произвести названные действия по любому делу.

Помимо названного, указания следователю о проведении следственных и других процессуальных действий прокурор теперь мог давать только по возвращении ему уголовного дела, переданного для направления в суд. А указания о применении, изменении и отмене мер пресечения прокурор уполномочивался давать только по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора. После создания Следственного комитета анализируемый участник уголовного процесса лишен права на передачу уголовных дел от одного следователя другому, а также отстранение следователя, нарушившего нормы уголовно-процессуального закона, от производства предварительного расследования. В такой ситуации прокурор должен потребовать от начальника следственного подразделения устранения допущенных нарушений законодательства (ст. 34 УПК Республики Беларусь).

Исходя из приведенного анализа, можно было бы предположить, что в 2012 г. в Республике Беларусь прекратился начавшийся около 100 лет назад тренд по усилению прокурорской власти в уголовно-процессуальной сфере. Однако 26 мая 2021 г. ст. 34 УПК Республики Беларусь была дополнена ч. 5[1], согласно которой указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий прокурор теперь мог дать также при отмене постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования. А спустя четыре года, 17 февраля 2025 г., данная норма была скорректирована, и теперь прокурор уполномочен давать следователю обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и иных процессуальных действий по любому уголовному делу без каких-либо ограничений.

Таким образом, изменение полномочий прокурора в белорусском досудебном уголовно-процессуальном производстве происходит циклично, с регулярными возвращениями к определенной модели законодательного регулирования. Развитие полномочий данного участника уголовного процесса можно также сравнить со спиралью, когда законодатель регулярно отказывается от определенных подходов нормативного регулирования, а спустя время возвращается к ним, но уже на более позднем этапе развития общества и государства.

[1] Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901874557 (дата обращения: 30.01.2026).

О цикличности правотворчества свидетельствует не только изменение процессуального положения прокурора. В обозначенном контексте интерес представляет трансформация процессуального положения иных должностных лиц органов уголовного преследования, в частности начальника следственного подразделения и начальника органа дознания. С вступлением 1 января 2001 г. в юридическую силу действующего УПК Республики Беларусь процессуальный статус названных должностных лиц, как и прокурора, коренным образом не изменился. Законодатель лишь уточнил и более развернуто изложил их права и обязанности, а также частично изменил нормативную терминологию.

Однако после упразднения в 2003 г. Следственного комитета при МВД Республики Беларусь и подчинения следователей начальникам органов внутренних дел обозначился тренд по усилению процессуального и организационного влияния на следователя руководителей ведомств, в составе которых имелись следственные подразделения и подразделения дознания — в первую очередь МВД и КГБ. Своего апогея этот тренд достиг в 2010 г. с принятием законов Республики Беларусь от 4 января 2010 г.[1] и 5 мая 2010 г.[2], вносивших в УПК существенные изменения. В частности, ст. 38 уголовно-процессуального закона дополнялась ч. 5^1, согласно которой Министр внутренних дел и иные определенные законодателем руководители ведомств могли самостоятельно возбудить уголовное дело и передать его для производства предварительного расследования подчиненному им органу предварительного следствия или дознания. Более того, названные руководители при производстве предварительного расследования возглавляемым ими органом уголовного преследования по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также о преступлениях, предусмотренных отдельными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь (ч. 1 ст. 235 «Нарушение законов и обычаев войны», ч. 3 ст. 282 «Похищение человека», ч. 2 ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», ч. 2 ст. 425 «Бездействие должностного лица», чч. 1, 2 ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий», ч. 2 ст. 427 «Служебный подлог», ст. 428 «Служебная халатность», ст. 429 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» и др.), наделялись правом по вынесению мотивированных постановлений: о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; производстве обыска, осмотре жилища или иного законного владения; наложении ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемке, выемке документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивании и записи переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; эксгумации; помещении подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение; отстранении обвиняемого от должности (ч. 5^1 ст. 38 УПК Республики Беларусь). Такие постановления не санкционировались прокурором, но их копии в течение 24 часов направлялись Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности. В развитие обозначенной тенденции УПК дополнялся другими подобными положениями[3], в том числе в кодекс включалась ст. 38-1 «Начальник подразделения дознания», которая определяла процессуальный статус этого участника уголовного процесса во многом аналогично начальнику следственного подразделения [4, с. 65].

В итоге все перечисленные законотворческие инициативы зафиксировали все большее смешивание предварительного следствия и дознания, а также совмещение одним должностным лицом статусов двух участников уголовного процесса — руководителя следственного подразделения и начальника органа дознания. Тем не менее такое положение сохранялось недолго. Обозначенная тенденция, как и тенденция по усилению прокурорской власти, закончилась с началом реформы предварительного расследования и созданием в 2012 г. независимого Следственного комитета Республики Беларусь, в состав которого вошли следователи прокуратуры, органов внутренних дел и Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля. Однако,

[1] О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью: закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 107-З // Информ.-правовая система ILEX. URL: https://ilex.by/ (дата обращения: 30.01.2026).

[2] О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 122-З // Информ.-правовая система ILEX. URL: https://ilex.by/ (дата обращения: 30.01.2026).

[3] О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью: закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 107-З.

несмотря на то что по первоначальному замыслу реформаторов следственные подразделения Комитета государственной безопасности также должны были стать частью нового комитета, этого не произошло.

В ходе начавшейся реформы предварительного расследования наравне с процессуальным статусом прокурора, о чем говорилось выше, существенные изменения претерпел и процессуальный статус начальника следственного подразделения. Последний с 1 января 2012 г. вправе: передать уголовное дело из одного следственного подразделения в другое; возвращать органу дознания для проведения проверки заявление или сообщение о преступлении, не содержащее достаточных данных, указывающих на признаки преступления; разрешать отвод и самоотвод следователя, а также жалобы на решения и действия подчиненных следователей и нижестоящих начальников следственных подразделений, за исключением жалоб, рассмотрение которых относится к компетенции суда; отменять незаконные и необоснованные постановления следователя и нижестоящего начальника следственного подразделения. Кроме того, от прокурора начальнику следственного подразделения передано право продления сроков предварительного следствия, рассмотрения заявлений или сообщений о преступлениях и ускоренного производства (ст. 35 УПК Республики Беларусь).

Одновременно с этим законодатель решительно ограничил компетенцию органов дознания, сведя ее к рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях и проведению неотложных следственных и других процессуальных действий, направленных на установление и закрепление следов преступления. Производство названных действий возможно лишь в течение 10 суток после возбуждения уголовного дела, после чего орган дознания обязан передать уголовное дело следователю (ст. 186 УПК Республики Беларусь). Кроме того, из УПК была исключена указанная выше ст. 38-1, регламентировавшая положение недавно появившегося в уголовном процессе начальника подразделения дознания.

После реформы 2012 г. процессуальное положение следователя и органа дознания в определенной мере стало схожим с положением судебного следователя и полиции согласно УУС, а также соответствовать Концепции судебно-правовой реформы от 23 апреля 1992 г.[1] и мнению ряда ученых, озвученному еще во времена СССР [5, с. 55, 61; 6, с. 7]. Что интересно, обозначенный результат не озвучивался авторами реформы в качестве ее цели или задачи.

Но здесь уместно отметить, что, несмотря на белорусскую специфику процесса трансформации организационного построения и процессуального статуса должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное производство, данное реформирование протекает примерно в одинаковом русле с аналогичными процессами в большинстве государств на постсоветском пространстве. Это, по мнению Л. Г. Берлявского и В. А. Расчетова, обусловлено генетической общностью правовых систем этих государств, одинаковой стадией государственно-правового развития, одинаковыми задачами, стоящими перед их руководством, и т. д. [7, с. 120]

В завершение рассмотрения обозначенной проблематики подчеркнем, что приведенные примеры изменения позиции белорусского законодателя в подходах к нормативному регулированию процессуального положения таких участников уголовного процесса, как прокурор, начальник следственного подразделения, начальник подразделения дознания и лицо, производящее дознание, подтверждают озвученный во вводной части настоящей статьи тезис о цикличности развития правотворчества в уголовно-процессуальной сфере. Что интересно, названная цикличность прослеживается и на довольно долгом (более чем вековом) историческом отрезке, и на промежутке времени в несколько лет. Небезынтересным видится и то обстоятельство, что во многих случаях, возвращаясь к предыдущей модели регулирования уголовно-процессуальных отношений, законодатели не рассматривают предыдущий опыт в качестве ориентира и не определяют его целью соответствующих изменений уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что рассмотренные в статье закономерности характерны не только для Беларуси, но и для других стран, в том числе Российской Федерации.

[1] О Концепции судебно-правовой реформы: постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611—XII // Информ.-правовая система ILEX. URL: https://ilex.by/ (дата обращения: 30.01.2026).

1. Лонь С. Л. Понятие «уголовно-процессуальное правотворчество» // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29—31 января 2004 г.). Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. С. 28—39.

2. Шкаплеров Ю. П. История досудебного производства в уголовном процессе на белорусских землях (IX—XX вв.): монография. Могилев: Могилевский ин-т МВД, 2023. 400 с.

3. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В. Ширков, М. Шрамченко. Санкт-Петербург: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 948 с.

4. Шкаплеров Ю. П. Стадия предварительного расследования в уголовном процессе Республики Беларусь: основные точки трансформации в XXI столетии // Вестник Могилевского института МВД. 2025. № 1. С. 64—69.

5. Белозеров Ю. Н., Чугунов В. Е., Чувилев А. А. Дознание в органах милиции и его проблемы. Москва: Юрид. лит., 1972. 89 с.

6. Борико С. В. Совершенствование предварительного следствия как одно из условий формирования социалистического правового государства // Демократизм предварительного расследования: сб. науч. тр. Минск: Минская высш. шк. МВД СССР, 1990. С. 3—11.

7. Берлявский Л. Г., Расчетов В. А. Самостоятельные следственные органы на постсоветском пространстве: сравнительное исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 114—120.

1. Lon S. L. The concept of criminal procedural law-making. In: Problems of theory and practice of criminal procedure, prosecutorial supervision and law enforcement in the light of new Russian legislation. Scientific and practical conference materials, 29—31 January 2004, Tomsk, TSU. Tomsk: Scientific and technical literature publishing house; 2004: 28—39. (In Russ.).

2. Shkaplerov Yu. P. History of pre-trial proceedings in criminal procedure in the Belarusian lands (IX—XX centuries). Monograph. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs; 2023: 400. (In Russ.).

3. The Statute of Criminal Proceedings. With later legalizations, legislative motives, explanations of the Governing Senate and circulars of the Minister of Justice. Comp.: V. Shirkov, M. Shramchenko. Saint Petersburg: Publishing house of the legal book of N. K. Martynov; 1899: 948. (In Russ.).

4. Shkaplerov Yu. P. The stage of preliminary investigation in the criminal proceeding of the Republic of Belarus: the main points of transformation in the XXI century. Journal of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 64—69, 2025. (In Russ.).

5. Belozerov Yu. N., Chugunov V. Ye., Chuvilev A. A. Inquiry in militia and its problems. Moscow: Juridical literature; 1972: 89. (In Russ.).

6. Boriko S. V. Improvement of the preliminary investigation as one of the conditions for the formation of a socialist state of law. In: Democracy of the preliminary investigation. Collection of scientific papers. Minsk: Minsk Higher College of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1990: 3—11. (In Russ.).

7. Berlyavsky L. G., Rastshetov V. A. Independent investigative bodies in the post-Soviet space: a comparative study. Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence, 114—120, 2017. (In Russ.).

Шкаплеров Юрий Павлович,
профессор кафедры общеюридических
и уголовно-правовых дисциплин
Могилевского института МВД
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент;
shkaplerov@yandex.by

Shkaplerov Yuri Pavlovich,
professor at the department
of general legal and criminal law disciplines
of the Mogilev Institute
of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus,
candidate of juridical sciences, docent;
shkaplerov@yandex.by

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.985

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Святослав Юрьевич Бирюков*, Ольга Сергеевна Панова**
* Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, bir.slav@yandex.ru
** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kole235@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления криминалистического изучения личности участников уголовного процесса, которые выделяются в теории криминалистики. Кроме того, проанализированы высказанные в юридической литературе подходы к определению объема, соответствующей методологии и форм такого исследования.

Обоснован подход к определению спектра методологического инструментария для изучения личности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, который не просто применим непосредственно в рамках досудебного производства, но может использоваться именно лицом, ведущим расследование.

Выделены ключевые обстоятельства, которые влияют на выбор субъектом расследования конкретных методов криминалистического исследования личности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в рамках производства по уголовному делу, дана развернутая характеристика трех основных методов: беседы, наблюдения и обобщения независимых характеристик. Выявлены сильные и слабые стороны каждого из указанных методов, а также подчеркнуто, что только комплексное использование этих и других методов криминалистического исследования личности даст органам предварительного расследования наиболее полный и достоверный результат.

Ключевые слова: личность, участник уголовного процесса, расследование, метод криминалистического исследования, психологический портрет, беседа, наблюдение, характеристика

Для цитирования: Бирюков С. Ю., Панова О. С. Методы изучения личности в тактических целях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 110—119.

METHODS OF PERSONALITY EXAMINATION FOR TACTICAL PURPOSES

Svyatoslav Yuriyevich Biryukov*, Olga Sergeyevna Panova**
* Volgograd State University, Volgograd, Russia, bir.slav@yandex.ru
** Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kole235@mail.ru

Abstract. This article deals with the main areas of forensic examination of personality of participants in criminal proceedings, as defined in forensic theory. Furthermore, the author analyses approaches expressed in the legal literature, which define the scope, appropriate methodology, and forms of such examination.

This article substantiates an approach to define the range of methodological tools to examine the personality of individuals involved in criminal proceedings, which is not only applicable directly in pre-trial proceedings, but can be used specifically by the investigator.

This article identifies key factors that influence the investigator's choice of specific forensic methods to examine personality of individuals involved in criminal proceedings in a criminal case. It also provides a detailed description of three main methods: interview, observation, and compilation of independent characteristics. The strengths and weaknesses of each of these methods are identified, and the author emphasizes that only the integrated use of these and other forensic methods to examine personality will provide preliminary investigation bodies with the most comprehensive and reliable results.

Keywords: personality, participant in criminal proceedings, investigation, forensic examination method, psychological profile, interview, observation, characteristics

For citation: Biryukov S. Yu., Panova O. S. Methods of personality examination for tactical purposes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 110—119, 2026. (In Russ.).

© Бирюков С. Ю., Панова О. С., 2026

Анализ имеющихся в криминалистической науке фундаментальных исследований, посвященных вопросам изучения личности участников уголовного процесса (как правило, обвиняемого и (или) потерпевшего) дает возможность выделить несколько наиболее знаковых направлений, связанных с методикой изучения личности в рамках осуществления производства по уголовному делу.

Например, по мнению группы исследователей, изучение личности обвиняемого должно включать широкий комплекс социальных, психологических и биологических данных о конкретном лице; причем для этого должны использоваться разнообразные методы от философских до частнонаучных, применяемых должностными лицами правоохранительных органов, в том числе судом в своей практической деятельности [1, с. 9]. По мнению приверженцев рассматриваемого подхода, такое изучение личности может быть осуществлено посредством использования научно-технических и уголовно-процессуальных средств познания окружающей действительности [2]. Впоследствии эта точка зрения претерпела некоторые изменения, связанные в первую очередь с сужением спектра изучаемых аспектов личности, где во главу угла была поставлена психологическая структура личности, познание которой субъектом расследования предлагалось посредством применения методов наблюдения, анализа (биографии, независимых характеристик), а также использования для этого различных источников информации, в том числе следственных действий (например, допрос, следственный осмотр, судебно-психологическая и судебно-психиатрическая экспертизы).

Другие исследователи, в целом разделяя аналогичный подход, описывают и педагогические методы изучения личности, а в группу источников получения информации также включают результаты негласной оперативно-разыскной деятельности [3, с. 60].

Третья группа ученых рассматривает методику изучения личности в рамках уголовно-процессуальной деятельности как совокупность специально-научных и криминалистических методов, к которым они относят процессуальные действия [4, с. 41].

Еще одна группа исследователей акцентирует внимание на изучении личности участников уголовного процесса именно в ходе осуществления непосредственной процессуальной деятельности, выделяя при этом такие методы, как наблюдение за участниками того или иного процессуального действия, установление коммуникации с ними, изучение оставленных лицом материальных следов, психологические методы изучения. Кроме того, приверженцы этого направления выделяют документы как источник информации о личности, дифференцируя его на непосредственно характеризующие человека или опосредованно отражающие информацию о нем [5].

Представляется целесообразным отдельно остановиться на мнении одного из основателей рассматриваемого нами направления криминалистической науки — профессора Ф. В. Глазырина, который в своих работах освещал вопросы собственно криминалистической методологии изучения личности участников уголовного судопроизводства и рассматривал приемы и методы, разработанные криминалистической наукой и практикой [6]. Ф. В. Глазырин характеризовал такие методы изучения личности, как наблюдение, беседа, обобщение независимых характеристик, биографический метод и анализ результатов преступной деятельности. Однако он лишил эти методы их психологического начала в связи с тем, что субъект расследования, как правило, лишен возможности использовать именно методологию психологии по той простой причине, что не только не владеет ей, но это прямо запрещено законодателем. Вместе с тем он достаточно полно раскрыл источники, из которых лицо, ведущее расследование, может черпать информацию о личности обвиняемого. В качестве таковых автор, помимо следственных действий (куда входят и судебные экспертные исследования) и негласных мероприятий, указал соответствующие базы данных в рамках учения о криминалистической регистрации. Говоря о специфике познания личностных особенностей потерпевшего и свидетеля, ученый основной акцент делает на целях данного изучения и его содержании, но не на методологии такого рода деятельности [6, с. 225].

Излагая проблему методики криминалистического изучения личности, опираясь на современные разработки теории и методологии криминалистики, мы возьмем на себя смелость по некоторым отдельным позициям возразить вышеназванным авторам.

Учитывая изложенное, считаем, что более точным будет говорить именно о методах криминалистического изучения личности, в отличие от терминологии, используемой в анализируемых научных исследованиях, где оперируют понятием «криминалистические методы изучения личности». Кроме того, представляется правильным высказанное в юридической литературе мнение о целесообраз-

ности дифференциации методологического инструментария изучения личности в зависимости от характера криминалистической деятельности — теоретико-исследовательской или прикладной [7, с. 221]. Очевидно, что методологический потенциал научного исследования существенно превосходит по объему и разнообразию тот, который применим в следственной практике, так как последняя осуществляется в строго определенных рамках, установленных законодателем и конкретными особенностями следственной ситуации. В теории криминалистики также было отмечено, что процессуальное законодательство определяет не содержательные характеристики познавательных методов как таковых, а процедурные аспекты их использования в рамках уголовного судопроизводства. Полагаем, что данное положение справедливо и в отношении того методологического инструментария, имеющегося в распоряжении следователя для криминалистического исследования личности [8, с. 76].

Законодатель четко обозначает ключевые обстоятельства, которые влияют на выбор субъектом расследования конкретных методов рассматриваемого исследования личности. К ним, кроме временных рамок, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, относятся перечень лиц, уполномоченных проводить такого рода изучение, конкретные процедурные формы, обеспечивающие данное изучение. При определении методов криминалистического исследования субъекты расследования обязаны руководствоваться нравственными нормами и этическими принципами, что напрямую вытекает из основополагающих начал уголовно-процессуального права.

При рассмотрении методов криминалистического изучения личности важно провести их дифференциацию в зависимости от субъекта применения: следователь (дознаватель) и специалист (эксперт). Очевидно, что методологический арсенал первого в этом вопросе довольно ограничен, поскольку включает лишь те методы, которые не требуют углубленных специальных знаний, а методы, которые используют привлекаемые к расследованию специалисты (эксперты), нельзя назвать криминалистическими в строгом смысле слова — они остаются в рамках соответствующих областей научного знания. Криминалистическую ценность приобретают именно результаты работы этих сведущих лиц, а не сами методы. Получаемая же от них информация становится частью общей системы криминалистического изучения личности.

В связи с этим трудно согласиться с высказанными в юридической литературе мнениями о том, что субъект расследования или суд используют в целях изучения личности те или иные методы не только самостоятельно, но и через привлечение сведущих лиц к следственному процессу. На деле же они выступают как организаторы процесса: они формулируют задачи для сведущих лиц, а затем анализируют и применяют полученные результаты как источник криминалистически значимых сведений о личности.

Кроме этого, полагаем, что имеющие место попытки отдельных исследователей рассматривать технико-криминалистические средства изолированно от методов исследования представляются несостоятельными. Как справедливо указано в юридической литературе, технические средства вне контекста конкретного метода познания остаются «мертвым грузом», а их использование субъектом расследования должно подчиняться тем же критериям, что и применение методов — в соответствии с компетенцией каждого субъекта применения [9; 10].

Подходы к исследованию личности в качестве цели тактического влияния формируются исходя из специфики изучаемого объекта, особенностей субъекта их применения, а также условий существующей следственной ситуации.

Поскольку центральным элементом изучения выступает психология конкретной личности, логичным представляется обращение криминалистической науки к арсеналу психологической методологии.

В юридической науке справедливо подчеркивается специфика познавательной работы следствия, указывается, что «досудебное производство в определенном контексте представляет собой особую форму психологического познания практической направленности, реализуемого в границах процессуального законодательства». В рамках такой деятельности «работники органов предварительного следствия должны исследовать признаки субъективной стороны противоправного деяния, индивидуально-психологические характеристики лица, причастного к его совершению, а также иных участников процесса и пр.» [11, с. 77].

Вместе с тем необходимо учитывать, что субъект расследования не является специалистом в области психологии и ограничен (в первую очередь законодательно) в возможностях применения всего спектра психологической методологии.

Это обстоятельство, однако, не исключает возможности использования лицом, ведущим рас-

следование, отдельных психологических методик при условии, что применение последних вполне доступно для практического освоения широким кругом лиц, не имеющих специального профильного образования. Это подтверждает современная судебно-следственная практика.

Среди методов, которые можно считать правомерными в данной области, выделяется несколько ключевых: проведение бесед, систематическое наблюдение, метод обобщения независимых характеристик.

Указанные методы, сохраняя свою изначальную психологическую сущность, претерпевают определенную трансформацию и приобретают особые черты, связанные со спецификой области их применения — особыми условиями проведения предварительного следствия и характером криминалистических задач, которые необходимо решать в процессе расследования.

Рассмотрим каждый из упомянутых методов более детально, чтобы лучше понять их возможности и особенности использования в криминалистической практике.

Метод беседы. Анализируя роль беседы в криминалистической деятельности, невозможно не восхититься «элегантностью» этого инструмента. Она способна решать множество задач одновременно, превращая обычное общение в искусство познания человеческой души.

В криминалистической практике беседа выступает своеобразным мостом между лицом, ведущим расследование, и тем или иным участником процесса. Это не просто разговор — это тонко настроенный механизм, который помогает субъекту расследования познать те или иные аспекты предмета доказывания.

Что делает беседу столь незаменимой? Прежде всего, ее удивительная гибкость; она дает возможность приспосабливаться к любому собеседнику — будь то растерянный свидетель, замкнутый подозреваемый или встревоженный потерпевший [12, с. 43]. В каждом случае беседа раскрывает новые грани личности, помогая следователю понять внутренний мир человека.

Через призму беседы лицо, ведущее расследование, получает доступ к богатейшему набору информации. Здесь и интеллектуальные способности собеседника, проявляющиеся в логике рассуждений, и культурный багаж, отражающийся в речевых оборотах, и профессиональный опыт, выдающий себя специфической терминологией. Система ценностей человека, его отношение к правовым нормам, особенности самовосприятия — все это постепенно вырисовывается в ходе умело проведенной беседы.

Однако использование беседы в следственной практике требует особого мастерства. Классические психологические приемы здесь нуждаются в тщательной адаптации, поскольку следователь действует в жестких рамках, установленных законодателем.

При использовании метода беседы в следственной деятельности необходимо соблюдать три ключевых принципа: четкая направленность на цель, продуманное планирование и персонализированный подход.

Субъекту расследования крайне важно заблаговременно сформулировать все вопросы, которые предстоит разрешить в ходе диалога, и выстроить структуру предстоящего разговора. Недопустимо проводить бесцельную беседу, без конкретного результата. Это требование приобретает особую актуальность в условиях жесткого дефицита времени, в которых проходит вся деятельность следователя — каждая минута общения должна работать на получение информации, имеющей криминалистическое значение и способствующей познанию психологического портрета личности.

Содержательность беседы играет двойную роль: она не только обеспечивает получение нужных сведений, но и стимулирует интерес собеседника, мотивирует его на откровенность и сотрудничество со следствием. В практике расследования беседа неизбежно трансформируется в структурированный опрос, построенный по заранее разработанной схеме.

Персонализированный подход требует от лица, ведущего расследование, гибкого подхода к каждому конкретному случаю. Необходимо тщательно подбирать стратегию и тактику ведения беседы, определять оптимальное время и место ее проведения, варьировать продолжительность и стиль общения, опираясь на уже имеющиеся, пусть и ограниченные, сведения о характере и особенностях личности собеседника.

В процессе общения с лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство, субъект расследования выступает в качестве ведущего. Для этого ему крайне важно мастерски владеть искусством диалога — не просто ясно выражать собственные мысли и грамотно ставить вопросы, но и внимательно прислушиваться к ответам собеседника.

Первые минуты разговора служат своеобразным мостиком для установления доверительной атмосферы. Открывающие вопросы целесообразно выбирать из категории «располагающих» — таких,

которые не поставят человека в затруднительное положение. Эти вопросы должны затрагивать области, где интерес следователя выглядит естественно и не вызывает подозрений. Длинные вступительные речи лучше исключить, поскольку они могут сделать собеседника пассивным слушателем.

Манера ведения беседы требует особого баланса: с одной стороны, она должна располагать к открытости, с другой — сохранять необходимую официальность, соответствующую статусу представителя государственной власти. Вопросы следует формулировать кратко и понятно, ориентируясь на те сведения, которые человек способен предоставить. Важно помнить, что беседа как метод имеет свои границы — не все аспекты личности можно исследовать таким образом. К примеру, большинство людей не смогут детально проанализировать свои психологические особенности или внутренние процессы, для изучения которых требуется применение специальных методик.

В следственной практике не всегда представляется возможным или целесообразным создавать неформальную обстановку, как советуют психологи. Чаще всего беседа проходит там же, где проводится процессуальное действие, при этом место выбирается с учетом особенностей личности участника, когда это осуществимо. Главное условие — минимизировать влияние отвлекающих факторов. Эффективность беседы в качестве инструмента криминалистического анализа личности напрямую связана с качеством психологического контакта между ее участниками.

Метод наблюдения. В арсенале лица, ведущего расследование, наблюдение занимает особое, главенствующее место. Неудивительно, что этот инструмент познания уже много лет является предметом неустанного изучения исследователей в области криминалистики.

Если попытаться определить его в контексте изучения человеческой личности, то по сути это искусство систематического и осмысленного восприятия, когда субъект расследования внимательно изучает не только то, как выглядит человек, но и то, как он себя ведет, какие эмоции проскальзывают в его мимике, жестах, интонациях, позе и пр. Это своеобразное чтение между строк человеческого поведения.

Благодаря такому пристальному вниманию к внешним проявлениям можно составить довольно точный психологический портрет — понять, каков человек по темпераменту, насколько он эмоционален или, наоборот, сдержан, как развиты его волевые качества, как он относится к сложившейся ситуации и т. п. Представляются абсолютно верными описанные в криминалистической литературе границы возможного в этой области: наблюдатель фиксирует не только очевидные вещи (поведение, эмоции, то, как человек общается с окружающими), но и более сложные аспекты внутреннего мира личности. Речь идет о мыслях, убеждениях, системе ценностей, переживаниях — но только при условии, что все это каким-то образом проявляется внешне, становится видимым и измеримым [13, с. 53].

В теории криминалистики по-разному определяется предмет наблюдения при изучении личности. Одни исследователи считают, что это внешний облик человека, его поведение, высказывания и особенности речи, психофизиологические реакции [14; 15, с. 120]. Другие, и мы солидарны с ними, включают сюда обстановку среды обитания человека (место работы, проживания), поскольку окружающие предметы могут многое рассказать наблюдательному субъекту расследования [16, с. 83; 17, с. 128].

Особенность рассматриваемого вида наблюдения заключается не в пассивном созерцании, а в одновременном глубоком анализе и осмыслении наблюдаемого с точки зрения выделения закономерного и случайного, основного и второстепенного. В отличие от психологического наблюдения, где возможно разделение рассматриваемого метода на отдельные фазы, лицо, ведущее расследование, наблюдает, анализирует и делает выводы одновременно [18, с. 109]. Профессиональная наблюдательность субъекта расследования предполагает умение подмечать внешние проявления внутреннего мира людей, понимать психологический подтекст их действий и поступков.

Рассматривая особенности применения наблюдения для достижения вышеназванных целей, представляется целесообразным подробнее остановиться на одной из его важных форм — опосредованном наблюдении.

В теории психологии этот термин обычно трактуется как процесс восприятия, при котором исследователь получает данные об объекте изучения не напрямую, а через посредников. То есть фактически происходит восприятие «чужими глазами» — когда информация о событии или факте поступает от третьих лиц, которые были очевидцами происходящего.

При использовании данного метода в криминалистической практике возникает принципиальная проблема. Дело в том, что первичное наблюдение

обычно проводится людьми, которые изначально не ставили перед собой криминалистических целей. Отсутствие специальной установки делает такое наблюдение стихийным и лишенным систематичности. А это, в свою очередь, создает дополнительные задачи для субъекта расследования: необходимо оценивать способность конкретного наблюдателя адекватно воспринимать события и корректно передавать полученную информацию о наблюдаемой личности. Очевидно, что иная ситуация складывается, когда наблюдение проводится по специальному заданию следователя — профессиональный характер такого наблюдения значительно повышает его надежность и объективность получаемых результатов.

В практике криминалистического исследования личности метод наблюдения сталкивается с фундаментальной дилеммой: как сбалансировать объективность восприятия с неизбежной субъективностью наблюдателя. Это противоречие — основной фактор, определяющий степень доверия к полученным результатам.

В литературе выделяются характерные искажения, снижающие точность наблюдательного процесса, которые коренятся в особенностях человеческого восприятия и мышления:

— феномен «первого впечатления» проявляется в радикальном упрощении образа наблюдаемого: человек воспринимается исключительно в полярных категориях «хорошо» или «плохо», без учета полутонов его личности;

— феномен позитивного восприятия выражается в неосознанной склонности приписывать наблюдаемому более благоприятные качества, чем есть на самом деле;

— феномен «золотой середины» ведет к сглаживанию ярко выраженных особенностей характера и поведения, в результате чего уникальные черты личности остаются незамеченными;

— причинно-следственные заблуждения возникают при поспешных выводах о взаимосвязи различных качеств личности (по манере речи судят об умственных способностях);

— феномен зеркального отражения проявляется в том, что наблюдатель особенно остро замечает у другого человека качества, противоположные собственным, невольно преувеличивая их значимость [19, с. 126; 20, с. 63].

Одним из наиболее серьезных подводных камней анализируемого нами метода становится влияние устойчивых так называемых ментальных шаблонов. Человеческое восприятие по своей природе основывается на осмысленной категоризации — мы воспринимаем других людей через призму накопленных знаний о социальных группах, к которым они принадлежат. В ходе профессиональной деятельности у субъекта расследования неизбежно складывается система типизированных образов различных участников уголовного процесса. Применение подобных образов не только оправданно, но и крайне важно на начальных стадиях расследования, например при построении различных следственных гипотез. Однако когда процесс познания конкретной личности подменяется механическим навешиванием готовых ярлыков и автоматическим приписыванием изучаемому лицу стандартного набора характеристик, типичных для определенной категории людей, происходит подмена реального исследования псевдонаучным «калькированием личности». В такой ситуации объективное познание фактов уступает место субъективным предрассудкам [21, с. 283].

Под давлением оценочных шаблонов лицо, ведущее расследование, начинает воспринимать личность фрагментарно и односторонне, часто руководствуясь ложными установками. Степень искажения получаемой информации и ее неверной трактовки прямо пропорциональна стремлению субъекта расследования найти подтверждение своих заранее сформированных представлений о личности, основанных на стереотипном мышлении.

Характерным примером служит предвзятое отношение к подозреваемому, сформированное под влиянием обвинительного уклона и априорной убежденности в виновности любого привлекаемого к ответственности лица. Это проявляется в селективном внимании к фактам, подтверждающим версию обвинения.

Эффективность наблюдения в процессе осуществления производства по уголовному делу напрямую связана с профессиональной подготовкой и опытом того, кто его проводит. Качественная организация этого процесса становится фундаментом для получения достоверных данных. Чтобы избежать формирования у себя ментальных шаблонов, опытный субъект расследования должен намеренно искать не только те признаки, которые он ожидает обнаружить, но и прямо противоположные им характеристики. Второй важный момент — здоровый скептицизм по отношению к собственным способностям. Даже профессионал может ошибиться, поэтому критический анализ интуитивных предположений должен стать привычкой, а не исключением из правил.

Криминалистическое наблюдение за личностью имеет свою специфику: лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство в ходе осуществления тех или иных процессуальных действий, оказываются в стрессовой, непривычной для них среде, что очевидно влияет на их эмоциональное состояние, меняет привычные модели поведения и может существенно исказить проявления их истинных личностных качеств. Следовательно, при анализе наблюдаемых реакций и поступков таких лиц необходимо всегда помнить о том стрессовом фоне, на котором они происходят, и учитывать влияние конкретных обстоятельств на каждого отдельного человека.

Сведения, которые следователь получает в ходе личного общения и прямого наблюдения за человеком, неизбежно окрашены его собственным восприятием и жизненным опытом. Такая информация несет на себе отпечаток индивидуальности самого исследователя — его предрассудков, установок и эмоционального состояния в момент взаимодействия. Поэтому в целях обеспечения полноты и достоверности криминалистического изучения личности оно должно дополняться иными, опосредованными методами.

Наиболее эффективным из них является *метод обобщения независимых характеристик.* Данный подход основывается на систематическом сборе и всестороннем анализе информации о конкретном человеке, получаемой из различных источников: людей, которые в разное время и при различных обстоятельствах имели возможность наблюдать проявления его психологических особенностей и поведенческих реакций.

Под понятием «характеристика» в данном контексте подразумеваются любые сведения о человеке — будь то официальные документы или неформальные отзывы, письменные справки или устные свидетельства, — которые позволяют составить представление о его личностных качествах и манере поведения. Понятно, что спектр таких характеристик довольно широк и разнообразен. Они могут носить лаконичный характер или, напротив, содержать детальное описание ключевых черт личности. Некоторые дают разностороннее описание человека, охватывают различные аспекты его жизни, в то время как другие фокусируются на конкретных особенностях, рассматривают личность через призму определенных обстоятельств [22, с. 203].

Использование метода обобщения независимых характеристик открывает перед лицом, ведущим расследование, широкие возможности для глубокого изучения личности того или иного участника уголовного процесса. Этот подход помогает собрать богатую мозаику сведений о том, как человек ведет себя в повседневной жизни и на работе, какие отношения складываются у него с окружающими его людьми.

Однако каждая характеристика требует внимательной оценки. Субъекту расследования важно определить, насколько полной, правдивой и беспристрастной является полученная информация. Необходимо понять, на чем основываются высказанные суждения и имеют ли они под собой реальную почву. Нередко характеристики от разных людей содержат противоречивые оценки одного и того же человека. Это явление имеет двойственную природу. В первом случае расхождения объясняются естественными причинами: люди наблюдали изучаемое лицо в различные периоды жизни и в разнообразных обстоятельствах, когда его личностные особенности проявлялись по-разному. Данные различия вполне закономерны — полученные сведения не опровергают, а скорее обогащают друг друга, создавая более полную картину личности. Во втором случае корни расхождений кроются в субъективном отношении характеризующих лиц к конкретному человеку. Здесь играют роль личные мотивы: родственные узы, дружеские связи, уважение, а также и противоположные чувства — неприязнь или враждебность. Влияют и личностные особенности тех, кто дает характеристику, например, склонность к конформизму или недобросовестное отношение к делу.

Подобные характеристики требуют особенно скрупулезного анализа в контексте всех материалов дела. При изучении противоречивых оценок личностных качеств главное внимание следует уделять обоснованности выражаемых точек зрения.

При проведении расследования обстоятельств совершения преступного деяния следователь располагает обширным арсеналом источников для получения объективных сведений о личности изучаемого субъекта. В этот перечень входят свидетельские показания различных категорий лиц — от ближайшего окружения (родные, друзья) до коллег по работе и соседей по месту жительства. Не менее важную роль играют документальные источники: официальные справки с мест трудовой деятельности и обучения, характеристики из различных социальных групп и учреждений, включая пенитенциарные.

Особую проблематику представляют письменные характеристики, которые в обязательном порядке истребуются практически по каждому уго-

ловному производству на фигурантов дела. Анализ следственной практики демонстрирует устойчивую тенденцию: подавляющая часть таких документов носит шаблонный характер и не содержит значимой информации, способствующей всестороннему изучению личности.

Стремление решить данную проблему привело к формированию мнения о целесообразности направления адресатам структурированных запросов с конкретными вопросами, требующими освещения в характеристике [23, с. 170]. Однако этот подход вызвал резкую критику со стороны многочисленных представителей научного сообщества и правоохранительных органов, которые справедливо указали на риск трансформации таких характеристик в письменные показания, составленные под влиянием наводящих формулировок со стороны органов предварительного расследования. Кроме того, многие работники следствия находятся под воздействием профессиональных предрассудков и ментальных шаблонов и фактически транслируют свои предвзятые установки лицам, привлекаемым к предоставлению сведений [24, с. 471].

В связи с этим для нивелирования указанных негативных обстоятельств представляется целесообразным более активное использование допросов лиц из числа близкого окружения изучаемой личности, а также авторов характеристик для верификации изложенных в них сведений.

В современной следственной практике механическое требование письменных характеристик превратилось в своего рода бюрократический ритуал, который не только не способствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, но и создает ложное ощущение выполненной работы.

Допрос открывает несравнимо больше возможностей для понимания внутреннего мира личности, чем любая, даже самая подробная бумажная справка. В процессе такого следственного действия субъект расследования может задать уточняющие вопросы, уловить нюансы, заметить противоречия и получить действительно полноценную характеристику человека. К тому же это происходит в разы быстрее, что критично важно в условиях дефицита времени, имеющегося у следствия. Представляется, что письменную характеристику стоит запрашивать лишь как вынужденную меру, когда физически невозможно допросить нужное лицо. В остальных случаях живое слово всегда победит мертвую бумагу.

1. Цветков П. П. Теория и практика исследования данных о личности обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1974. 38 с.

2. Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого: (на предварит. следствии и в суде первой инстанции). Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 149 с.

3. Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрид. лит., 1969. 75 с.

4. Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. Москва: Юрид. лит., 1971. 79 с.

5. Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1975. 128 с.

6. Глазырин Ф. В. Учение о криминалистических методах и средствах изучения личности // Криминалистика / под ред Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. Москва, 1995. С. 224—234.

7. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов,

1. Tsvetkov P. P. Theory and practice to examine the personality data of the accused in the Soviet criminal procedure. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Leningrad; 1974: 38. (In Russ.).

2. Tsvetkov P. P. Examination of the personality of the accused during the preliminary investigation and in the court of the first instance. Leningrad: Leningrad university publishing house; 1973: 149. (In Russ.).

3. Korshik M. G., Stepichev S. S. Examination of the personality of the accused during the preliminary investigation. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Legal literature; 1969: 75. (In Russ.).

4. Krivosheyev A. S. Examining the personality of the accused in course of the investigation. Moscow: Legal literature; 1971: 79. (In Russ.).

5. Matusevich I. A. Examination of the personality of the accused during the preliminary investigation of crimes. Minsk: BSU publishing house; 1975: 128. (In Russ.).

6. Glazyrin F. V. The doctrine of forensic methods and means of personality examination. In: Criminalistics. Red. by R. S. Belkin, V. G. Kolomatskiy, I. M. Luzgin. Moscow; 1995: 224—234. (In Russ.).

Е. Р. Россинская; под ред. проф. Р. С. Белкина. Москва: НОРМА — ИНФРА-М, 2000. 980 с.

8. Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 217 с.

9. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. Москва: Юрид. лит., 1973. 215 с.

10. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд., доп. Москва: Юнити, 2001. 837 с.

11. Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 132 с.

12. Ковалев А. Г. Психология личности: учеб. пособие. Ленинград: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1963. 264 с.

13. Корнилова Т. В. Введение в психологический эксперимент. Москва: Изд-во Моск. ун-та: ЧеРо, 1997. 254 с.

14. Изучение следователем психологии обвиняемого: метод. пособие / М. М. Коченов, Н. И. Ефимова, А. С. Кривошеев, О. Д. Ситковская. Москва: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1987. 51 с.

15. Михалева Д. А. К вопросу об изучении личности подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 120—123.

16. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие. Москва: БЕК, 1998. 196 с.

17. Иванов И. В. Задача изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в системе тактико-криминалистических задач // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 26—28 января 2017 г.) Москва: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2017. С. 128—130.

18. Ратинов А. Р. Избранные труды / [сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова; предисл. О. Д. Ситковской]. Москва: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 212 с.

19. Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник. Москва: ТК Велби: Проспект, 2004. 336 с.

20. Романов В. В. Юридическая психология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 170 с.

21. Волков Д. Ю. Изучение личности как подготовительный этап допроса подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в следственном

7. Averiyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya Ye. R. Criminalistics. Textbook for universities. Red. by professor R. S. Belkin. Moscow: NORMA — INFRA-M; 2000: 980. (In Russ.).

8. Lushechkina M. A. Forensic examination of personality in investigation tactics. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 217. (In Russ.).

9. Luzgin I. M. Methodological issues of investigation. Moscow: Legal literature; 1973: 215. (In Russ.).

10. Belkin R. S. A course of criminalistics. Handbook for law students. 3rd ed., suppl. Moscow: Unity; 2001: 837. (In Russ.).

11. Kotov D. P., Shikhantsov G. G. Investigator's psychology. Voronezh: Voronezh university publishing house; 1976: 132. (In Russ.).

12. Kovalev A. G. Personality psychology. Handbook. Leningrad: Leningrad state pedagogical university named after A. I. Gertsen; 1963: 264. (In Russ.).

13. Kornilova T. V. Introduction to the psychological experiment. Moscow: Moscow university publishing house: CheRo; 1997: 254. (In Russ.).

14. Kochenov M. M., Yefimova N. I., Krivosheyev A. S., Sitkovskaya O. D. Examining the psychology of the accused by the investigator. Study guide. Moscow: All-Union institute for study of causes and development of crime prevention; 1987: 51. (In Russ.).

15. Mikhaleva D. A. On the issue of examining the personality of the suspect (accused) in the investigation of crimes. Altai law journal, 120—123, 2018. (In Russ.).

16. Porubov N. I. Interrogation tactics during the preliminary investigation. Handbook. Moscow: BEK; 1998: 196. (In Russ.).

17. Ivanov I. V. The task to investigate the personality of the suspect (accused) in the system of tactical-forensic tasks. In: Legal issues of strengthening Russian statehood. Collection of articles based on the proceedings of the All-Russian scientific-practical conference, 26—28 January 2017, Tomsk, Russia. Moscow: National research Tomsk state university; 2017: 128—130. (In Russ.).

18. Ratinov A. R. Selected works. Compiled by M. V. Kroz, N. A. Ratinova; preface by O. D. Sitkovskaya. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 2016: 212. (In Russ.).

19. Sventsytskiy A. L. Social psychology. Textbook. Moscow: TK Welby: Prospect; 2004: 336. (In Russ.).

изоляторе // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 2. С. 283—287.

22. Платонов К. К., Голубев Г. Г. Психология. Москва: Высш. шк., 1977. 247 с.

23. Ведерников Н. Т. Изучение личности обвиняемого по отдельным категориям преступлений // Правовые проблемы борьбы с преступностью: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 170—177.

24. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 1072 с.

20. Romanov V. V. Legal psychology. Textbook for universities. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait; 2023: 170. (In Russ.).

21. Volkov D. Yu. Personality examination as a preparatory stage in the interrogation of a suspect or accused held in a pre-trial detention facility. Human Being: Crime and Punishment, 283—287, 2017. (In Russ.).

22. Platonov K. K., Golubev G. G. Psychology. Moscow: Higher school; 1977: 247. (In Russ.).

23. Vedernikov N. T. Examination of the personality of the accused of specific crime categories. In: Legal issues of combating crime. Collection of articles. Tomsk: Tomsk university publishing house; 1990: 170—177. (In Russ.).

24. Criminal procedural law of the Russian Federation. Textbook. Red. by P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma; 2024: 1072. (In Russ.).

Бирюков Святослав Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
bir.slav@yandex.ru

Панова Ольга Сергеевна,
профессор кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент;
kole235@mail.ru

Biryukov Svyatoslav Yuriyevich,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
bir.slav@yandex.ru

Panova Olga Sergeyevna,
professor at the department
of physical training of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences, docent;
kole235@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.985.7:343.4

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Петр Петрович Мураев*, Павел Петрович Фантров**
* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, petr.muraev@mail.ru
** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, pavelfantrov@volsu.ru

Аннотация. В статье дается оценка типичным следственным ситуациям, возникающим на первоначальном этапе расследования террористического акта, и раскрывается их детерминирующее значение для выбора приоритетных тактических решений. Обосновывается, что исходная информационная неопределенность, сопряженная с высокой изменчивостью следовой обстановки, предопределяет необходимость ситуационного анализа как базового методического средства организации расследования террористического акта. Категория «следственная ситуация» рассматривается через сопоставление информационного подхода, акцентирующего состояние осведомленности следователя, и комплексного подхода, включающего процессуальные, организационные, тактические и психологические условия осуществления расследования. Установлено, что для дел о террористических актах системообразующим фактором выступает степень идентификации исполнителя, поскольку она напрямую определяет структуру следственных версий, направление оперативно-разыскных мероприятий и конфигурацию доказательственной стратегии. Авторами статьи предлагается типология исходных ситуаций по признаку известности личности террориста и его фактического статуса (известен / неизвестен; задержан / скрылся; погиб; сведения фрагментарны), позволяющая дифференцировать степень проблемности и набор первоочередных задач. Делается вывод о целесообразности интеграции ситуационного подхода и алгоритмизации, обеспечивающих управляемую трансформацию следственной ситуации и повышение эффективности первоначального этапа расследования террористического акта.

Ключевые слова: следственная ситуация, первоначальный этап расследования, террористический акт, типизация, тактика расследования, планирование, судебная экспертиза

Для цитирования: Мураев П. П., Фантров П. П. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования террористического акта // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 120—127.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AT THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF A TERRORISM-RELATED ACT

Pyotr Petrovich Murayev*, Pavel Petrovich Fantrov**
* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, petr.muraev@mail.ru
** Volgograd State University, Volgograd, Russia, pavelfantrov@volsu.ru

Abstract. In this article, the authors estimate typical investigative situations arising at the initial stage of investigation of a terrorism-related act and reveal their determining significance for prioritizing tactical decisions. The authors substantiate that the initial information uncertainty, taken together with the high variability of the trace environment, necessitates situational analysis as a fundamental methodological tool to organize a terrorism-related act investigation. The category of "investigative situation" is examined through a comparison of an informational approach, emphasizing the investigator's awareness, and an integrated approach, involving the procedural, organizational, tactical, and psychological conditions of the investigation. The authors establish that the degree of a criminal's identification is a system-forming factor in terrorism-related cases, as it directly determines the structure of investigative leads, the focus of investigative actions, and the configuration of the evidentiary strategy. The authors propose a typology of initial situations based on the terrorist's identity and his / her existing status (known / unknown; detained / escaped; deceased; fragmentary information), giving an opportunity to differentiate the degree of problematic nature and the set of priority tasks. The authors make a conclusion regarding the feasibility to integrate a situational approach and algorithmization, ensuring the controlled transformation of the investigative situation and increasing the effectiveness of the initial stage of a terrorism-related act investigation.

© Мураев П. П., Фантров П. П., 2026

Key words: investigative situation, initial stage of investigation, a terrorism-related act, typical view, investigative tactics, planning, forensic examination

For citation: Murayev P. P., Fantrov P. P. Typical investigative situations at the initial stage of investigation of a terrorism-related act. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—127, 2026. (In Russ.).

Уголовные дела о совершении террористического акта относятся к той категории дел, в которых исходные сведения о событии, механизме его реализации, причастных лицах и характере последствий часто носят неполный и фрагментарный характер. Одновременно стартовая следовая обстановка подвержена ускоренному разрушению вследствие внешних воздействий (работа спасательных служб, эвакуация, перемещение предметов, естественное разложение следов), а также в силу наличия риска повторной опасности. В результате первоначальный этап расследования террористического акта приобретает ключевое значение: именно в этот период закладывается доказательственная база, определяются направления версионной работы и формируется организационно-тактическая архитектура дальнейших действий [1, с. 64]. Соответственно, научно обоснованная оценка типичной следственной ситуации является необходимым условием принятия решений, минимизирующих риски необратимой потери доказательственной информации.

Типичные следственные ситуации целесообразно рассматривать как обобщенные модели устойчиво повторяющихся сочетаний исходных данных и условий расследования, выявляемых посредством анализа практики. Их прикладная ценность состоит в том, что они обеспечивают следователю не «шаблон» действий, а методические «рамки»: перечень приоритетов, вероятностную структуру версий, ориентиры по распределению времени, сил, средств и привлечению специалистов. Таким образом, типизация выступает инструментом рационализации тактического выбора в условиях дефицита времени и информационной неопределенности.

Криминалистическая наука демонстрирует вариативность подходов к определению следственной ситуации, что отражает сложность самой категории. В частности, В. К. Гавло трактовал следственную ситуацию преимущественно как совокупность данных, характеризующих состояние расследования по делу в определенный момент, тем самым подчеркивая информационную природу данной категории [2, с. 121]. В рамках указанного подхода методическое ядро первоначального этапа расследования террористического акта сводится к фиксации и оценке уровня осведомленности следователя: какие сведения установлены достоверно, какие — вероятностно, какие — отсутствуют и требуют немедленного восполнения.

Наряду с этим в научной криминалистической литературе получил распространение комплексный подход, согласно которому следственная ситуация включает не только информационный компонент, но и условия процессуального, организационного, тактического и психологического характера, в которых реализуется расследование [3, с. 304]. Применительно к террористическому акту данная позиция, на наш взгляд, представляется обоснованной, поскольку позволяет учитывать факторы, непосредственно влияющие на достижимость целей расследования: уровень угрозы повторного посягательства, возможность оперативной изоляции места происшествия, степень готовности межведомственного взаимодействия, доступность экспертного сопровождения, состояние потерпевших и свидетелей, а также качество первичной фиксации обстановки.

При рассмотрении общей природы террористической деятельности уместно учитывать тезис Д. А. Влезько и К. А. Зуева об интегральном характере терроризма и тенденции усложнения его проявлений [4, с. 968]. Криминалистический смысл данной позиции состоит в том, что методика расследования террористического акта должна опираться на типовые модели, охватывающие как завершенные террористические акты, так и стадии подготовки либо пресечения посягательства, поскольку различия в исходной следственной ситуации порождают различия в тактических приоритетах.

Не менее значимым является вопрос о личности исполнителя. О. А. Макарова и Н. А. Куркова подчеркивают, что изучение признаков личности террориста имеет существенное значение, однако построение универсального «четкого портрета» осложнено вариативностью социологических и психологических характеристик [5, с. 97]. Данный вывод имеет прикладное значение для первоначального этапа расследования террористического акта: ориентировка по личности должна строиться на проверяемой фактуре (следы, цифровые данные, показания) и избегать некритичного воспроизведения стереотипных профилей. В свою очередь, Н. Н. Китаев и В. Н. Китаева, указывая на случаи суицидального поведения подозреваемых, делают акцент на необходимости приорити-

зации доказательственных источников, не зависящих от последующего процессуального поведения фигуранта, — прежде всего материальных следов, цифровых носителей и экспертных заключений, а также своевременной проверке версии о наличии соучастников и организаторов [6, с. 58].

Следственная ситуация на первоначальном этапе характеризуется динамичностью: каждое организационно-тактическое решение следователя способно изменить исходные условия — и в сторону повышения информативности, и в сторону необратимой утраты данных [7, с. 100]. Например, несвоевременная локализация места происшествия и недостаточная процессуальная фиксация следовой картины с высокой вероятностью ведут к невосполнимым утратам доказательственной информации. Напротив, корректное выстраивание взаимодействия, параллельность следственных действий и оперативных мероприятий, а также своевременное назначение экспертиз повышают вероятность быстрого уточнения следственных версий и установления круга подозреваемых.

Системообразующим критерием типизации исходных следственных ситуаций по уголовным делам о террористическом акте является степень установления личности исполнителя, поскольку именно она определяет набор версий, направленность разыскных мероприятий и построение доказательственной стратегии. Представляется методически оправданным выделять четыре типичные ситуации.

1. Исполнитель установлен и задержан при совершении либо непосредственно после совершения террористического акта.

Данная следственная ситуация действительно является относительно благоприятной по критерию наличия подозреваемого (подозреваемых), однако ее криминалистическая сложность нередко недооценивается. Наличие задержанного лица, подозреваемого в совершении террористического акта, не снимает, а, напротив, обостряет риски: ошибочного определения роли в совершении преступления (исполнитель / курьер / пособник), преждевременного «сужения» следственных версий, утраты данных о соучастниках и организаторах, а также потери цифровой информации из-за несвоевременного процессуального реагирования. Следовательно, работа с задержанным не может ограничиваться освидетельствованием, обысками и выемкой; она должна включать расширенный комплекс следственных действий и организационных мер, направленных одновременно на закрепление доказательств виновности задержанного лица, выявление и документирование связей и роли иных причастных, недопущение утраты «горячих» цифровых следов.

В рамках первоначального этапа расследования террористического акта, когда исполнитель установлен и задержан при совершении либо непосредственно после совершения террористического акта, следственно-оперативная группа должна выполнить ряд возложенных на нее задач и предпринять следующие меры.

1. Обеспечение безопасности и стабилизация обстановки на месте происшествия подразумевает взаимодействие с службами реагирования, установление и поддержание режимных ограничений (оцепление, контроль доступа, исключение перемещения потенциально значимых объектов), первичное обследование на предмет вторичных опасных факторов при участии специалистов.

2. Надлежащее проведение осмотра места происшествия, которое является важным следственным действием первоначального этапа. В рамках такого осмотра осуществляется и процессуальная фиксация, и изъятие следов и объектов, поскольку именно осмотр места происшествия по своей природе направлен на обнаружение, закрепление и изъятие материальных носителей доказательственной информации. Обособление этих элементов допустимо лишь как методический прием описания стадий, но не как самостоятельные «внепроцессуальные» блоки.

В ходе осмотра места происшествия целесообразно: обеспечить многоуровневую фиксацию (фото-, видео-, при возможности — панорамная, поэтапная), привязку объектов к обстановке; выделить и зафиксировать зоны подхода / отхода, возможные места закладки / приведения в действие, расположение камер наблюдения; организовать обнаружение и изъятие следов (в том числе микрочастиц, следов веществ), предметов и фрагментов, имеющих значение для реконструкции механизма события, с обязательной упаковкой, маркировкой и соблюдением требований сохранности. Правоприменительная практика показывает, что именно нарушение упаковки и смешение фрагментов нередко обесценивают последующие экспертные возможности.

Следователь обязан проводить и иные неотложные следственные действия для получения сведений, которые способствуют расследованию террористического акта на первоначальном этапе, к которым необходимо отнести:

— личный обыск задержанного;

— его освидетельствование для обнаружения и фиксации следов и иных криминалистически

значимых признаков на теле (в том числе телесных повреждений, особых примет, запаховых следов, следов веществ);

— незамедлительное выявление и процессуальное закрепление предметов, имеющих значение (средства связи, SIM-карты, носители информации, ключи, записи, элементы экипировки), посредством их осмотра;

— допрос (с учетом процессуального статуса лиц исключительно после возбуждения уголовного дела) после реализации мер, исключающих утрату доказательств, с акцентом на проверяемые обстоятельства: маршрут, контакты, цифровые аккаунты, место изготовления / получения компонентов, роль иных лиц;

— получение образцов для сравнительного исследования, когда это необходимо для последующего проведения экспертиз (биологические образцы, образцы материалов и т. п.).

— комплекс обысков, выемок и иных следственных действий по выявлению связей и доказательств. Приоритет здесь — не столько «обнаружить запрещенное», сколько обеспечить доказательственную связку «лицо — предмет — событие».

Представляется важным своевременное назначение следователем судебных экспертиз. Это обусловлено тем, что их результаты позволяют объективировать роль задержанного и предотвратить ошибочную квалификационно-версийную конструкцию. Приоритетны экспертизы, вытекающие из механизма события и изъятых объектов, в том числе взрывотехническая [8, с. 115], а также исследования следов веществ, биологических и иных объектов.

Следственная практика показывает, что при задержании «на месте» нередко выявляется лишь исполнительская функция, тогда как организующее звено остается вне поля зрения из-за запоздалого изъятия телефонов и неоперативного получения видеоданных: цифровые следы могут быть удалены или утрачены, а перемещения возможных соучастников — не восстановлены. Поэтому первичное «окно времени» должно быть использовано для параллельного закрепления как материальных, так и цифровых доказательств при одновременной проверке групповой версии совершения террористического акта.

2. Исполнитель предположительно известен, однако скрылся; имеются ориентирующие сведения.

При наличии примет, частичных идентификаторов и иных ориентирующих данных решающим фактором становится скорость их проверки и доведения до исполнителей разыскных задач при одновременном обеспечении доказательственной чистоты источников [9, с. 381]. Отсюда вытекает двуединый приоритет: 1) неотложное закрепление следов и цифровых данных; 2) активизация розыска по горячим следам.

Следственно-оперативная группа должна произвести следующие первоочередные действия:

— осмотр места происшествия с фиксацией и изъятием объектов и следов (как процессуально единый комплекс), выявление и документирование камер и иных источников видеоданных;

— установление и допрос очевидцев по секторам (подход / отход), уточнение словесного портрета, особенностей поведения, речи, предметов в руках, транспорта;

— получение и просмотр видеозаписей в максимально короткий промежуток времени;

— проверка маршрутов отхода, транспортных узлов и возможных мест укрытия;

— назначение судебных экспертиз по изъятым объектам с учетом задач идентификации и реконструкции механизма;

— организация взаимодействия с оперативными подразделениями для проверки ориентировок, включая сопоставление показаний с цифровыми данными (видеоряд, следы перемещения).

Исходя из данных, полученных в результате экспертного опроса[1], в ряде уголовных дел за последние пять лет[2], возбужденных органами предварительного расследования по террористическим актам, именно расхождения между первоначальным словесным портретом и видеорядом приводили к корректировке следственной версии: свидетели, находившиеся в стрессовом состоянии, часто неверно оценивали рост, возраст, цвет одежды, тогда как камеры фиксировали устойчивые идентификационные признаки (манера движения, характерные аксессуары, особенности переноски предмета). Указанное обстоятельство объясняется прежде всего спецификой восприятия и воспроизведения информации очевидцами,

[1] Нами по специально разработанной анкете проинтервьюировано восемь прокурорских работников военной прокуратуры Волгоградского гарнизона, а также семь следователей военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградскому гарнизону.

[2] Изучено четыре уголовных дела, возбужденных ВСО СК РФ по Волгоградскому гарнизону по ст. 205 УК РФ за период с 2021 по 2026 г. (архив ВСО СК РФ по Волгоградскому гарнизону).

находившимися в состоянии психоэмоционального напряжения, вызванного экстремальным характером наблюдаемого события (террористического акта). Поэтому оправданно раннее сопоставление показаний и видеоданных, а не их последовательное использование с временным разрывом.

3. Исполнитель неизвестен, погиб; сведения о личности фрагментарны.

В данной следственной ситуации центральным становится идентификационный блок и реконструкция подготовки: установление личности погибшего, выявление источников компонентов, каналов приобретения и связи, возможных соучастников. Приоритет приобретает надлежащее изъятие биологических объектов и предметов, содержащих следы взрывчатых веществ, а также полноценная фиксация следовой картины [9]. Значительно возрастает роль судебных экспертиз и цифровых источников, способных восполнить отсутствие допросного потенциала и обеспечить доказательственное закрепление обстоятельств подготовки и реализации.

Следственно-оперативной группе необходимо провести следующие первоочередные действия:

— осмотр места происшествия с особо тщательным сбором биологических объектов и микрочастиц, фрагментов, следов веществ;

— установление личности погибшего (по совокупности данных), выявление возможных документов, цифровых устройств и иных идентификаторов;

— назначение следователем комплекса судебных экспертиз, ориентированных на идентификацию, механизм события и происхождение компонентов;

— получение и анализ видеоданных и иной цифровой информации, позволяющих восстановить подготовительные действия и перемещения;

— установление круга контактов погибшего через доступные законные источники информации с последующим процессуальным закреплением значимых сведений;

— допросы свидетелей, в том числе лиц, контактировавших с погибшим незадолго до события (при их установлении).

Результаты экспертного опроса, анализа изученных эмпирических материалов, а также научных источников, посвященных производству осмотра места происшествия по уголовным делам о террористических актах, позволяют сформулировать ряд значимых в научно-практическом отношении выводов относительно особенностей собирания и фиксации доказательственной информации в рассматриваемой категории дел.

Прежде всего полученные данные экспертного опроса свидетельствуют о том, что в условиях совершения террористического акта наибольшую криминалистическую ценность нередко приобретают не только объекты, локализованные в центральной части очага поражения, сколько периферийные следы, включая микрочастицы, следы веществ, фрагменты конструкций, но и иные малозаметные материальные носители информации, сохранившиеся на определенном удалении от эпицентра события. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что в зоне непосредственного разрушительного воздействия взрывной волны, высокой температуры, механической деформации и иных поражающих факторов большая часть потенциально значимых следов либо полностью уничтожается, либо подвергается такому изменению, которое затрудняет их последующую идентификацию, экспертное исследование и использование в доказывании.

Напротив, на периферийных участках места происшествия, где интенсивность поражающих факторов оказывается существенно ниже, вероятность сохранения микроследовой информации возрастает. Именно в таких зонах могут быть обнаружены частицы взрывчатых веществ, фрагменты упаковки, элементы детонационных устройств, следы переноса материалов, а также иные объекты, способные содержать сведения о механизме совершения преступления, способе изготовления и приведения в действие взрывного устройства, особенностях использованных веществ и, в отдельных случаях, о лице, причастном к подготовке и совершению террористического акта. Следовательно, доказательственное значение подобных объектов определяется не их внешней заметностью, а объемом содержащейся в них криминалистически значимой информации.

Из этого вытекает важное тактическое положение: осмотр места происшествия по уголовным делам о террористических актах не должен ограничиваться исследованием наиболее очевидной, визуально выраженной центральной зоны разрушения. Напротив, он требует зонирования территории осмотра с выделением как минимум очаговой, прилегающей и периферийной зон, каждая из которых подлежит самостоятельному криминалистическому анализу с учетом характера возможного следообразования. Такой подход позволяет обеспечить полноту следственного действия, избежать неоправданной концентрации внимания исключительно на эпицентре происшествия и повысить вероятность обнаружения объектов, имеющих

существенное значение для установления обстоятельств преступления.

Кроме того, собранные и проанализированные нами эмпирические материалы (и указанные ранее результаты анкетирования, и материалы изученных уголовных дел) подтверждают необходимость обязательного привлечения к осмотру специалистов, обладающих специальными познаниями в области взрывотехники, трасологии, судебной химии и иных отраслей экспертного знания, необходимых для выявления, предварительной идентификации, изъятия и надлежащей упаковки следов веществ и микрочастиц. Без использования специальных методов и технических средств значительная часть такой информации может остаться невыявленной либо быть утраченной вследствие неправильного обращения с соответствующими объектами.

4. Исполнитель неизвестен и не установлен; достоверные сведения о личности террориста отсутствуют.

Это наиболее проблемная следственная ситуация с максимальным дефицитом ориентирующей информации. В таких условиях исходным генератором следственных версий становится способ совершения и материальная следовая картина: технологические признаки устройства, способы доставки и приведения в действие, уровень подготовки изготовителя, вероятные источники компонентов [10, с. 159].

Следственно-оперативная группа должна произвести следующие первоочередные действия:

— строгая изоляция места происшествия и документирование исходной обстановки до ее неизбежной трансформации;

— осмотр места происшествия с полным комплексом фиксации и изъятия;

— активный сбор цифровых данных (видеозаписи, сведения о перемещениях и коммуникациях при наличии правовых оснований), выявление всех камер и источников регистрации событий;

— установление и допрос свидетелей по зонам подхода / отхода, выявление лиц, замеченных в аномальном поведении, в том числе в предшествующий период;

— назначение следователем взрывотехнических и иных экспертиз, формулирование экспертных вопросов таким образом, чтобы получить не только выводы о механизме, но и ориентирующую информацию (типовые компоненты, способы сборки, характерные признаки);

— построение и проверка типовых следственных версий с корректировкой плана расследования террористического акта по мере поступления экспертных и оперативных данных.

Как следует из материалов уголовных дел[1], ключ к установлению подозреваемого (подозреваемых) давали не свидетельские показания, а последовательное «склеивание» видеотраектории перемещения объекта / лица по цепочке камер, при этом задержка в изъятии записей приводила к их перезаписи, что объективно снижало доказательственный потенциал. Соответственно, алгоритм первоначального этапа расследования террористического акта в рассматриваемой следственной ситуации должен предусматривать немедленное выявление, получение и процессуальное закрепление видеоданных как первоочередную задачу.

Планирование на первоначальном этапе расследования террористического акта следует рассматривать как формализованную форму реализации алгоритмов решения тактических задач, предполагающую распределение действий по срочности, очередности и параллельности [11, с. 376]. Ситуационный анализ придает плану содержательность: типовая модель очерчивает круг неизбежных задач, тогда как индивидуальные особенности конкретного дела определяют их конкретизацию и допустимые процессуальные формы.

С учетом высокой динамичности обстановки план первоначального этапа должен носить адаптивный характер и корректироваться по мере поступления результатов экспертиз и оперативной информации, а также по мере уточнения версий. Практически значимым является обеспечение параллельности: пока производится осмотр места происшествия и назначаются экспертизы, должны вестись мероприятия по выявлению и закреплению цифровых источников, установлению очевидцев и проверке версий о круге причастности. Несогласованность этих контуров влечет типичные потери: перезапись видеозаписей, утрату контактов очевидцев, утечку ориентирующей информации, дезорганизацию взаимодействия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что первоначальный этап расследования террористического акта характеризуется предельной концентрацией неотложных задач, поскольку именно в первые часы и сутки обеспечивается сохранение и процессуальное закреп-

[1] Нами изучено 4 уголовных дела, возбужденных ВСО СК РФ по Волгоградскому гарнизону по ст. 205 УК РФ за период с 2021 по 2026 г. (архив ВСО СК РФ по Волгоградскому гарнизону).

ление ключевых источников доказательственной информации.

Показано, что типизация следственных ситуаций выполняет методическую функцию рационализации тактического выбора в условиях информационной неопределенности и высокой изменчивости следовой обстановки. Сопоставление подходов к понятию следственной ситуации свидетельствует о предпочтительности комплексного понимания, позволяющего учитывать не только объем сведений, но и условия их получения, проверки и использования.

Обосновано, что степень установления личности исполнителя террористического акта выступает системообразующим критерием, определяющим структуру следственных версий, направленность розыска и набор неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. При задержании исполнителя первоначальный этап не должен редуцироваться до узкого набора процедур; напротив, он требует расширенного алгоритма, обеспечивающего одновременное собирание следователем доказательств причастности задержанного лица, оперативное сохранение цифровых данных и немедленную проверку версии о групповом характере посягательства и наличии организаторов либо пособников. В ситуациях, когда личность террориста не установлена, возрастает роль анализа способа совершения, судебных экспертиз и цифровых следов как ключевых источников ориентирующей информации.

Установлено, что планирование на первоначальном этапе должно быть адаптивным и обеспечивать параллельность действий по фиксации, проверке и сопоставлению данных с обязательной коррекцией по мере изменения следственной ситуации. Интеграция ситуационного подхода и алгоритмизации создает предпосылки для управляемой трансформации исходной следственной ситуации и повышения результативности расследования террористического акта в целом.

1. Швец С. В., Шпак Н. М. Организация расследования террористического акта и захвата заложников // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 4(69). С. 63—68.

2. Гавло В. К. Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Избранные труды. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011. С. 120—123.

3. Ишимов П. Л. Особенности расследования уголовных дел террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 2. С. 302—308.

4. Влезько Д. А., Зуева К. А. Криминалистическая характеристика терроризма // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 963—978.

5. Макарова О. А., Куркова Н. А. Особенности расследования террористических актов в условиях чрезвычайной ситуации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 6 (335). С. 92—102.

6. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Использование судебной экспертизы при изучении личностных особенностей террористов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 55—62.

1. Shvets S. V., Shpak N. M. Organization of the investigation of a terrorism-related act and hostage-taking. Society: politics, economics, law, 63—68, 2019. (In Russ.).

2. Gavlo V. K. Criminaistic aspect of the investigative situation and its importance in the investigation of crimes. In: Selected works. Barnaul: the Altai State University; 2011: 120—123. (In Russ.).

3. Ishimov P. L. Specifics of the investigation of criminal cases of a terrorism-related nature. Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 302—308, 2022. (In Russ.).

4. Vlezko D. A., Zuyeva K. A. Criminaistic characteristics of terrorism. Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, 963—978, 2016. (In Russ.).

5. Makarova O. A., Kurkova N. A. Specifics of the investigation of terrorism-related acts under emergency conditions. Law in the Armed Forces — Military Legal Review, 92—102, 2025. (In Russ.).

6. Kitayev N. N., Kitayeva V. N. Use of forensic examination, while studying personal characteristics of terrorists. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 55—62, 2014. (In Russ.).

7. Lozovsky D. N., Lozovskaya N. N. Specifics of the initial stage of the investigation of crimes related to financing terrorism. Humanitarian, socio-economic and social sciences, 99—101, 2021. (In Russ.).

7. Лозовский Д. Н., Лозовская Н. Н. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с финансированием терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 99—101.

8. Сиделев В. В. Практические аспекты организации и производства осмотра места происшествия по делам о взрывах при совершении террористических актов // Мир криминалистики. 2024. № 2. С. 113—118.

9. Тхазеплов Т. М. Использование специальных познаний при расследовании преступлений террористической направленности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 381—382.

10. Воронович Н. К., Павлов Д. В. Типичные следственные ситуации начального этапа расследования террористического акта // Право и управление. 2024. № 7. С. 157—161.

11. Кокорева Л. В., Кокорев Р. А. Алгоритм действий следователя по проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 207 УК РФ и на первоначальном этапе расследования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 375—377.

8. Sidelev V. V. Practical aspects to organize and search the scene of the crime in cases of explosions during terrorism-related acts. The world of criminalistics, 113—118, 2024. (In Russ.).

9. Tkhazeplov T. M. Use of special knowledge, while investigating terrorism-related crimes. Eurasian law journal, 381—382, 2021. (In Russ.).

10. Voronovich N. K., Pavlov D. V. Typical investigative situations at the initial stage of investigation of a terrorism-related act. Law and management, 157—161, 2024. (In Russ.).

11. Kokoreva L. V., Kokorev R. A. Algorithm of actions of an investigator to check reports of crimes provided for by Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and at the initial stage of investigation. Eurasian law journal, 375—377, 2024. (In Russ.).

Мураев Петр Петрович,
профессор кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
petr.muraev@mail.ru

Фантров Павел Петрович,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат политических наук;
pavelfantrov@volsu.ru

Murayev Pyotr Petrovich,
professor at the department of firearms training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
petr.muraev@mail.ru

Fantrov Pavel Petrovich,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of political sciences;
pavelfantrov@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.985.7:343.6

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОВЛЕКШИХ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Анна Андреевна Рыжкова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, an.ryzh@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание криминалистической характеристики преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека, включающее: способ совершения (предусматривающий рассмотрение орудий и средств совершения преступных деяний); типовой портрет преступника и жертвы; обстоятельства, связанные с совершением преступления, которые предшествовали либо сопутствовали преступному деянию; обстановку преступления (место, время), типичные следы, формируемые в ходе подготовки, совершения и сокрытия уголовно наказуемых деяний, и вероятные места их локализации. Изучение материалов судебной и следственной практики позволило автору сделать обоснованный вывод о главенствующей роли способа совершения преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, чье содержание раскрыто через его функциональную и предметно-техническую составляющие, которые в совокупности формируют единую операционно-техническую (предметно-операционную) природу. В свою очередь, данный элемент криминалистической характеристики находится в причинно-следственной связи с личностью виновного, что стало основанием для разработки типовых мотивационно-поведенческих портретов преступников. Особое внимание уделено особенностям обстановки совершенных противоправных деяний, обусловливающим типичную следовую картину произошедших событий на объектах жилищно-коммунальных хозяйств. Кроме того, были собраны сведения о типичной жертве данных противоправных деяний.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступление в сфере жилищно-коммунального хозяйства, причинение вреда жизни и здоровью человека, способ совершения преступления, личность преступника, жертва

Для цитирования: Рыжкова А. А. Основные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 128—135.

CORE FORENSIC ATTRIBUTES OF HOUSING AND UTILITIES CRIMES RESULTING IN HARM TO HUMAN LIFE AND HEALTH

Anna Andreyevna Ryzhkova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, an.ryzh@bk.ru

Abstract. The article views upon the forensic characteristics of housing and utilities crimes resulting in harm to human life and health, encompassing: modus operandi (including the analysis of tools and means of crime commission); criminal and victim profiles; pre-crime and co-crime circumstances; crime scene and settings (location and time), typical traces demonstrating crime preparation, commission and concealment, and their probable locations. When analyzing judicial and investigatory practices, the author makes a reasonable conclusion of pre-eminence of a modus operandi in housing and utilities crimes. Its essence is demonstrated via its functional and material-technical components, being united into a singular operational-technical (subject-operational) character. This element of the criminalistic characteristics is causally linked to the criminal's personality, thus making a foundation to develop typical motivational-behavioral portraits of criminals. Contextual specifics of committed crimes are particularly highlighted, focusing on typical evidentiary patterns of the events happened at housing and utility facilities. Information on a typical victim of such crimes is also compiled.

Keywords: criminalistic characteristics, a housing and utilities crime, harm to human life and health, modus operandi, a criminal's personality, a victim

© Рыжкова А. А., 2026

For citation: Ryzhkova A. A. Core forensic attributes of housing and utilities crimes resulting in harm to human life and health. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 128—135, 2026. (In Russ.).

Криминалистическая характеристика преступлений в системе криминалистического знания выступает связующим звеном между теорией и практикой раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Большинство научных работ, посвященных особенностям выявления и расследования преступлений отдельных видов, уделяют особое внимание их криминалистической характеристике. Интерес обусловлен тем, что данная криминалистическая категория призвана отражать сущность преступления как системного явления объективной действительности, его структуру и закономерные связи между составляющими его элементами [1].

По нашему мнению, А. А. Бессонов осуществил комплексный подход к изучению преступлений, совершенных по неосторожности, предложив структуру криминалистической характеристики [1]. Выделенные им структурные элементы (обстановка преступления (место, время); способ совершения преступления (в том числе орудие преступления); обстоятельства, обусловливающие совершение преступления; типичные следы преступления и вероятные места их нахождения; предмет преступного посягательства и (или) личность потерпевшего; личность преступника) [2] образуют криминалистически значимую, полную и подробную ретроспективную информационную модель совершения противоправного деяния [3].

Основываясь на теоретических материалах, посвященных частным криминалистическим методикам расследования преступлений отдельных видов, и результатах изучения судебно-следственной практики по рассматриваемым уголовно наказуемым деяниям, мы выделили следующие значимые структурные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), повлекших причинение вреда жизни и (или) здоровью человека:

— способ совершения преступления (включая орудия и средства совершения преступления);

— обстоятельства, обусловливающие совершение преступления, которые предшествовали либо сопутствовали преступному деянию;

— типовой портрет преступника;

— обстановка преступления (место, время, другие элементы);

— типичные следы преступления и вероятные места их локализации;

— жертва преступления.

Способ совершения противоправных деяний является одним из важнейших элементов криминалистической характеристики преступлений. Тем не менее вопрос сущности и содержания данного элемента в контексте неосторожных преступлений остается открытым. Многие ученые, такие как Г. Г. Зуйков [4], Р. С. Белкин [5], В. Ф. Ермолович [6], М. С. Уткин [7] и др., при рассмотрении особенностей способа совершения преступлений отмечают его *функциональную* и *предметно-техническую составляющие. Первая* выражается во взаимосвязи личности преступника с его действиями / бездействиями по подготовке, совершению и сокрытию преступления, *вторая* предусматривает совершение преступления с помощью определенных средств и орудий. Таким образом, функциональная и предметно-техническая составляющие формируют единую операционно-техническую [1] (предметно-операционную [8]) природу способа совершения преступления.

Основываясь на теоретических положениях частной теории (учении) о способе совершения преступления, нами отмечено, что особенностью способа совершения исследуемых противоправных деяний *является совокупность действий и (или) бездействий,* характеризующих функциональную сторону преступного деяния, формирующих следовую картину произошедшего.

Раскрывая функциональную составляющую рассматриваемых противоправных деяний в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью и смерть человека, необходимо отметить, что *совокупность действий / бездействий* субъекта преступлений выражена следующими типовыми нарушениями:

— пренебрежение обязанностями по контролю и надзору за состоянием и своевременным обслуживанием объектов коммунальной инфраструктуры;

— сокрытие результатов проверок технического состояния объектов коммунальной инфраструктуры путем фальсификации актов проверок, игнорирования жалоб, выявленных нарушений, ненаправления материалов и актов в вышестоящие инстанции / иные контролирующие органы и т. п.;

— инициирование распоряжений, принятие решений (выбор коррупционной модели ведения экономической деятельности) о минимизации затрат на выполнение работ по ремонту и обслуживанию коммунальной инфраструктуры путем сокращения расходов на применяемые средства;

— принятие решений о проведении работ по ремонту и обслуживанию объектов коммунальной инфраструктуры, противоречащих правилам безопасности труда;

— неудовлетворительный контроль безопасного производства проводимых работ;

— неправомерная выдача документов, свидетельствующих об удовлетворительном техническом состоянии коммунальных объектов;

— некачественное выполнение непосредственных профессиональных обязанностей, закрепленных в должностном регламенте работника;

— несоблюдение положений технических инструкций, регламентирующих порядок действий по техническому эксплуатированию объектов ЖКХ;

— несоблюдение правил и норм техники безопасности при выполнении работ по ремонту и обслуживанию инженерных коммуникаций, сооружений или оборудования [9].

Таким образом, указанная *совокупность действий и (или) бездействий,* составляющих содержание данного элемента криминалистической характеристики*, выражена в виде нарушений законодательных, нормативно-правовых, учредительных, технических и иных регламентов в сфере ЖКХ, обусловливающих их причинно-следственную связь с наступившими преступными последствиями и предопределяющих неизбежность возникновения такого сочетания условий и обстоятельств, при которых был (либо потенциально мог быть) причинен вред жизни или здоровью человека.*

Следует отметить, что *действия и бездействия* субъекта преступления рассматриваются в виде осознанных решений, обусловленных как халатным отношением к текущей профессиональной деятельности и последующим негативным событиям, так и коррупционной составляющей.

Подробное изучение *предметно-технической составляющей* способа совершения преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека, предусматривает необходимость рассмотрения сущности средств, используемых при совершении неосторожных преступлений в сфере ЖКХ.

Под средствами совершения преступления принято рассматривать материальные объекты, так или иначе используемые для достижения преступного результата [10]. Однако неосторожный характер противоправных деяний, совершаемых в жилищно-коммунальной сфере, позволяет рассматривать материальные объекты, обусловливающие причинение вреда здоровью или смерти человека, в виде *элементов профессиональной (бытовой) окружающей среды (материальных и цифровых объектов), обращение с которыми регламентировано положениями законодательных и нормативных правовых актов, учредительных и технических документов*.

Таким образом, *средствами совершения преступлений* в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека, могут выступать:

— элементы коммунальной инфраструктуры (инженерные конструкции и системы), в частности находящиеся в неудовлетворительном состоянии, представляющие повышенную опасность и игнорируемые субъектом преступления;

— устройства и элементы инженерного оборудования, находящиеся в неисправном состоянии или используемые с нарушением технических норм;

— техническое оборудование, инструменты и приспособления, используемые в условиях нарушения правил охраны труда;

— документация, содержащая неполные или недостоверные сведения о состоянии объектов ЖКХ, а также выполненных работах.

Предложенное А. А. Бессоновым дополнение к способу совершения неосторожных противоправных деяний в виде характеристики предшествующих и сопутствующих преступлению обстоятельств, его обусловливающих и с ним связанных [2], в полной мере применимо и к уголовно наказуемым деяниям в сфере ЖКХ, повлекшим причинение вреда здоровью и смерть человека. Однако, основываясь на анализе следственной практики по данной категории дел, полагаем, что данные обстоятельства следует рассматривать как самостоятельный элемент структуры криминалистической характеристики, поскольку указанные элементы обладают высокой значимостью при расследовании преступлений и способствуют формированию полноценного представления о сущности криминального события.

Так, согласно изученным материалам уголовных дел, нами выделены следующие обстоятельства, обусловливающие совершение преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью и смерть человека, а также предшествовавших либо сопутствовавших данному преступному деянию, которые могут быть разделены на *личностные, ситуационные и организационные.*

1. *Личностные* — обусловлены корыстными мотивами и коррупционными моделями ведения экономической деятельности на объекте управления или отсутствием мотивации на надлежащее выполнение возложенных обязанностей по ремонту и обслуживанию объектов ЖКХ.

2. *Ситуационные* — связаны с низким денежным обеспечением организации (компании), оказывающей услуги в сфере ЖКХ; неудовлетворительным состоянием объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры (аварийное или нерабочее состояние), обусловленным значительным сроком эксплуатации данных объектов, качеством обслуживания и ремонта, длительным периодом ремонтных работ, а также различными неблагоприятными климатическими периодами, существенно влияющими на их состояние; отсутствием доступа к объектам обслуживания ЖКХ — газовому оборудованию, дымовым и вентиляционным каналам, расположенным в жилых помещениях.

3. *Организационные* — выражены в отсутствии или формальном проведении мероприятий, связанных с охраной труда (инструктаж, контрольный срез знаний, повышение уровня квалификации), а также поручении работ лицам, не обладающим соответствующим уровнем необходимых знаний; неправомерной выдаче документов, удостоверяющих готовность или безопасность эксплуатации объектов ЖКХ, в том числе формальном предоставлении документов без должного проведения контрольно-надзорных мероприятий.

Способ совершения преступления, равно как и иные рассмотренные нами элементы криминалистической характеристики, находятся в неразрывной связи с личностью преступника. Применительно к неосторожным преступлениям, совершаемым в сфере ЖКХ, повлекшим причинение вреда жизни и здоровью человека, способ совершения данного противоправного деяния находится в причинно-следственной связи с типом личности виновного. Именно личностные, профессиональные и должностные характеристики виновного предопределяют характер его действий / бездействия, влекущих или объективно ведущих к причинению вреда жизни и здоровью человека.

В результате проведенных исследований, в ходе которых изучались материалы уголовных дел и решения суда[1], нами установлено, что подавляющее большинство рассматриваемых преступлений — в 93 % случаев — совершается мужчинами, и только в 7 % — женщинами.

Путем анализа такого социально-демографического признака, как возраст, мы распределили субъектов преступления следующим образом: от 30 до 50 лет (80 %), от 18 до 30 лет (12 %), старше 50 лет (8 %). Данные результаты позволяют сделать вывод, что в совершение рассматриваемых преступлений могут быть вовлечены абсолютно все возрастные категории, наиболее криминально активной из которых является группа от 30 до 50 лет, что во многом связано с характером и спецификой деятельности в жилищно-коммунальной сфере.

Изучение уровня образования, имевшегося у подозреваемых / обвиняемых по изучаемым преступлениям, показало, что доля лиц с высшим образованием составляет 75 %, среднее профессиональное образование имеют 20 % и лишь 5 % — только основное общее или среднее общее образование.

Проведенный анализ эмпирических данных о должностном положении, специальности (специализации), а также функциональных обязанностях, возложенных на лиц, подозреваемых / обвиняемых в совершении преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или смерти человека, позволил выделить следующие группы лиц согласно возложенным функциям:

— лица, выполняющие *административно-хозяйственные или административно-технические функции* (например, директора, главные инженеры управляющих компаний (организаций)) — 78 %;

— лица, на которых возложены *функции по непосредственному обслуживанию объектов коммунальной инфраструктуры* (например, начальники участков, бригад или смен, в том числе непосредственные работники предприятия (организации), дежурные — 16 %;

— лица, осуществляющие *административно-распорядительные полномочия, связанные с регулированием сферы ЖКХ*, *или надзорные функции в сфере ЖКХ* (например, заместители глав муниципальных образований субъектов РФ, регулирующие организацию деятельности структурных подразделений муниципалитета в сфере ЖКХ) — 3 %;

— лица, осуществляющие *низкоквалифицированную трудовую деятельность на основании муниципального контракта* (например, наемные рабочие, выполняющие конкретные задачи согласно техническому заданию) — 3 %.

[1] Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения 80 уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере ЖКХ, предусмотренных ст. 109, 118, 216, 217, 238, 293, 328 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), рассмотренных судами 40 субъектов (регионов) страны в 2020—2025 гг., а также материалы обобщенной следственной практики Следственного комитета Российской Федерации за указанный период.

В процессе изучения эмпирического материала установлено, что *постоянным / временным местом работы* подозреваемых / обвиняемых, реализующих свои трудовые функции на объектах ЖКХ, являлись:

— *управляющие компании* (УК) — 39 %;

— *муниципальные предприятия* (муниципальные унитарные предприятия (МУП), муниципальные казенные учреждения (МКУ)) — 32 %;

— *ресурсоснабжающие организации* — 21 %;

— *органы местного самоуправления и надзорные организации* — 3 %;

— *подрядные организации* — 3 % (в том числе осуществляющие предпринимательскую деятельность, в частности выполняющие муниципальные контракты по обслуживанию объектов ЖКХ и т. п.);

— *некоммерческие организации* (товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы (ЖСК)) — 2 %.

Анализ материалов уголовных дел и судебных решений позволил выявить социальную деформацию лиц, совершивших преступления в сфере ЖКХ, повлекшие причинение вреда жизни и здоровью человека, проявившуюся в наличии судимости:

— 6 % подозреваемых / обвиняемых ранее привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений, не связанных с выполнением профессиональных обязанностей в сфере ЖКХ (ст. 228, 291 УК РФ);

— 7 % привлекались к административной ответственности (в частности, лица, занимающие руководящую должность в организации на объектах ЖКХ до возникновения событий рассматриваемых преступлений и не выполняющие предписания надзорных органов).

Таким образом, типовой портрет лица, совершившего преступления в сфере ЖКХ, повлекшие причинение вреда жизни или (и) здоровью человека, обладает следующими социально-демографическими характеристиками: мужчина в возрасте от 30 до 50 лет, имеющий высшее или среднее профессиональное образование, занимающий руководящую должность в управляющей компании, ресурсоснабжающей организации или муниципальном предприятии.

Подробно сопоставив такие элементы криминалистической характеристики, как личность подозреваемого / обвиняемого, способ совершения изучаемых преступлений, а также обстоятельства, обусловливающие их совершение, с данными об инцидентах, содержащимися в соответствующих материалах уголовных дел и решений суда, мы выделили *типовые мотивационно-поведенческие портреты* преступников.

1. Апатичный / халатный преступник. Поведение выражено в безразличии к выполнению должностных обязанностей, в том числе небрежном отношении к нормам безопасности, общем нежелании и инертности в принятии решений по обслуживанию объектов ЖКХ (игнорирование жалоб и обращений, неисполнение предписаний и т. п.).

2. Конформист. Поведение детерминировано стремлением сохранить занимаемую должность, выраженным в исключении конфликтов с руководством, поддержании работоспособности лишь отдельных объектов ЖКХ на фоне неблагоприятного экономического состояния всей управляющей компании или муниципального предприятия.

3. Профессионально некомпетентный. Поведение лица выражено в принятии решений либо уже непосредственном выполнении работ на объектах ЖКХ, явно нарушающих требования к их организации и технологии проведения ввиду отсутствия необходимых знаний законодательной и нормативной правовой базы в сфере ЖКХ, а также навыков и опыта.

4. Расхититель / коррупционер. Поведение выражено в использовании наиболее дешевых материалов, привлечении неквалифицированных сотрудников, отказе в проведении ремонтных работ на объектах ЖКХ и фальсификации документов в целях собственного обогащения.

Предложенные типовые мотивационно-поведенческие портреты преступников могут способствовать повышению результативности выдвижения следственных версий и рациональному выбору тактики проведения первоначальных и последующих следственных действий.

Продолжая рассмотрение ключевых элементов криминалистической характеристики изучаемых уголовно наказуемых деяний, следует выделить *обстановку совершения преступлений* (место, время), а также *типичные следы* противоправного деяния.

На основании результатов проведенного нами обобщения следственной практики установлено, что период совершения рассматриваемых преступлений сопоставляется с повышенными эксплуатационными нагрузками на объекты ЖКХ (аномально обильные осадки, неравномерное повышение / снижение давления воды в трубопроводе по причине проводимых работ). Таким образом, в зимний период совершается около 45 % происшествий, в весенний — 25 %, в летний и осенний периоды по 15 % соответственно. При изучении временных параметров установлено, что данные события происходят преимущественно в дневное время — около 75 %, в вечерне-ночное время — 20 %, в утренние часы всего 5 %.

Проводя анализ территориального расположения происшествий и аварийных событий на объектах ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью и (или) смерть человека, установлено, что данные события совершаются:

— 52 % в административных центрах субъектов РФ;

— 44 % в населенных пунктах районного значения;

— 4 % в столице и иных городах федерального значения.

В ходе анализа материалов уголовных дел и решений суда по рассматриваемым преступлениям мы отметили *дуальный характер обстановки* совершенного противоправного деяния, в который входит *эксплуатационно-техническая* и *организационно-управленческая составляющие,* обусловившие возникновение общественно опасного инцидента.

Под *эксплуатационно-технической составляющей* нами понимается *место непосредственного причинения вреда жизни и здоровью человека* (придомовая территория общего пользования в многоквартирном доме, места расположения инженерных коммуникаций и т. п.).

Организационно-управленческая составляющая обстановки представлена в виде *места (мест) осуществления преступником своей профессиональной деятельности* (административные офисы управляющих и ресурсоснабжающих организаций, служебные помещения аварийно-диспетчерской службы, сервисы электронного документооборота или системы управления предприятия).

При подробном изучении обстановки мест преступлений нами установлена типичная следовая картина, образующаяся во временных отрезках, предшествующих инциденту и в период событий на объектах ЖКХ, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека.

Так, *эксплуатационно-техническая составляющая* на первоначальном этапе расследования содержит следующие следы:

— телесные повреждения (раны, царапины или гематомы) на теле живого лица (пострадавшего);

— труп человека с телесными повреждениями;

— одежда пострадавшего (частицы строительных материалов, повреждения одежды в виде разрывов);

— отдельные элементы или фрагменты строительных конструкций, имеющие непосредственное отношение к причиненному вреду потерпевшему;

— следы биологического происхождения потерпевшего (кровь, потожировое вещество) на данных объектах инфраструктуры и строительных конструкциях;

— инструменты, использование которых повлекло причинение вреда жизни и (или) здоровью человека;

— совокупность визуальных данных в виде изображений, отражающих динамику произошедшего события, зафиксированных на камеры видеонаблюдения, в том числе фото- или видеозаписи со смартфонов свидетелей, а также электронные жалобы (заявления) с приложенными фото- и видеофайлами;

— мысленные образы, хранящиеся в памяти участников преступного события и устанавливаемые их показаниями о качестве предоставляемых услуг, действиях / бездействии представителей, ответственных за содержание объектов ЖКХ или ресурсоснабжающих организаций, а также обусловливающие возникновение происшествия;

— сведения, содержащиеся в памяти лиц и устанавливаемые их свидетельскими показаниями, об отсутствии предупреждающих знаков или ограничительных лент на местах проведения ремонтных работ или аварийных (ветхих) объектах ЖКХ.

В свою очередь, *организационно-управленческая составляющая* обстановки преступлений может содержать следующие следы:

— в виде документов, отражающих бездействие или халатное отношение к выполнению профессиональных обязанностей подозреваемыми / обвиняемыми;

— документов, потенциально содержащих недостоверные сведения о техническом состоянии объектов ЖКХ (журналы проверок, акты);

— цифровых данных, хранящихся в электронном оборудовании, с зафиксированными отклонениям показаний от предписанных норм;

— цифровой информации, содержащейся как в автоматизированных программах управления целого предприятия (серверная), так и на отдельных служебных персональных компьютерах;

— электронных сообщений в мобильных устройствах (WhatsApp, Telegram, Viber[1], Max, ВКонтакте и т. п.), а также приложений (ГосуслугиДом);

— мысленных образах, хранящихся в памяти свидетелей (подчиненных или коллег) событий и устанавливаемых их показаниями о подозреваемых / обвиняемых.

[1] Признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

Указанные обстоятельства предусматривают необходимость в ходе проведения первоначального этапа расследования всестороннего изучения не только места происшествия, но и места профессиональной деятельности лица, чьи действия / бездействие привели к причинению вреда жизни или здоровью человека.

Жертва совершенных преступлений в жилищно-коммунальной сфере, повлекших причинение вреда жизни и (или) здоровью человека, выступает еще одним элементом криминалистической характеристики рассматриваемых уголовно наказуемых деяний. Изучение личности потерпевшего позволяет получить сведения, раскрывающие сущность противоправного посягательства, поскольку именно жертва выступает носителем информации о нарушениях в сфере ЖКХ, повлекших причинения вреда здоровью и смерти человека.

По результатам обобщения правоприменительной практики установлено, что жертвами (потерпевшими) преимущественно являются случайные лица (прохожие) — 55 %, жильцы многоквартирных домов, в которых (или в непосредственной близости от которых) произошли инциденты, — 35 %, сотрудники организаций, осуществляющие низкоквалифицированную трудовую деятельность в сфере ЖКХ, — 10 %.

При изучении возрастного показателя потерпевших нами установлено, что несовершеннолетним, включая малолетних, был причинен вред жизни и здоровью в 21 % проанализированных материалов, лицам в возрасте от 18 до 60 лет — около 62 %, лицам старше 60 лет — в 17 %.

Таким образом, жертвами рассматриваемых преступлений выступают случайные пассивные участники инцидентов на объектах ЖКХ вне зависимости от их половой и возрастной принадлежности.

В силу специфики изучаемых уголовно наказуемых противоправных деяний *отсутствует прямая связь* между такими элементами криминалистической характеристики, как личность, способ совершения преступления, характер средств и обстановки совершения данных деяний, с жертвой преступления.

В заключение отметим, что рассмотренные основные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда жизни и здоровью человека, являются ключом к пониманию сущности данных уголовно наказуемых противоправных деяний и служат фундаментом при разработке тактики проведения первоначальных и последующих следственных действий.

1. Бессонов А. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных по неосторожности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 151—158.

2. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. 456 с.

3. Бессонов А. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43). С. 52—57.

4. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1970. 30 с.

5. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. Москва: Юристъ, 1997. 480 с.

6. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск: Амалфея, 2001. 304 с.

7. Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 21 с.

1. Bessonov A. A. Criminalistic characteristics of negligent crimes. Current issues of Russian law, 151—158, 2016. (In Russ.).

2. Bessonov A. A. Private theory of the criminallistic characteristics of crimes. Dissertation of doctor of juridical sciences. Elista; 2017: 456. (In Russ.).

3. Bessonov A. A. On the issue of the structure and nature of the criminalistic characteristics of crimes. Journal of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 52—57, 2014. (In Russ.).

4. Zuikov G. G. Criminalistic doctrine on the modus operandi. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1970: 30. (In Russ.).

5. Belkin R. S. A Course of criminalistics. In 3 vols. Vol. 3. Criminalistic means, techniques, and recommendations. Moscow: Lawyer; 1997: 480. (In Russ.).

6. Yermolovich V. F. Criminalistic characteristics of crimes. Minsk: Amalfeya; 2001: 304. (In Russ.).

7. Utkin M. S. Specific features of investigating and preventing thefts in consumer cooperation. Abstract of dissertation of a candidate of juridical sciences. Sverdlovsk; 1975: 21. (In Russ.).

8. Князьков А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 51—64.

9. Рыжкова А. А. Сущность и содержание преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека // Философия права. 2025. № 3 (114). С. 137—143.

10. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 24—33.

8. Knyazkov A. S. Criminalistic characteristics of a crime in the context of its modus operandi and mechanism. Journal of the Tomsk State University, 51—64, 2011. (In Russ.).

9. Ryzhkova A. A. The nature and substance of crimes in housing and utilities resulting in harm to human health or death. Philosophy of Law, 137—143 2025. (In Russ.).

10. Khlus A. M. Means of committing crimes as an element of their criminalistic structure. Russian law: education, practice, science, 24—33, 2018. (In Russ.).

Рыжкова Анна Андреевна,
преподаватель кафедры
трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
an.ryzh@bk.ru

Ryzhkova Anna Andreyevna,
lecturer at the traceology
and ballistics department
of the educational and scientific complex
for forensic science activities
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
an.ryzh@bk.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 07.04.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.102

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Алексей Сергеевич Юшков
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, usaleksey003@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые межотраслевые ограничения, касающиеся свободы и личной неприкосновенности, в связи с задержанием граждан по статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и применением меры пресечения в виде заключения под стражу. Автор приводит отдельные статистические данные, указывающие на сокращение числа задержанных лиц по основаниям, приведенным в упомянутой статье, за последние пять лет. Отмечено, что уменьшение количества принятых решений об ограничении свободы и личной неприкосновенности лиц, подозреваемых в совершении преступлений, способно повлиять не только на постановку, но и на реализацию задач оперативно-разыскной деятельности и предварительного следствия. Обосновывается позиция, согласно которой работа оперативных сотрудников в этом направлении, особенно в ходе подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий, жестко ограничена конституционно-правовыми рамками возможного ущемления права на свободу и личную неприкосновенность. На основе выполненного исследования, включая анализ статистических данных, аргументируется предложение о закреплении на законодательном уровне оперативно-разыскного задержания.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, ограничение свободы, задержание, арест, заключение под стражу, оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскное задержание

Для цитирования: Юшков А. С. Оперативно-разыскное задержание: уголовно-процессуальные и оперативно-разыскные аспекты ограничения права на свободу и личную неприкосновенность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 136—143.

DETECTIVE DETENTION: CRIMINAL PROCEDURE AND DETECTIVE ASPECTS TO RESTRICT THE RIGHTS TO FREEDOM AND INVIOLABILITY OF THE PERSON

Alexei Sergeyevich Yushkov
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, usaleksey003@yandex.ru

Abstract. The article analyses certain inter-branch restrictions relating to freedom and inviolability of the person in connection with the detention of citizens under article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the use of remand measures. The author provides some statistics on decreasing the number of detainees for the reasons mentioned in the article over the past five years. It is noted, that the reduction of decisions taken to restrict freedom and inviolability of the persons suspected of committing crimes could affect not only the decision, but also the implementation of the tasks of detective activities and preliminary investigation. The article substantiates the position that the work of detective personnel in this sphere, especially while preparing and doing detective activities, is strictly limited by the constitutional and legal framework of possible infringement of the right to freedom and inviolability of the person. Based on the done research, including the analysis of statistical data, the author argues the proposal to fix detective detention at the legislative level.

Keywords: the right to freedom and inviolability of the person, restriction of freedom, apprehension, arrest, detention, detective activities, detective detention

© Юшков А. С., 2026

For citation: Yushkov A. S. Detective detention: criminal procedure and detective aspects to restrict the rights to freedom and inviolability of the person. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 136—143, 2026. (In Russ.).

Современный этап развития отечественной юридической науки тесно связан с незыблемостью конституционных прав и свобод личности, в том числе в связи с изоляцией ее от общества. С одной стороны, в ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) в качестве фундаментально незыблемой и неоспариваемой ценности для человека признаны «право на свободу и личную неприкосновенность» и, соответственно, данное государством обязательство по обеспечению этих ценностей.

С другой стороны, вторая часть указанной статьи все же допускает ограничение комментируемого права (применение заключения под стражу, содержание под стражей, фактическое задержание). Обязательным условием применения данных мер государственного принуждения является необходимость получения соответствующего разрешения суда. Правомерность возбуждения ходатайства о возможности применения названных мер принуждения является реализацией государством правоохранительной функции, неотъемлемым элементом которой выступают выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений (ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ). Цель реализации таких задач — привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности.

Эффективность реализации оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) напрямую связана с возможностью использования в целях сбора необходимой информации, в первую очередь для оперативно-разыскных, а затем уже и для уголовно-процессуальных институтов, в том числе связанных с ограничением свободы перемещения и местонахождения, как оперативно-тактических инструментов, способствующих противодействию преступности.

В своих трудах О. Л. Васильев справедливо обосновал социально-правовую значимость проведения научно-прикладных исследований сущности и содержания тех уголовно-процессуальных институтов, которые ограничивают конституционные права и свободы человека [1], и использования полученных результатов в правотворческой и правоприменительной деятельности уполномоченных государственных органов.

В то же время действия правоохранительных органов по применению данных уголовно-процессуальных институтов на современном этапе развития российского законодательства ограничены на различных уровнях законодательной иерархии.

Право на свободу и личную неприкосновенность признаются значимыми социальными благами, которые не могут быть произвольно ограничены. Конституционный Суд Российской Федерации сохраняет в своих актах приверженность к недопустимости произвольного вмешательства в сферу реализации данного права, включая его содержание. Например, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации закреплен принцип современного уголовно-процессуального законодательства о запрете обращения правоохранительных органов к таким институтам, как задержание, заключение под стражу или другим формам, связанным с лишением свободы, вне «предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры» (постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П[1]). Указанный вывод соответствует назначению уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). В рамках ОРД должны быть реализованы защита прав граждан от преступных посягательств и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Таким образом, права и свободы индивида привычно рассматривать в качестве универсальной ценности. Но, как и любая ценность, права и свободы не безусловны и могут, а в отдельных случаях должны быть ограничены в установленном законом порядке. Именно вопрос о пределах и возможностях ограничения свободы в рамках ОРД является предметом правового регулирования и оживленных научных дискуссий, цель которых — определение той грани, которую нельзя переходить сотрудникам правоохранительных ор-

[1] По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

ганов, осуществляющим названную деятельность, в том числе в целях получения оперативно значимой информации.

В связи с этим на страницах юридической литературы все чаще обосновывается мнение о необходимости введения отдельного понятия оперативно-разыскного задержания [2, с. 55—56]. Разделяя данную точку зрения, стоит отметить, что одной из наиболее распространенных форм ограничения права на свободу и личную неприкосновенность является такая мера процессуального принуждения, как задержание, то есть фактическое лишение свободы передвижения путем кратковременной изоляции его от общества и помещения в специальное учреждение — изолятор временного содержания лица, осуществляемое в порядке, установленном главой 12 УПК РФ [2].

И момент фактического задержания, и процессуальное задержание подозреваемого рассматриваются в нормах УПК РФ прежде всего через мотивированное, обоснованное лишение свободы человека на определенный период, применяемое уполномоченным государством органом в целях предотвращения, пресечения и выявления преступлений, в том числе получения оперативно значимой информации для понимания фабулы совершенного или совершаемого преступления (п. 11, 15 ст. 5 УПК РФ).

Таким образом, в контексте рассматриваемого соотношения права на свободу передвижения и правового алгоритма применения задержания дискуссионным является вопрос о законности и обоснованности обращения правоохранительных органов именно к данной мере процессуального принуждения, к стремлению фактически лишить человека свободы (даже на достаточно короткий срок) в правоохранительных интересах.

Несмотря на то что вопросы задержания пристально исследуются многими учеными, а в нормативных правовых актах им придана детальная регламентация, стремительное изменение общественных отношений в стране и политической ситуации в мире обусловливает необходимость еще раз обратиться к теоретическим и практическим аспектам задержания.

В целом, разделяя позицию С. Б. Россинского, утверждающего, что задержание в уголовном процессе по своей природе есть мера полицейская [3], необходимо отметить, что обоснование сказанного дано не только историческое и теоретическое, но и вполне нормативное. Так, в ст. 14 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ содержится исчерпывающий перечень оснований для применения сотрудниками полиции отдельных мер государственного принуждения, определяются основные правила задержания. В то же время внимательное изучение содержания данной статьи и опыт правоохранительной деятельности указывают на теоретико-прикладную проблему, заключающуюся в том, что на законодательном уровне результаты ОРД не поименованы в качестве основания для задержания лица. Но в ряде случаев именно с задержания лица, заподозренного в совершении преступного деяния или в подготовке к его совершению, собственно и начинается уголовно-процессуальная деятельность. Одним из таких примеров может служить проверка сотрудниками оперативных подразделений полученной оперативно-значимой информации, в рамках которой лицо может быть застигнуто в момент совершения преступления или в момент подготовки к нему.

Исходя из изложенного, наиболее правильным видится следующее системное прочтение действующего института задержания: когда правоохранительные органы, ведущие ОРД, выявляют готовящееся, совершающееся или только что совершенное преступление, происходит так называемое оперативно-разыскное задержание предполагаемого виновного. Предельный срок данного задержания необходимо закрепить законодательно, ограничив его 48 часами.

Само оперативное действие должно фиксироваться документом, соответствующим конкретному оперативно-разыскному мероприятию (справкой, актом, рапортом и т. п.), что позволит в дальнейшем этому документу выступить поводом для возбуждения уголовного дела.

На следующем этапе уполномоченный процессуальный субъект, если для этого есть законные основания, возбуждает уголовное дело и уже в процессуальном порядке принимает решение о задержании лица, опираясь при этом на переданные ему результаты ОРД.

В связи с этим можно согласиться с выводом о том, что «в ОРД фактически существует специальный правовой режим оперативно-розыскного задержания, который в условиях правовой неопределенности выражается в регулировании этой принудительной процедуры посредством смешивания юридических средств, относящихся к различным отраслям права» [4, с. 138].

В то же время мы считаем неправильным рассматривать в одной правовой плоскости и «подменять» понятия полицейского задержания и оперативно-разыскного задержания.

Следующей формой ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, привлекающей внимание ученых и практиков, является институт заключения под стражу, особенно обосно-

ванность применения с точки зрения соблюдения конституционных прав и свобод человека. С одной стороны, политика Верховного Суда Российской Федерации направлена на снижение распространенности применения данной меры[1], с другой — изоляция подозреваемого и обвиняемого имеет процессуальное значение, в том числе в целях получения необходимой оперативно значимой информации о совершенном противоправном деянии.

С лишением человека свободы, безусловно, связана и такая мера пресечения, как заключение под стражу (п. 7 ст. 98 УПК РФ). И задержание, и заключение под стражу объединяет единый вопрос законности, обоснованности и эффективности их применения, цели и задачи обращения к ним правоохранительных органов в практической плоскости в условиях неприкосновенности базовых приоритетных конституционных прав человека. Правовое регулирование этих двух форм ограничения свободы, а именно задержания и заключения под стражу, их реализация на практике должны рассматриваться через призму не только защиты прав человека, свободу которого временно ограничивают, но и прежде всего защиты личности, государства и общества от преступных посягательств.

Российское государство при формировании положений действующей современной демократической Конституции Российской Федерации разрешительные полномочия на применение заключения под стражу в конкретной ситуации передало от прокуратуры судам (ч. 2 ст. 22).

Для принятия решения об избрании в отношении подозреваемого / обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу обязательно наличие общих и специальных оснований. Каждый случай обращения правоохранительного органа к заключению под стражу и получению соответствующего разрешения суда на его применение должен быть обоснован не только фактической тяжестью преступления. Представляемое в суд подозрение в совершении преступления подкрепляют «серьезной» доказательственной базой, так, «в деле есть данные, прямо указывающие на эту причастность, на что нам прямо указывает ч. 1 ст. 91 УПК РФ:

— когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

— потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление;

— на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»[2]).

В исключительных случаях заключение под стражу может быть избрано:

1) в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения при наличии одного из следующих обстоятельств:

а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории РФ (при этом факт отсутствия регистрации в каком-либо субъекте России или документов, удостоверяющих личность, сам по себе не является основанием для заключения под стражу — п. 4 постановления Пленума);

б) его личность не установлена;

в) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда;

2) в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести при наличии одного из обстоятельств, указанных в подп. «в» и «г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

И хотя вышеуказанные требования, предъявляемые к задержанию лица, длительное время оставались неизменными, на основании анализа статистических данных[3] мы пришли к выводу, что с каждым годом положения ст. 91 УПК РФ становятся все менее востребованы должностными лицами, проводящими расследование.

Так, в 2021 г. количество лиц, содержавшихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых (далее — ИВС), задержанных в порядке ст. 91 УПК РФ, составило 111 278 человек, в 2022 г. — 107 178 , в 2023 г. — 104 530, в 2024 г. — 102 088, в 2025 г. — 99 927 (рис. 1).

---

[1] Выступление председателя Верховного суда Российской Федерации И. В. Краснова на расширенном заседании в феврале 2026 г.

[2] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 от 19 декабря 2013 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

[3] Сведения о состоянии преступности в России: стат. сб. ГИАЦ МВД России за 2021—2025 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения: 04.04.2026).

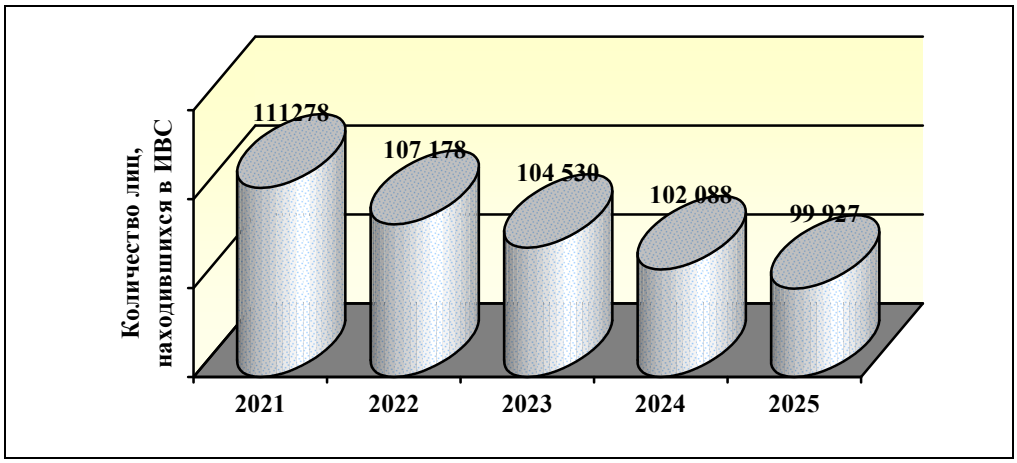

Рис. 1. Сведения о количестве лиц, содержавшихся в ИВС, задержанных за совершение преступлений в порядке УПК РФ, за 2021—2025 гг.

К сожалению, минимизация названных показателей происходит на фоне роста количества совершенных в стране преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

Так, в 2021 г. зарегистрировано 536 997 тяжких и особо тяжких преступных деяний, в 2022 г. — 560 079, в 2023 г. — 589 079, 2024 г. — 617 301, а по итогам 2025 г. регистрация преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, составила 627 894 преступления.

Вместе с тем раскрываемость преступлений названной категории за весь проанализированный пятилетний период, к сожалению, не превысила и половины от числа зарегистрированных преступных деяний. Исходя из статистических данных, раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений за 2021 г. составила 47,7 %, за 2022 г. — 42,7 %, за 2023 г. — 47,0 %, за 2024 г. — 45,9 %, за 2025 г. — 48,0 % (рис. 2).

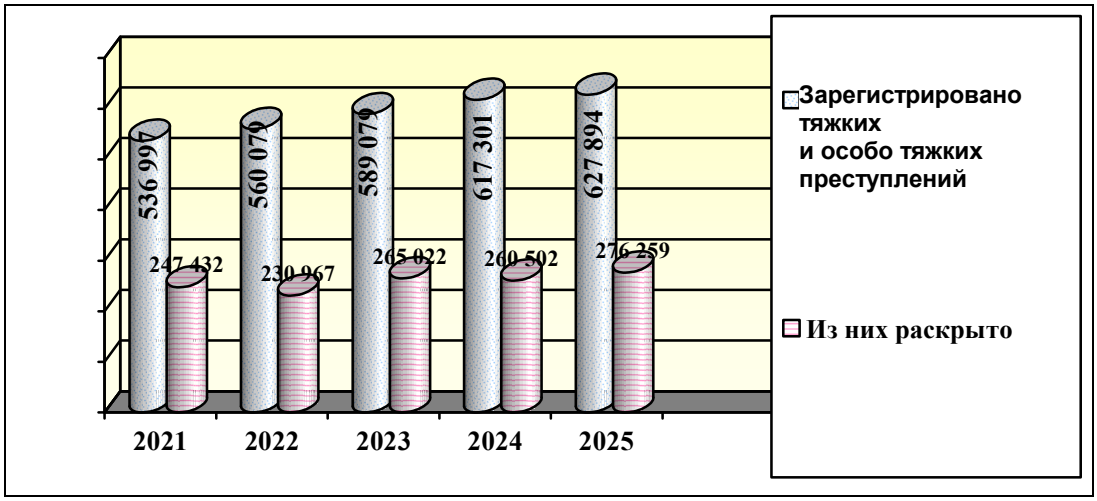

Рис. 2. Сведения о раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных за 2021—2025 гг.

Для более полного восприятия общей картины о состоянии противодействия преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких, необходимо привести статистику о количестве выявленных лиц, совершивших названные деяния.

Согласно официальным сведениям ГИАЦ МВД России, за 12 месяцев 2021 г. выявлено 200 091 лицо, совершившее тяжкое и особо тяжкое преступление. В 2022 г. было выявлено 197 112 человек, в 2023 г. — 197 983, в 2024 г. — 185 976, в 2025 г. — 174 038[1].

[1] Сведения о состоянии преступности в России: стат. сб. ГИАЦ МВД России за 2021—2025 гг.

Сопоставим и проанализируем имеющие значение для нашего исследования статистические сведения о количестве выявленных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, с ранее приведенными сведениями о количестве лиц, содержащихся в ИВС, задержанных в порядке УПК РФ, за рассматриваемый период с 2021 по 2025 г. (рис. 3).

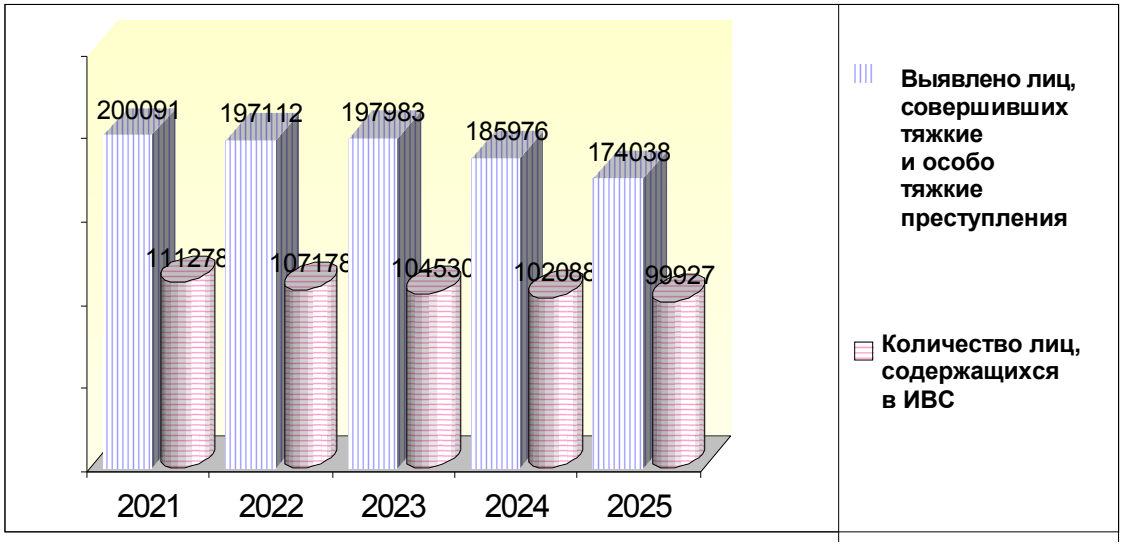

Рис. 3. Сведения о количестве выявленных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления

Исходя из данных диаграммы на рис. 3, мы можем увидеть, что чуть более половины всех задержанных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений лиц, а проще говоря — преступников, водворяются в ИВС.

А ведь с точки зрения ОРД задержание лица в порядке ст. 91 УПК РФ с последующим водворением его в ИВС, а также дальнейшее избрание ему меры пресечения в виде заключения под стражу, несомненно, имеет особую ценность для оперативных сотрудников, поскольку предоставляет уникальную возможность не только пресечь запланированное совершаемое преступление и организованное в связи с этим противодействие ведущемуся расследованию, но и возможность получить оперативно значимую информацию, способствующую как установлению обстоятельств уже совершенного преступления, так и выявлению иных эпизодов преступной деятельности лица или лиц, находящихся в поле зрения оперативных сотрудников.

Восполнить данный пробел, на наш взгляд, могло бы введение понятия оперативно-разыскного задержания, его правовое обоснование и закрепление на законодательном уровне.

Безусловно, в целях минимизации коррупционных рисков при осуществлении оперативно-разыскного задержания необходимо разработать детальный и предельно точно настроенный механизм ограничения прав и свобод человека, и цель настоящей статьи заключается в попытке определения золотой середины между решением задач ОРД в борьбе с преступностью и соблюдением прав и свобод граждан.

Любые разговоры о том, что ОРД несет колоссальную угрозу конституционным правам и свободам граждан, выгодны исключительно преступности. У последней и без того внушительный список побед, а то обстоятельство, что до сих пор не принят целый ряд предложений по внесению в законодательство изменений, позволяющих по-настоящему эффективно использовать результаты ОРД в уголовном судопроизводстве, «лишь подтверждает, что криминальный мир достиг в этом направлении немалых успехов» [5, с. 583—584].

В процессе решения широкого спектра задач оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности трудно переоценить значимость проводимых оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками правоохранительных органов в условиях кратковременной изоляции задержанных и арестованных лиц. В связи с этим объяснимо пристальное внимание к указанной проблематике со стороны ученых и практиков, включая руководство оперативных подразделений на всех уровнях системы органов внутренних дел. Пола-

гаем, что применение задержания правоохранительными органами не следует рассматривать только в негативной (отрицательной) окраске как антиконституционное посягательство на свободу человека. ОРД направлена на борьбу с преступностью и защиту интересов государства и общества, конституционных прав людей, подвергающихся преступным посягательствам. Как правило, частными задачами оперативно-разыскных мероприятий являются установление ранее неизвестных правоохранительным органам сведений о личности фигуранта, его преступной деятельности, сообщниках, местах нахождения похищенного имущества, вещественных доказательств, намерениях совершения побега, нападения, суицида, фактов внеслужебных связей с сотрудниками специальных учреждений ОВД, а также иных сведений, как правило представляющих оперативный интерес и, соответственно, способствующих в той или иной степени достижению целей и решению задач, определенных нормативными правовыми актами в области ОРД и возложенных на оперативные подразделения соответствующих правоохранительных органов.

Именно оперативно-разыскное задержание способствует получению «скорой» необходимой информации для пресечения готовящегося или совершаемого преступления, выявления лиц, причастных к преступному деянию, установления обстоятельств дела. Сказанное определяет социально-правовую значимость оперативно-разыскного задержания и оправдывает временное лишение свободы (изоляцию от общества) в целях защиты интересов и прав потерпевших (пострадавших) лиц от преступных посягательств. В то же время незыблемость конституционных прав усложняет, удлиняет процедуру согласования применения задержания на практике, в результате теряется время, упускается возможность на начальном этапе собрать необходимую информацию. Срочность как неотъемлемый признак реализации задержания в практической плоскости требует введения на законодательном уровне такого механизма, как оперативно-разыскное задержание. Это предложение обосновано опытом работы правоохранительных органов, которые сталкиваются с необходимостью срочного задержания определенного лица в условиях, когда уголовное дело еще не возбуждено, но человека требуется взять с поличным в определенный момент и в определенном месте. «Сказанное можно „примерить“ к взяточничеству или незаконному обороту наркотиков, когда возбуждению уголовного дела предшествует увенчавшаяся успехом кропотливая негласная, тщательно законспирированная агентурно-техническая разработка, о которой не всегда можно и нужно держать в курсе „будущего“ следователя, а задержание с поличным производится оперативными сотрудниками» [6].

Таким образом, с точки зрения оперативно-разыскной науки значение имеет непосредственно сам факт задержания подозреваемого. Ведь именно на первоначальной стадии сотрудникам оперативных подразделений в период нахождения подозреваемого в «стрессовом» состоянии предоставляется возможность получить необходимую информацию о преступлении на самой начальной стадии уголовно-процессуального преследования, используя весь комплекс средств и методов ОРД, которая, как известно посвященной категории читателей, может осуществляться гласными и негласными методами.

В связи с этим введение понятия «оперативно-разыскное задержание», его правовое обоснование и закрепление на законодательном уровне, на наш взгляд, окажет позитивное влияние на решение задач ОРД.

1. Васильев О. Л. Институт задержания: проблемы толкования норм УПК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 32—36.

2. Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 94 с.

3. Россинский С. Б. Протокол — лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 150—165.

1. Vasiliyev O. L. Detention institute: problems of interpretation of norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 32—36, 2024. (In Russ.).

2. Lugovik V. F. Detective Code of the Russian Federation. Author's project. Omsk: Omsk Law Academy; 2014: 94. (In Russ.).

3. Rossinsky S. B. Record as an unnecessary link in the mechanism of detaining a person on suspicion of committing a crime. Topical problems of Russian law, 150—165, 2018. (In Russ.).

4. Чумаров С. А., Железняк Н. С. Оперативно-розыскное задержание: необходима легализация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 134—139.

5. Поляков М. П. Стратегия информационно превосходства в борьбе с преступностью как базовая стратегия совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 581—584.

6. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений и дополнений, внесенных в связи с реформой апелляционного и кассационного судопроизводства: [основные положения, дознание и предварительное следствие, производство по уголовным делам в судах, исполнение приговоров, реабилитация невиновных, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства]. 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 660 с.

4. Chumarov S. A., Zheleznyak N. S. Detective detention: legalization is necessary. Legal science and law enforcement practice, 134—139, 2015. (In Russ.).

5. Polyakov M. P. Strategy of information superiority in the fight against crime as a basic strategy to improve criminal procedure legislation. Legal technique, 581—584, 2015. (In Russ.).

6. Bezlepkin B. T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article): taking into account the changes and additions made in relation to the reform of appeals and cassation proceedings: [Basic provisions, initial inquiry and preliminary investigation, criminal proceedings in the courts, execution of sentences, the innocents' rehabilitation, international cooperation in criminal proceeding]. 16th ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt; 2023: 660. (In Russ.).

Юшков Алексей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России;
usaleksey003@yandex.ru

Yushkov Alexei Sergeyevich,
senior lecturer at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
usaleksey003@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 07.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.244.24

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Виктория Геннадьевна Олесовец
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, viktoriaolesovets@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем законодательной регламентации и практики применения исправительных работ в условиях масштабной трансформации отдельных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В работе исследуются правовые коллизии, обусловленные ограничением субъектного состава данного наказания исключительно официально трудоустроенными лицами. Особое внимание уделяется реализации принципа равенства граждан перед законом в части необходимости совершенствования положений статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении мужчин, являющихся единственными родителями детей в возрасте до трех лет. Аргументирована потребность в адаптации механизмов уголовно-исполнительного контроля к современным формам занятости осужденных. Выявлена необходимость системного согласования порядка назначения и условий исполнения исправительных работ для достижения целей наказания. Сформулированы перспективные направления реформирования главы 7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, призванные обеспечить непрерывность исправительного воздействия и повысить эффективность контроля за соблюдением осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания.

Ключевые слова: исправительные работы, назначение наказания, исполнение наказания, средства исправления, принцип равенства, дистанционный труд, цифровая трансформация, ресоциализация, индивидуализация наказания

Для цитирования: Олесовец В. Г. Трансформация исправительных работ в современной России: проблемы эффективности и пути совершенствования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 144—149.

TRANSFORMATION OF COMMUNITY SERVICE ACTIVITIES IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF EFFICIENCY AND WAYS OF IMPROVEMENT

Victoria Gennadiyevna Olesovets
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, viktoriaolesovets@yandex.ru

Abstract. The article deals with comprehensive analysis of legislative regulation problems and community service practice in the context of the large-scale transformation of certain types of punishment not related to isolation from society. The paper examines the legal conflicts due to the limitation of the subject matter of these punishments exclusively by officially employed persons. The author pays special attention to the implementation of the principle of equality of citizens before the law connecting it with the need to improve the provisions of article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning men who are the sole parents of children under three years old. The research argues the necessity to adapt penal enforcement control mechanisms to modern forms of convicts' employment. In the article, the author identifies the need for a systematic harmonization of the procedure for imposition and conditions of execution of community service activities to achieve the goals of punishment. The article deals with formulating forward-looking guidelines to reform Chapter 7 of the Russian Penal Enforcement Code to ensure continuity in correctional measures and improve the effectiveness of monitoring compliance by convicts with established procedures and conditions to serve their sentences.

Keywords: community service activities, imposition of punishment, execution of punishment, means of correction, principle of equality, remote work, digital transformation, resocialization, individualization of punishment

For citation: Olesovets V. G. Transformation of community service activities in modern Russia: problems of efficiency and ways of improvement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 144—149, 2026. (In Russ.).

© Олесовец В. Г., 2026

Современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации находится на этапе активного совершенствования. Законодательные изменения, вступившие в силу 20 января 2026 г., принципиально преобразовали концепцию исправительных работ, переориентировав их с инструмента трудоустройства лиц, не имеющих основного места работы, на меру воздействия на официально занятых граждан. Согласно актуальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) рассматриваемый вид наказания назначается исключительно в отношении осужденных, имеющих основное место работы. В доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права подчеркивается зависимость эволюции данных институтов от актуальных социально-экономических условий. Так, по мнению В. И. Аммосовой и А. А. Павловой, исправительные работы в различные исторические периоды выступали эффективным средством уголовно-правового воздействия, содержание которого изменялось в зависимости от подходов государства к организации труда осужденных. Авторы акцентировали внимание на том, что устойчивость нормативного регулирования этого вида наказания осложнена необходимостью постоянного поиска баланса между карательными элементами наказания и задачами исправления личности через привлечение к труду [1].

Несмотря на заявленную политику гуманизации уголовного законодательства, практическая реализация положений гл. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (далее — УИК РФ) сталкивается с рядом системных противоречий. Как отмечается в юридической литературе, достижение целей наказания в современных условиях предполагает не только совершенствование контроля, но и реализацию строго индивидуального подхода к определению меры государственного принуждения. В этом аспекте И. Т. Идрисов указывает на необходимость соблюдения баланса между интересами правосудия и защитой прав несовершеннолетних членов семьи осужденного при назначении наказаний, не связанных с изоляцией от общества [2]. Наглядным проявлением обозначенных противоречий выступает изменение порядка привлечения к труду осужденных, уволенных с основного места работы после вынесения приговора суда. В соответствии с ч. 4 ст. 40 УИК РФ на осужденного возлагается обязанность по самостоятельному трудоустройству либо постановке на регистрационный учет в органах службы занятости в течение 15 дней со дня увольнения или постановки на учет в инспекции. Такая регламентация условий отбывания наказания представляется избыточно жесткой. Установленный законом пятнадцатидневный срок не в полной мере учитывает фактические возможности трудоустройства осужденного, а также установленную законодательством процедуру подбора и предоставления работы уполномоченными органами. В условиях, при которых осужденный обязан приступить к предложенной работе и не вправе отказаться от нее без уважительных причин, возникает риск либо выполнения трудовой деятельности, не соответствующей его профессиональной квалификации, либо признания его злостно уклоняющимся от отбывания наказания. Таким образом, право на отбывание наказания, не связанного с изоляцией от общества, становится зависимым от социально-экономического статуса лица и надлежащей реализации полномочий уполномоченных государственных органов, что порождает новые риски усиления репрессивности наказания.

Данные коллизии требуют переосмысления пенитенциарной политики в контексте гуманизации уголовной политики. Важным шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21 февраля 2010 г. № 16-ФЗ[1]. Указанная новелла закрепила дифференцированный подход к предоставлению отсрочки отбывания наказания, распространив ее не только на беременных женщин и матерей, но и на мужчин, являющихся единственным родителем ребенка в возрасте до 14 лет. Данные изменения ориентированы на реализацию принципа гуманизма и индивидуализацию уголовной ответственности.

Вместе с тем анализ положений ст. 50 УК РФ позволяет констатировать неполноту правового регулирования. В настоящее время ч. 5 указанной статьи исключает возможность назначения исправительных работ женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, однако не предусматривает аналогичного ограничения в отношении мужчин, являющихся единственными родителями ребенка того же возраста, в том числе в случаях отсутствия матери вследствие смерти либо лишения ее родительских прав.

С учетом проводимого курса на гуманизацию уголовного законодательства и расширение мер, направленных на защиту семьи, обозначенное регулирование представляется неполным и не в пол-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 февраля 2010 г. № 16-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

ной мере согласующимся с принципом равенства прав и свобод человека и гражданина, закрепленным в ст. 19 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

В связи с этим актуализируется вопрос гармонизации положений ст. 50 и 82 УК РФ. Установленный частью 5 статьи 50 УК РФ перечень лиц, которым исправительные работы не назначаются, характеризуется определенной правовой асимметрией. В то время как институт отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) учитывает специальный статус мужчин, являющихся единственным родителем ребенка, в регламентации ограничений на назначение исправительных работ указанная коллизия остается неразрешенной. Устранение данного нормативного несоответствия представляется необходимым условием реализации принципа справедливости [3] и обеспечения надлежащего ухода за несовершеннолетними в семьях, где отец выступает единственным законным представителем ребенка.

Совершенствование материально-правового регулирования назначения наказания должно сопровождаться развитием уголовно-исполнительных процедур и механизмов контроля за его исполнением, что приобретает особую актуальность в условиях цифровой трансформации экономики. Т. Ф. Минязева указывает на необходимость адаптации порядка осуществления надзора к современным формам трудовой деятельности осужденных и учета специфики их трудовой функции [4]. Ориентация исправительных работ на лиц, имеющих основное место работы, требует учета широкого распространения дистанционных форм труда, предусмотренных гл. 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, и обусловливает необходимость адаптации механизмов уголовно-исполнительного контроля.

Следует констатировать, что на данный момент уголовно-исполнительное законодательство не содержит норм, регламентирующих порядок осуществления надзора за отбыванием наказания осужденными к исправительным работам, выполняющими трудовую функцию дистанционно. Действующие положения гл. 7 УИК РФ ориентированы на модель исполнения наказания, предполагающую выполнение осужденным трудовых обязанностей по месту нахождения работодателя. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок подтверждения фактического исполнения трудовых обязанностей при дистанционном характере работы. В условиях дистанционной занятости контроль со стороны уголовно-исполнительных инспекций (далее — УИИ) фактически сводится к проверке удержаний из заработной платы и документальному подтверждению наличия трудовых отношений. Указанный порядок осуществления контроля не в полной мере обеспечивает достижение целей наказания и снижает эффективность исправительного воздействия труда как основного содержания исправительных работ.

В целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-исполнительном законодательстве специальные нормы, регламентирующие порядок осуществления дистанционного контроля за исполнением исправительных работ при удаленном характере труда.

Одним из возможных направлений модернизации контроля является внедрение цифрового профиля осужденного, формируемого УИИ и обеспечивающего фиксацию юридически значимых сведений об исполнении обязанностей, возложенных при отбывании наказания. Указанный профиль может функционировать при взаимодействии с информационными системами работодателя в пределах, определенных законом и с соблюдением требований законодательства о персональных данных.

Обоснованность применения подобных цифровых решений подтверждается положительной практикой функционирования систем автоматизированного контроля трудовой деятельности в различных отраслях экономики. Техническая реализация такого механизма может предусматривать использование специализированных программных средств, обеспечивающих учет рабочего времени и подтверждение фактического выполнения трудовых обязанностей, без вмешательства в частную жизнь осужденного и за пределами установленного рабочего времени.

Ф. В. Грушин обосновывает применение современных технологий как условие обеспечения объективного и непрерывного контроля за соблюдением осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания [5]. В свете этого представляется обоснованным использование технологических решений в деятельности УИИ, что позволит повысить полноту контроля за исполнением исправительных работ и обеспечить его объективность. Особую значимость данный вопрос приобретает в связи с сокращенными сроками направления осужденного к отбыванию наказания, предусмотренными ст. 39 УИК РФ. При таких условиях применение автоматизированных средств учета, фиксирующих исполнение трудовых обязанностей, позволяет обеспечить свое-

временность контроля и снизить риск формального подхода при осуществлении проверочных мероприятий.

Наряду с обозначенными выше вопросами следует обратить внимание на фрагментарный характер правовой регламентации порядка и условий исполнения исправительных работ. Как отмечает В. И. Якименко, отсутствие четких нормативных предписаний в УИК РФ снижает эффективность исправительного воздействия [6]. Отсутствие системности при регулировании данного вида наказания выявляется путем сравнительного анализа положений УИК РФ. В отличие от лишения свободы (гл. 16 УИК РФ) или принудительных работ (гл. 8.1 УИК РФ), где законодатель четко разграничил порядок исполнения и условия отбывания наказания, нормы гл. 7 характеризуются смешением этих правовых категорий. В частности, в ст. 40 УИК РФ одновременно содержатся нормы, определяющие порядок исполнения и условия отбывания наказания, что затрудняет единообразное правоприменение.

Существенным пробелом является полное отсутствие в гл. 7 УИК РФ мер поощрения, применяемых к осужденным. В настоящий момент гл. 7 выступает фактически единственной в разделе II УИК РФ главой, регламентирующей исполнение основного вида наказания, которая не содержит специальных норм о стимулировании правопослушного поведения. При исполнении иных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, например ограничения свободы (ст. 57 УИК РФ) или принудительных работ (ст. 60.13 УИК РФ), предусмотрен конкретный перечень мер поощрения (благодарность, досрочное снятие взыскания). Отсутствие возможности изменения условий отбывания наказания в зависимости от отношения осужденного к труду снижает эффективность исправительного воздействия.

Представляется, что совершенствование порядка исполнения наказания неразрывно связано с внедрением механизмов стимулирования правопослушного поведения. Перспективным вектором развития законодательства видится разработка правовых оснований для применения к добросовестно трудящимся осужденным стимулирующих мер, в том числе связанных с корректировкой материального содержания наказания. Это обеспечит реализацию принципа индивидуализации исполнения наказания, закрепленного в ст. 8 УИК РФ.

Существенным недостатком порядка и условий исполнения исправительных работ является отсутствие нормативно закрепленных механизмов контроля за поведением осужденного в свободное от работы время. В отличие от исполнения наказания в виде ограничения свободы (гл. 8 УИК РФ), нормы гл. 7 УИК РФ не предусматривают возможности установления обязанностей и запретов, ограничивающих поведение лица вне рамок выполнения трудовой функции. Подобная фрагментарность контроля снижает эффективность исправительного воздействия и препятствует достижению целей наказания, в частности предупреждению совершения новых преступлений.

В юридической литературе отмечается, что содержание исправительных работ не должно сводиться исключительно к производству удержаний из заработной платы, а носить комплексный характер. Так, В. М. Степашин указывает на то, что отсутствие надзора за поведением осужденного во время, не связанное с выполнением трудовых обязанностей, нивелирует карательный потенциал данного вида наказания [7]. Исполнение наказания без надзора за соблюдением осужденным обязанностей и запретов, установленных законом, превращает исправительные работы в формальное имущественное взыскание.

Ф. В. Грушин обосновывает необходимость обеспечения непрерывности контроля за поведением осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. По мнению автора, существующий разрыв в регламентации надзора в свободное от работы время создает риски совершения повторных преступлений и снижает результативность профилактической деятельности УИИ [8].

Для устранения указанного пробела необходимо дополнить ст. 50 УК РФ и гл. 7 УИК РФ положениями, закрепляющими условия осуществления контроля за поведением осужденного в свободное от работы время. Представляется целесообразным рассмотреть возможность наделения суда полномочиями по установлению в отношении осужденных к исправительным работам дополнительных ограничений во время, не связанное с выполнением трудовых обязанностей.

Необходимость установления контроля за поведением осужденных к исправительным работам в свободное от работы время обусловлена требованиями ст. 1 УИК РФ о достижении целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений.

Таким образом, эффективность применения исправительных работ как средства исправления осужденных неразрывно связана с единством порядка назначения и исполнения данного вида наказания. Реализация принципа равенства граждан перед законом, закрепленного в ст. 4 УК РФ, требует устранения правовых различий в части ограничений, предусмотренных ч. 5 ст. 50 УК РФ,

в отношении мужчин, являющихся единственными родителями детей в возрасте до трех лет. Системная согласованность норм материального права с институтом отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) позволит судам в полной мере учитывать влияние выбранного вида наказания на условия жизни семьи осужденного и обеспечит надлежащую защиту интересов несовершеннолетних.

Дальнейшее развитие уголовно-исполнительного законодательства обусловлено необходимостью совершенствования механизмов контроля за поведением осужденных в условиях изменения форм трудовой деятельности. Закрепление в гл. 7 УИК РФ порядка осуществления надзора за лицами, выполняющими трудовую функцию дистанционно, является необходимым условием для реализации исправительного воздействия труда. Внедрение автоматизированных средств подтверждения выполнения осужденными трудовых обязанностей и нормативное закрепление мер поощрения в гл. 7 УИК РФ позволит в полной мере обеспечить требования ст. 8 УИК РФ о дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Контроль за поведением осужденного во время, не связанное с выполнением трудовых обязанностей, позволит надлежащим образом применить установленные законом средства исправления. Это гарантирует непрерывность применения установленных законом средств исправления и повысит эффективность контроля за соблюдением осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания. Комплексное совершенствование правовой регламентации порядка исполнения исправительных работ сделает возможной реализацию целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ, и создаст условия для исправления осужденного без изоляции от общества. Как отмечает В. Н. Орлов, цель исправления достижима только при системном применении мер государственного принуждения и установленных законом средств исправления [9].

Сформулированные предложения совершенствования правовой регламентации порядка и условий исполнения исправительных работ позволят трансформировать данный институт в эффективное средство ресоциализации личности, отвечающее современным вызовам уголовной политики и обеспечивающее исправление осужденного без его изоляции от общества.

1. Аммосова В. И., Павлова А. А. Уголовное наказание в виде исправительных работ в России и странах СНГ: история и современность: монография. Казань: Бук, 2020. 156 с.

2. Идрисов И. Т. Актуальные проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования: сб. науч. тр. юрид. ин-та, посвящ. 50-летию юрид. ин-та / факультета Самарского ун-та и 80-летию Самарского ун-та. Самара: Изд-во Самарского нац. исслед. ун-та им. акад. С. П. Королева, 2022. Вып. 4. С. 347—357.

3. Третьяков В. И., Стрилец О. В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 9—14.

4. Минязева Т. Ф., Добряков Д. А. Труд осужденных в России и зарубежных странах: эволюция, современность, перспективы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 184 с.

5. Грушин Ф. В. Уголовно-исполнительная политика и цифровизация исполнения наказаний: новые вызовы и перспективы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2025. 192 с.

6. Якименко В. И. Исправительные работы: проблемы регламентации и эффективность

1. Ammosova V. I., Pavlova A. A. Criminal punishment in the form of community service activities in Russia and the CIS countries: history and modernity. Monograph. Kazan: Buk; 2020: 156. (In Russ.).

2. Idrisov I. T. Topical problems to impose and execute criminal penalties. In: State and law: issues of methodology, history, theory and practice of functioning. Collection of scientific papers devoted to the 50th anniversary of Law Institute / Department of the Samara University and the 80th anniversary of the Samara University. Samara: Publishing House of the Samara National University named after S. P. Korolev; 2022: 347—357. (In Russ.).

3. Tretyakov V. I., Strilets O. V. Implementation of the principle of justice at the present stage of development criminal legislation of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2018. (In Russ.).

4. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. The work of convicts in Russia and foreign countries: evolution, modernity, prospects. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2022: 184. (In Russ.).

5. Grushin F. V. Penal enforcement policy and digitalization of the execution of punishments: new

применения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1045—1051.

7. Степашин В. М. Проблемы теории и практики назначения и исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 529 с.

8. Грушин Ф. В. Развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. Москва: Юрлитинформ, 2024. 184 с.

9. Орлов В. Н. Уголовное наказание и его виды: понятие и содержание: монография. Москва: Криминологическая библиотека; Ставрополь: АГРУС Ставропольского государственного аграрного университета, 2020. 560 с.

challenges and prospects. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2025: 192. (In Russ.).

6. Yakimenko V. I. Correctional work: problems of regulation and effectiveness of application. Issues of Russian justice, 1045—1051, 2020. (In Russ.).

7. Stepashin V. M. Problems of theory and practice to impose and execute criminal penalties not related to isolation from society. Dissertation of doctor of juridical sciences. Omsk; 2015: 529. (In Russ.).

8. Grushin F. V. Development of penal enforcement policy and penal enforcement legislation. Monograph. Scientific editorship of V. I. Seliverstov. Moscow: Yurlitinform; 2024: 184. (In Russ.).

9. Orlov V. N. Criminal punishment and its types: concept and content. Monograph. Moscow: Criminological Library; Stavropol: AGRUS of the Stavropol State Agrarian University; 2020: 560. (In Russ.).

Олесовец Виктория Геннадьевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
viktoriaolesovets@yandex.ru

Olesovets Victoria Gennadiyevna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
viktoriaolesovets@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.23

ИНСТИТУТ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ НЕОБХОДИМАЯ МЕРА?

Ахмед Магомедович Басханов
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, axmed.basxanov.95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве в контексте дискуссии о допустимых пределах криминализации деяний, не связанных с непосредственным совершением преступления. Автор проводит ретроспективный анализ становления данного института, начиная с первых законодательных памятников Древней Руси и заканчивая действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, выявляя тенденции перехода от системного регулирования к фрагментарному. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу зарубежного законодательства (стран англосаксонской, романо-германской правовых семей и государств — участников Содружества Независимых Государств), который демонстрирует, что криминализация укрывательства, несообщения и попустительства является общепринятым стандартом, обеспечивающим эффективность правосудия.

На основе статистических данных о преступности и судебной практики последних лет автор доказывает, что существующие нормы (ст. 205^6 и ст. 316 Уголовного кодекса Российской Федерации) применяются точечно и не ведут к массовым репрессиям. В работе обосновывается необходимость возвращения института прикосновенности в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации в целях устранения терминологической неопределенности и создания системной основы для квалификации данных деяний. Сформулированы предложения по совершенствованию Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающие установление ответственности за укрывательство, несообщение и попустительство только в отношении умышленных тяжких и особо тяжких преступлений. Автор приходит к выводу, что восстановление полноценного института прикосновенности является не инструментом тотальной криминализации общества, а необходимой, сбалансированной мерой, направленной на реализацию принципа неотвратимости наказания и усиление превентивного потенциала уголовного закона.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, укрывательство, недонесение, попустительство, принцип справедливости, неотвратимость наказания, криминализация

Для цитирования: Басханов А. М. Институт прикосновенности к преступлению: криминализация общества или необходимая мера? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 150—157.

INSTITUTE OF INVIOLABILITY TO A CRIME: CRIMINALIZATION OF A SOCIETY OR A NECESSARY MEASURE?

Akhmed Magomedovich Baskhanov
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, axmed.basxanov.95@mail.ru

Abstract. This article examines the institution of implication to crime in the criminal law of Russia, in the context of the discussion related to the permissible limits of criminalization of acts not directly related to the commission of a crime. The author makes a retrospective analysis of the development of this institution, starting with the first legislative books of the old Russia (the Old Rus') and ending with the acting Criminal Code of the Russian Federation, identifying trends in the transition from systemic regulation to fragmented one.

Particular attention is given to a comparative legal analysis of the foreign legislation (countries of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families and member states of the Commonwealth of Independent States).

© Басханов А. М., 2026

It demonstrates that the criminalization of concealment, failure to report, and connivance is a generally accepted standard to ensure the effectiveness of justice.

Based on statistical data on crime and judicial practice of recent years, the author demonstrates that existing norms (Articles 2056 and 316 of the Criminal Code of the Russian Federation) are applied selectively and do not lead to mass repressions. The author substantiates the need to return the institution of inviolability to the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eliminate terminological uncertainty and develop a systemic basis for classification of these acts. He formulates proposals to improve the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, assuming the imposition of liability for concealment, failure to report, and connivance related only to intentional serious and especially serious crimes. The author concludes the restoration of a full institute of inviolability not to be an instrument of total criminalization of society, but a necessary, balanced measure aimed at implementing the principle of inevitability of punishment and strengthening the preventive potential of the criminal law.

Keywords: inviolability to a crime, concealment, failure to report, connivance, principle of justice, inevitability of punishment, criminalization

For citation: Baskhanov A. M. Institute of inviolability to a crime: criminalization of a society or a necessary measure? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 150—157, 2026. (In Russ.).

Современное состояние уголовной политики Российской Федерации характеризуется поиском баланса между необходимостью обеспечения безопасности граждан и соблюдением конституционных прав личности. В условиях, когда удельный вес нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлений за последние пять лет увеличился с 32,4 (2020 г.) до 35,2 % (2025 г.)[1], вопрос о повышении эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, способствующих безнаказанности преступников, приобретает критическое значение. Одним из фундаментальных инструментов в решении этой задачи выступает институт прикосновенности к преступлению. Однако его текущее состояние в российском законодательстве оценивается как бессистемное и фрагментарное, что порождает опасения относительно возможности избыточной криминализации общества при его полноценном восстановлении.

Для объективной оценки влияния института прикосновенности на современное общество необходимо обратиться к генезису данного правового явления (табл. 1). История российского права демонстрирует, что ответственность за прикосновенность всегда следовала за потребностями государства в охране наиболее значимых общественных отношений. Устав князя Ярослава Мудрого «О судах Церковных» в XI—XIII вв. уже содержал нормы о несообщении («жена должна была сообщать известное ей мужу») [1, с. 192], а Русская Правда фиксировала ответственность за укрывательство беглых челядинов и холопов [1, с. 192]. В Судебниках 1497 [2, с. 60] и 1550 [2, с. 119] гг. криминализировалось приобретение краденых вещей, что сегодня рассматривается как вид имущественного укрывательства.

Качественная трансформация произошла в Соборном уложении 1649 г., где законодатель предпринял попытку систематизации норм. Была введена ответственность за недонесение о заговорах против царя и укрывательство разбойников, причем ложные показания при обыске уже тогда приравнивались к укрывательству [3, с. 255—256]. В эпоху Петра I Артикул воинский 1715 г. дополнил этот перечень попустительством по службе, установив жесткие санкции для офицеров, не противодействующих сдаче крепости врагу [4, с. 349].

Вершиной законодательной регламентации в дореволюционный период стали Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 [5, с. 4—5] и 1885 [6, с. 29—35] гг. В них прикосновенность была выделена в Общей части в отдельный подраздел «О участии в преступлении», хотя доктрина того времени (Н. С. Таганцев [7, с. 799—805], В. Д. Спасович [8, с. 163—164]) уже начала обосновывать ее самостоятельность. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало первым актом, давшим легальные дефиниции всем трем формам прикосновенности.

[1] См.: Состояние преступности // МВД России: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 03.03.2026).

Таблица 1

Периодизация становления и развития института прикосновенности к преступлению

Период	Статус института прикосновенности	Ключевые особенности
XI—XV вв.	Казуальный	Фокус на сокрытии преступников и краденого имущества
XVII—XVIII вв.	Начало систематизации	Приоритет охраны государственной власти
1845—1885 гг.	Полноценный институт	Наличие дефиниций в Общей части в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных
1903—1921 гг.	Фрагментарный	Исключение из Общей части Уголовного уложения 1903 г. [9, с. 991] и наличие отдельных норм в декретах и постановлениях [10, с. 25—48]
1922—1960 гг.	Системный	Возврат укрывательства и недонесения в Общую часть Уголовного кодекса РСФСР (ст. 18, 19)
1996 г. — н. в.	Дезорганизованный	Отсутствие в Общей части дефиниций о прикосновенности к преступлению, «точечные» правки в Особенной части Уголовного кодекса РФ

В советский период уголовные кодексы РСФСР 1926—1960 гг.[1] вновь закрепили укрывательство и недонесение в Общей части, четко отграничив их от соучастия по признаку «заранее не обещанного» характера деяния. Однако при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) возобладал курс на радикальную гуманизацию, в результате чего Общая часть лишилась упоминания о прикосновенности, а в Особенной части сохранилась лишь ответственность за укрывательство особо тяжких преступлений. Дальнейшее развитие законодательства носило реактивный характер: в 2016 г. была введена ст. 205[6] УК РФ (несообщение о преступлении), а в 2022 г. расширена ст. 316 УК РФ в части защиты несовершеннолетних. Такая бессистемность подтверждает необходимость возврата к институциональному подходу.

Анализ зарубежного законодательства опровергает тезис о том, что развитые правовые системы отказываются от института прикосновенности. Напротив, криминализация данных деяний рассматривается как необходимая мера обеспечения эффективности правосудия во многих странах.

В англосаксонской правовой семье (США[2], Великобритания[3], Канада[4]) прикосновенные лица традиционно именовались «соучастниками после совершения факта» (*accessory after the fact*). Однако современные реформы (например, Закон об уголовном праве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии 1967 г.) выделили самостоятельные составы, такие как

[1] См.: О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#reRCjNT6xVIbExpo (дата обращения: 02.03.2026); Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36911 (дата обращения: 02.03.2026).

[2] См.: Title 18 of the United States Code (as of 2017). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/a5/USA_title_18_us_code_crimes_2017_en.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[3] См.: Criminal Law Act 1967. URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/1967_Criminal_Law_Act.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[4] См.: Criminal Code of Canada (English and French). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/202310/Criminal%20Code%20of%20Canada.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

«помощь преступнику» (*assisting offender*). В США на федеральном уровне сохраняется ответственность за *misprision of felony* (недонесение о тяжком преступлении), требующее активного сокрытия информации.

Романо-германская правовая система (Франция[1], Германия[2], Испания[3]) демонстрирует более детальный подход. УК Франции выделяет укрывательство вещей (*le recel*) и укрывательство преступников, предусматривая освобождение от ответственности для близких родственников. УК Германии в § 138 устанавливает обязанность сообщать о готовящихся преступлениях против жизни, государственной безопасности и геноциде, причем санкция за недонесение о готовящемся деянии выше, чем за несообщение об уже совершенном, что подчеркивает превентивную функцию нормы.

Особый интерес представляет опыт стран Содружества Независимых Государств, которые развивались в едином правовом поле с Россией. УК Республики Узбекистан[4] является эталонным в этом отношении: ст. 31 Общей части прямо закрепляет понятие и формы прикосновенности (несообщение и укрывательство), отделяя их от соучастия. В уголовных кодексах Казахстана[5], Беларуси[6] и Армении[7] ответственность за прикосновенность дифференцирована в зависимости от тяжести предикатного преступления, что позволяет избежать избыточной репрессии.

Мировой опыт показывает, что криминализация прикосновенности — это стандарт мировой юридической практики. Она не приводит к криминализации общества, если ограничена кругом тяжких посягательств и снабжена механизмами защиты семейных ценностей.

Полагаем, что прикосновенность к преступлению как институт уголовного права должен найти свое отражение как в Общей части (в виде отдельной главы), так и в Особенной части УК РФ. Введение в Общую часть и закрепление определения понятия и форм прикосновенности к преступлению, а также условий возникновения уголовной ответственности создает системную основу для понимания роли и сущности таких явлений, как прикосновенность, укрывательство, несообщение и попустительство. Это соответствует задаче Общей части — формулировать общие принципы, определения и условия ответственности, которые затем конкретизируются в Особенной части. Например, нормы о соучастии (ст. 32—36 УК РФ) в Общей части задают рамки, а Особенная часть детализирует наказание для конкретных проявлений множественности субъектов преступления при наличии признаков соучастия. Аналогичный подход оправдан, на наш взгляд, и для прикосновенности, также являющейся разновидностью множественности субъектов. Определение ключевых понятий в Общей части обеспечит единообразное толкование норм Особенной части. Предложенный подход не нарушает правил законодательной техники, так как сохраняет баланс между абстрактностью Общей части и конкретикой Особенной. Напротив, он усиливает системность уголовного закона и профилактическую функцию, обеспечивает четкость квалификации и соответствует исторической и мировой практике.

Нормы Особенной части (ст. 205[6] УК РФ «Несообщение о преступлении» и ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений») должны быть сконструированы таким образом, чтобы ответственность за несообщение и укрывательство наступала только за определенные категории тяжести предикатных преступлений, что в настоящее время частично реализовано. Так, если мы говорим о том, что ответственность за укрывательство должна наступать за тяжкие преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, то неучтенными остаются другие не менее общественно опасные тяжкие преступления, например преступления террористической направленности, экстремист-

[1] См.: Criminal Code of the French Republic (as of January 2020) (French version). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/France_Code_of_criminal_procedure_EN.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[2] См.: Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, as amended 2013) (English version). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal%20Code%20of%20the%20Federal%20Republic%20of%20Germany.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[3] См.: Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2016) (English version). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal_Code_2016.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[4] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 02.03.2026).

[5] См.: Penal Code of the Republic of Kazakhstan. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38102169 (дата обращения: 02.03.2026).

[6] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 02.03.2026).

[7] См.: Уголовный кодекс Республики Армения. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1727636610&tld=ru&lang=ru&name=ARM_Criminal%20Code_ru_as%20of%2010%20Jul%202019.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

ского характера и др. Поэтому уголовная ответственность должна наступать за укрывательство всех умышленных тяжких преступлений, независимо от специального потерпевшего и объекта посягательства. Укрывательство тяжких преступлений обладает требуемой для криминализации содеянного степенью общественной опасности. Установление уголовной ответственности за прикосновенность к неосторожным преступлениям не отвечает принципу справедливости [11].

Видится целесообразным совершенствование уже имеющейся нормы, регламентирующей ответственность за несообщение о преступлении, и введение нормы, предусматривающей ответственность за попустительство, что не является возрождением института «доносительства» в его негативном историческом контексте. Данные нормы при этом должны быть сконструированы аналогично предлагаемым новеллам по укрывательству преступлений. Такая конструкция будет соответствовать принципу системности и справедливости: ограниченный круг предикатных преступлений, за укрывательство, несообщение и попустительство которых должна наступать ответственность, исключит произвольное применение нормы к малозначительным или спорным ситуациям, например в коммерческой сфере. Уголовная ответственность будет наступать лишь в случаях, когда деяние представляет значительную общественную опасность, и поспособствует недопущению злоупотребления указанными нормами. Текущая ситуация с «точечными» изменениями (ст. 205[6] УК РФ, правки в ст. 316 УК РФ) создает неопределенность. Граждане не понимают, когда их молчание становится преступным.

Возвращаясь к вопросу о криминализации общества, следует отметить, что нормы о прикосновенности к преступлению направлены на защиту интересов правосудия, а не на политический контроль. Их цель — обеспечить раскрываемость преступлений, защиту прав потерпевших и предотвращение уклонения виновных от ответственности. Это соответствует международным стандартам, где обязанность сообщать о тяжких преступлениях существует во многих правовых системах.

В отличие от советского периода, современное законодательство России содержит механизмы защиты прав граждан, включая независимый суд, право на защиту и принцип презумпции невиновности. Эти институты исключают возврат к практике политических репрессий.

Реформа не предполагает ответственности за укрывательство преступлений небольшой и средней тяжести. Институт ориентирован исключительно на тяжкие и особо тяжкие преступления. Общество не криминализируется, когда оно обязано предотвращать убийства или террористические акты; оно становится более сплоченным в борьбе со злом.

Системная регламентация позволяет государству отказаться от жестких мер в пользу соразмерных. Существующие санкции за несообщение или укрывательство соответствуют тяжести деяния как «придаточного» посягательства. Это позволяет реализовать принцип неотвратимости наказания без массовых репрессий, что и является целью эффективной уголовной политики.

Институт прикосновенности обладает колоссальным превентивным потенциалом. Лица, знающие о планах преступников или помогающие им скрыться, создают вокруг них «зону комфорта», которая является «питательной средой» для рецидива и организованной преступности. Устранение этой зоны через угрозу уголовного преследования способно радикально повысить раскрываемость преступлений на ранних стадиях.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[1] и МВД России[2] за 2023—2025 гг. показывает, что на фоне общего массива зарегистрированных преступлений количество дел по ст. 205[6] и 316 УК РФ составляет сотые доли процента (табл. 2).

Данные таблицы 2 демонстрируют парадокс: при взрывном росте террористических преступлений (+59,4 % в 2025 г.) институт прикосновенности не превращается в «конвейер» для осуждения простых граждан. Напротив, он остается инструментом «хирургической точности», применяемым там, где молчание действительно способствовало совершению трагедии. Рост террористической активности требует от государства наличия легальных инструментов для принуждения к гражданскому содействию, иначе эффективность профилактики терактов резко снижается.

---

[1] См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: http://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 03.03.2026).

[2] См.: Состояние преступности // МВД России: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 03.03.2026).

Таблица 2

Основные показатели преступности и применения норм о прикосновенности (2023—2025 гг.).

Год	Всего зарегистрировано преступлений (тыс.)	Преступления террористического характера	Удельный вес осужденных за прикосновенность[1]
2023	1 946,8	2 382,0	< 0,1 %
2024	1 911,3 (—1,8 %)	3 714 (+55,9 %)	< 0,1 %
2025	1 771,2 (—7,3 %)	5 920 (+59,4 %)	На момент подготовки статьи статистические сведения о лицах, осужденных по ст. 205[6], 316 УК РФ, отсутствуют

Третьим аргументом против теории «тотальной криминализации» является судебная практика. Суды крайне внимательно подходят к доказыванию субъективной стороны. Недостаточно просто доказать, что человек «мог знать» о преступлении — необходимо подтвердить, что сведения были достоверными и осознанными. В приговоре по делу № 1-246/2021[2] суд исключил из обвинения признаки «подготовки» к преступлению, так как подсудимая знала уже о свершившемся факте вступления знакомой в террористическую организацию — ИГИЛ[3]. Это демонстрирует соблюдение принципа презумпции невиновности и толкование всех сомнений в пользу обвиняемого.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации обратил внимание на то, что безопасность граждан, защита их прав и свобод, обеспечение суверенитета России, укрепление правопорядка были и остаются ключевыми направлениями государственной политики, и предложил продумать систему дополнительных превентивных, профилактических, других антикриминальных мер. К таким мерам относится и повышение эффективности уголовно-правового воздействия на преступную деятельность прикосновенных лиц.

Подводя итог исследованию института прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве, можно сделать следующие ключевые выводы.

Во-первых, существование этого института в уголовном законе является не мерой по «криминализации общества», а необходимой реакцией государства на современные вызовы безопасности. Статистические данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают, что применение данных норм носит ограниченный характер и направлено против деяний, объективно угрожающих жизни граждан и стабильности правосудия. Наличие жестких фильтров (ответственность только за прикосновенность к особо тяжким и террористическим преступлениям) и конституционных иммунитетов для близких родственников исключает риск массовых злоупотреблений.

Во-вторых, институт прикосновенности к преступлению должен получить полное признание как в Общей, так и в Особенной части УК РФ. В Общей части необходимо закрепить доктринальное определение и признаки прикосновенности, чтобы исключить путаницу с соучастием. В Особенной части должны сохраняться специализированные составы, позволяющие учитывать специфику защищаемого объекта.

Реализация предложенных мер позволит превратить институт прикосновенности в эффективный и справедливый инструмент правовой защиты, способствующий торжеству принципа неотвратимости наказания без ущерба для гражданских свобод. Прикосновенность к преступлению в ее нынешнем виде — это не возврат к репрессиям, а правовое требование минимальной гражданской ответственности в условиях глобальных угроз.

Полагаем, что полноценный институт прикосновенности не приведет к криминализации общества. Данный тезис основывается на глубоком

[1] Оценка на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и МВД РФ

[2] См.: Приговор Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым от 28 июля 2021 г. по делу № 1-246/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ufpbhi6RvyVB/?regular-txt=&regular-case_doc=1-246%2F2021+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1772529906026 (дата обращения 03.03.2026).

[3] Запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство».

понимании механизмов работы уголовного права и криминологической обстановки.

Криминализация общества — это процесс вовлечения широких слоев населения в преступную деятельность или необоснованное расширение репрессивного аппарата. Предложения, напротив, направлены на сужение произвола и уточнение рамок ответственности.

1. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.

2. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.

3. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. / сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк; ред. Л. В. Черепнин. Москва: Госюриздат, 1955. 527 с.

4. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. А. Г. Манькова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 4. 520 с.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: В тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 898 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / издано Н. С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стяслевича, 1892. 796 с.

7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: Лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 815 с.

8. Спасович В. Д. Учебник уголовнаго права. Санкт-Петербург: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. 178 с.

9. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. – особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. Санкт-Петербург: Изд. Н. С. Таганцева, 1904. 1122 с.

10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952 гг. / сост.: проф. А. А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. Москва: Госюриздат, 1953. 464 с.

11. Нифталиева И. А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 64—66.

1. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 1. Red. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature; 1984: 432. (In Russ.).

2. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 2. Red. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature; 1985: 520. (In Russ.).

3. Books of the Russian Law. Issue 3: Legal books of the period of formation of the Russian centralized state in the XIV—XV centuries. Compiled by V. N. Avtokratov, A. A. Zimin, S. M. Kashtanov (et al.). red. by L. V. Cherepnin. Moscow: Gosyurizdat; 1955: 527. (In Russ.).

4. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 4. Red. by A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature; 1985: 520. (In Russ.).

5. Code of Criminal and Correctional Punishments. Saint Petersburg: In the printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1845: 898. (In Russ.).

6. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Published by N. S. Tagantsev. 7th ed., rev. and suppl. Saint Petersburg: Printing house of M. Styaslevich; 1892: 796. (In Russ.).

7. Tagantsev N. S. Russian criminal law. General part. Vol. 1. Lectures. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: State typography; 1902: 815. (In Russ.).

8. Spasovich V. D. Textbook on criminal law. Vol. 1. Saint Petersburg: Printing house of I. Ogrizko; 1863: 178. (In Russ.).

9. Criminal Code of March 22, 1903 with motives, taken from the explanatory note of the Editorial Board, document of the Ministry of Justice to the State Council and Journal — special council, special presence of the dep. and general meeting of the State Council. Saint Petersburg: Publishing house of N. S. Tagantsev; 1904: 1122. (In Russ.).

10. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917—1952. Comp. by professor A. A. Gertsenzon; red. [and with a preface] by professor I. T. Golyakov. Moscow: Gosyurizdat; 1953: 464. (In Russ.).

11. Niftalieva I. A. Criminalization and decriminalization of acts as one of the directions to implement the principle of justice. Eurasian Advocacy, 64—66; 2023. (In Russ.).

Басханов Ахмед Магомедович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
axmed.basxanov.95@mail.ru

Baskhanov Akhmed Magomedovich,
associate professor
at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
axmed.basxanov.95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.985:004

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА

Виталия Михайловна Данилкина
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kira.danilkina.15@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа эмпирического материала, включая следственную практику, зарубежного опыта (израильские системы мультимодального анализа Airis, британские платформы визуализации связей I2) и судебных прецедентов (американская система оценки риска рецидивов COMPAS) рассматриваются актуальные вопросы внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в тактику производства допроса, выявляются криминалистические возможности и пределы его использования для минимизации рисков судебных ошибок с учетом феномена алгоритмической предвзятости и отсутствия у нейросетей внутреннего убеждения в целом и по конкретному делу. По итогам проведенного исследования предложены практические рекомендации по наиболее результативному применению цифровых технологий в рамках предварительного расследования преступлений, в частности при производстве допроса, а также сформулированы условия, при соблюдении которых искусственный интеллект остается эффективным инструментом, упрощающим деятельность следователя путем автоматизации анализа совокупности больших данных и оптимизации рутинных операций, но не подменяющим участников уголовного судопроизводства как субъектов познания.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, искусственный интеллект, криминалистическая тактика, мультимодальный анализ, цифровизация расследования, пределы доказывания, алгоритмическая предвзятость

Для цитирования: Данилкина В. М. Дискуссионные вопросы о криминалистических возможностях и пределах использования искусственного интеллекта при производстве допроса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 158—163.

DISCUSSION ISSUES ON FORENSIC CAPABILITIES AND LIMITS TO USE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERROGATION

Vitalia Mikhailovna Danilkina
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kira.danilkina.15@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of empirical data, including investigative practice, international experience (Israeli multimodal analysis systems Airis, British connection visualization platforms I2), and judicial precedents (American recidivism risk assessment system COMPAS), this article, examines topical issues to integrate artificial intelligence algorithms into interrogation tactics. It identifies the forensic capabilities and limits of its use to minimize the risk of judicial errors, taking into account the phenomenon of algorithmic bias and the lack of internal conviction of neural networks in general and in specific cases. Based on the results of the study, practical recommendations are proposed for the most effective use of digital technologies in preliminary investigations of crimes, particularly while interrogating. The author also formulates conditions under which artificial intelligence remains an effective tool, simplifying the work of investigators by automating the analysis of big data sets and optimizing routine operations, but not replacing participants in criminal proceedings as subjects of knowledge.

Keywords: criminal procedure, interrogation, artificial intelligence, forensic tactics, multimodal analysis, digitalization of investigation, limits of proving, algorithmic bias

For citation: Danilkina V. M. Discussion issues on forensic capabilities and limits to use artificial intelligence in interrogation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 158—163, 2026. (In Russ.).

© Данилкина В. М., 2026

Допрос традиционно занимает центральное место в системе следственных действий, выступая одновременно источником доказательственной информации и средством проверки уже собранных материалов. Криминалистическая наука определяет его как сложный, многосоставный процесс взаимодействия допрашивающего и допрашиваемого, требующий высокого уровня профессиональной компетентности следователя, психологической наблюдательности, рефлексивного управления коммуникацией и развитой интуиции. Качество проведения допроса напрямую определяет полноту доказательственной базы и, соответственно, законность итоговых процессуальных решений [1, с. 20].

Вместе с тем в условиях цифровизации современного общества и стремительного развития научно-технического прогресса деятельность следственных подразделений правоохранительных органов невозможно представить без использования информационных систем, цифровых баз данных и телекоммуникационных технологий связи. Традиционные методы обработки значительного объема доказательственной информации, включающей текстовые документы, фото- и видеоматериалы, аудиозаписи, данные мобильных устройств, сведения из сети Интернет, требуют значительных временных затрат и не всегда позволяют оперативно выявлять взаимосвязи между отдельными событиями, лицами и доказательствами. Поэтому информационно-телекоммуникационные технологии становятся важнейшим инструментом повышения эффективности предварительного расследования, более быстрого установления обстоятельств совершения преступлений, идентификации лиц, в том числе с использованием различных баз данных, а также позволяют повысить качество документирования следственных действий и сократить временные затраты сотрудников.

Безусловно, современный этап развития правоприменения характеризуется стремительной цифровизацией расследования. 19 мая 2025 г. на Петербургском международном юридическом форуме председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин представил данные, иллюстрирующие двойственную природу внедрения искусственного интеллекта (далее — ИИ) в практику раскрытия преступлений. С одной стороны, алгоритмы машинного обучения продемонстрировали высокую эффективность при анализе больших массивов данных, что позволило установить лиц, причастных к убийствам Дарьи Дугиной и Владлена Татарского, а также к покушениям на Захара Прилепина и Владимира Соловьева[1]. С другой — глава ведомства привел прецедент, имеющий принципиальное криминалистическое значение: «У нас был случай, когда с помощью механизма ИИ мы задержали подозреваемого, потом он стал обвиняемым, отсидел под следствием. А потом у него появилось жесткое алиби. Это было преступление прошлых лет. Меня это огорчило, потому что мы по сути дела едва не привлекли к ответственности невиновного человека»[2]. Данная дилемма — между большим эвристическим потенциалом ИИ и рисками для процесса доказывания — обусловливает постановку проблемы определения криминалистически обоснованных возможностей и юридически допустимых пределов использования технологий ИИ в повседневной практической деятельности правоохранительных органов.

Анализ юридической природы доказывания позволяет выделить функции, которые следователь не вправе делегировать алгоритмическим системам. Во-первых, технические средства не могут оценивать соблюдение процессуальной формы доказательства, поскольку такая оценка требует правовой квалификации [1, с. 49]. Следовательно, решение о допустимости доказательства может быть принято исключительно лицом, производящим расследование и несущим за него полную юридическую ответственность.

Во-вторых, оценка совокупности доказательств требует синтеза разнородной информации на основе внутреннего убеждения следователя, базирующегося на законе и совести, что не может быть подменено статистическим выводом нейросети. Роль ИИ состоит в технической поддержке следователя, оптимизации и автоматизации рутинных операций при производстве следственных действий, а также информационном обеспечении деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, но ключевым ее элементом был и остается человек. Например, при исследовании цифровых

[1] Бастрыкин: ИИ помог раскрыть убийства Дугиной и Татарского // Дума ТВ. URL: https://dumatv.ru/news/bastrykin-ii-pomog-raskryt-ubijstva-duginoj-i-tatarskogo (дата обращения: 10.06.2026); СК использовал ИИ, расследуя убийства Дугиной и Татарского // Life.ru. URL: https://life.ru/p/1739856 (дата обращения: 10.06.2026).

[2] Искусственный интеллект помог СК раскрыть несколько громких преступлений // ФОНТАНКА.ру. URL: https://www.fontanka.ru/2025/05/19/74788564/ (дата обращения: 10.06.2026).

носителей информации, телефонных соединений, переписки в мессенджерах и социальных сетях алгоритмы ИИ способны выявлять взаимосвязи между фигурантами уголовного дела, формировать хронологию событий, систематизировать документы и мультимедийные файлы, а также осуществлять быстрый поиск ключевых слов и подозрительных фраз. Но вместе с тем ИИ только имитирует процесс познания при неосмысленном, некритическом чтении массива формализованных и оцифрованных данных.

В-третьих, на основе анализа сведений, доступных в открытых источниках сети Интернет, с использованием различных программных средств автоматизации поиска информации возможно осуществить моделирование личности допрашиваемого, а следовательно, выбрать оптимальный метод допроса. Но, повторим, и в данном случае современные технологии играют только вспомогательную роль, а практическая реализация всех предоставленных возможностей и достижение целей допроса остается в прямой зависимости от коммуникативных навыков следователя, его знаний и практического опыта, а также недоступной ИИ интуиции.

Вместе с тем эвристический потенциал технологий ИИ в тактике производства следственных действий остается крайне высоким. Например, на этапе подготовки к допросу важным условием его будущей результативности является грамотное информационное моделирование предстоящего коммуникативного акта. Именно здесь аналитические способности ИИ проявляются наиболее ярко. Как показала практика расследования резонансных преступлений в Российской Федерации, алгоритмы ИИ позволили обработать колоссальные массивы неструктурированной информации, включающей записи с камер наружного наблюдения (суммарно тысячи часов видео), данные о соединениях абонентов (биллинг), контент социальных сетей и мессенджеров, а также открытые интернет-источники. Ручной анализ таких объемов в рамках уголовно-процессуальных сроков объективно затруднен, а в ряде случаев и вовсе невозможен. Однако применение систем на основе машинного обучения сокращает временные затраты с нескольких месяцев до нескольких суток, позволяя выявить корреляции и устойчивые шаблоны поведения фигурантов, ускользающие от традиционных криминалистических методов.

Международное взаимодействие, анализ и использование передового опыта применения современных технологий правоохранительными органами других стран демонстрирует схожие тенденции. М. Краг, технический менеджер международного агентства I2 (Великобритания), в своих исследованиях показывает, что системы визуализации связей на основе ИИ способны в считанные минуты строить графы взаимоотношений членов преступных групп [2]. Данные системы автоматически анализируют частотность и длительность телефонных соединений, выявляя иерархическую структуру преступного сообщества, идентифицируя «узлы влияния» и каналы коммуникации, недоступные для линейного анализа. Для следователя, готовящегося к допросу рядового участника преступной группы, визуализированная схема выступает в роли тактического ключа, позволяющего предъявлять неожиданные доказательства и задавать точные вопросы о реальной роли допрашиваемого.

Кроме того, непосредственно в ходе производства допроса следователь сталкивается с проблемой распределения когнитивных ресурсов: ему необходимо одновременно вести протокол, формулировать вопросы, наблюдать за поведением допрашиваемого, анализировать поступающую информацию и динамично трансформировать подготовленную им заранее тактику к реальной модели поведения допрашиваемого и сообщаемым сведениям. Решением данной проблемы выступают системы автоматической транскрипции: например, португальская система INTU-AI в режиме реального времени преобразует устную речь в текст, фиксируя паузы, оговорки, интонационные изменения и паралингвистические сигналы [2][1]. Использование подобных разработок позволяет следователю освободиться от технической рутины и сконцентрироваться на тактическом управлении допросом.

Наиболее сложным и дискуссионным направлением является использование ИИ для мультимодального анализа эмоционального состояния допрашиваемого. Израильская компания Airis разработала программное обеспечение, применяемое спецслужбами при расследовании террористических актов, которое обрабатывает видеоматериалы и аудиозаписи из социальных медиа, выявляя микроэкспрессии и стресс-индикаторы [3, с. 156]. Современные системы анализируют три канала — визуальный, аудиальный и тексто-

[1] Tech Talks: The impact of Gen AI on regulations across Asia & the US // Eversheds Sutherland: site. URL: https://www.eversheds-sutherland.com/insights (access date: 10.06.2026).

вый. Иными словами, решается задача одновременного восприятия не только буквального, лингвистического смысла того, что человек говорит, но и определения, как он говорит, на основе детекции неподконтрольных сознанию микровыражений лица, а также анализа эмоциональной окраски речи (тональности, тембра и частотных характеристик голоса). Выявление состояния неконгруэнтности, при котором внутренние убеждения, мысли и эмоции допрашиваемого не соответствуют внешним вербальным и невербальным проявлениям, позволяет отличить бессознательный процесс самообмана от намеренной и полностью контролируемой лжи, скорректировать тактику допроса и добиться его максимальной результативности.

Согласно данным эмпирических исследований, точность автономных систем детекции лжи достигает 77 %, что статистически значительно выше аналогичного показателя интуиции человека — около 56 % [2]. Однако этот факт имеет и обратную сторону: почти каждый четвертый вывод алгоритма потенциально ошибочен. Лицо, испытывающее стресс вследствие самого факта уголовного преследования (особенно при первичном допросе), демонстрирует поведенческие реакции, идентичные реакциям при сознательном сокрытии информации. Следовательно, данные мультимодального анализа могут рассматриваться исключительно как ориентирующая информация, способная помочь сформировать следственные версии, но не обладающая доказательственным значением.

Наряду с возможностями практика фиксирует случаи, когда использование ИИ приводило к существенным криминалистическим ошибкам. Приведенный выше пример А. И. Бастрыкина, описывающий случай ошибочного задержания лица по преступлению прошлых лет, требует детального криминалистического анализа: в данной ситуации алгоритм, обработав данные старого уголовного дела (протоколы допросов, ограниченный круг вещественных доказательств, оперативно-разыскную информацию), выявил корреляционные совпадения и указал на конкретного человека. Следователь, доверившись рекомендации, провел задержание и предъявил обвинение. Последующее появление жесткого алиби (нахождение лица в ином месте в момент совершения преступления) опровергло положенную в основу обвинения версию и еще раз подтвердило, что, несмотря на всю цифровизацию уголовного процесса, человек остается его ключевым звеном, способным мыслить критично и рационально, логически и интуитивно принимать процессуальные решения, меняющие ход и тактику расследования, и главное — нести ответственность за их практическую реализацию.

Итак, с позиции криминалистики использование ИИ в повседневной практической деятельности сопряжено с тремя ключевыми рисками. Во-первых, происходит смешение корреляции с каузальностью: наличие совпадений (внешнее сходство, использование похожего предмета одежды или средства связи) алгоритм, оперируя только математическими корреляциями, может интерпретировать как доказательство причастности, не имея возможности установить причинно-следственную связь.

Во-вторых, существует проблема зависимости итоговой модели версии от качества и полноты входных данных (правило «Garbage In, Garbage Out»). Так, в материалах дел по преступлениям «прошлых лет» часто отсутствуют современные биометрические данные (ДНК-профили, качественные изображения), что увеличивает вероятность ошибки идентификации. Безусловно, исторически процесс расследования преступлений всегда стремится к использованию самых передовых достижений науки и техники каждой эпохи, поэтому формирование доказательственной базы должно осуществляться в том числе на перспективу появления новых подходов к решению криминалистических задач, обеспечивать полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела.

В-третьих, широкое распространение высоких технологий и их доступность неограниченному кругу лиц привели к возникновению феномена «алгоритмического авторитета». Так, получив «научно обоснованную» рекомендацию от ИИ, следователь может утрачивать критическое восприятие информации, что вступает в противоречие с требованием ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ об оценке доказательств по внутреннему убеждению. К примеру, согласно исследованию ProPublica (2016), использование системы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) в судах США для прогнозирования риска рецидива демонстрировало систематическую предвзятость: алгоритм завышал риск рецидива для афроамериканцев и занижал для лиц европеоидной расы [4]. Важно отметить, что разработчики не закладывали расовые признаки в исходную модель. Алгоритм самостоятельно, путем дина-

мично развивающегося на данный момент машинного обучения, перенял дискриминационные паттерны, содержавшиеся в истории судебных решений. Более того, алгоритм COMPAS являлся коммерческой тайной, что делало невозможной его проверку стороной защиты.

Более того, в доктрине уголовного процесса также выделяется проблема «галлюцинаций» нейросетей — ситуаций, когда генеративные модели (англ. Large Language Model, LLM) продуцируют несуществующие факты, выдавая их за достоверные[1]. Поэтому в международной юриспруденции сформировалось правило: ссылка на «рекомендацию нейросети» не освобождает должностное лицо от ответственности за проверку фактов и не может служить единственным основанием для процессуального решения. Алгоритмы не обладают и внутренним убеждением, предполагающим рефлексивную оценку совокупности доказательств, недоступную вероятностным моделям, а также неспособны при принятии решений руководствоваться не только буквально закрепленными в законе нормами, но и совестью как категорией нравственного сознания, связанной с ответственностью перед человеком и обществом. Китайский Модельный закон об искусственном интеллекте (2023) ярко демонстрирует важность закрепления принципа прозрачности и объяснимости алгоритмов (англ. Explainable AI)[2]. Для уголовного судопроизводства это требование имеет фундаментальное значение: выводы, полученные с помощью непроверяемого «черного ящика», не могут выступать в качестве судебных доказательств.

На основании вышеизложенного, а также исходя из анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов, представляется возможным сформулировать криминалистически обоснованные рекомендации по интеграции ИИ в тактику допроса.

Во-первых, на этапе подготовки к допросу использование систем анализа больших данных (англ. Big Data) для выявления скрытых связей между фигурантами (как в делах об убийствах Д. Дугиной и В. Татарского) должно обязательно подкрепляться верификацией полученной информации через следственные действия и внутреннее убеждение следователя. Перспективным является применение платформ визуализации связей и генеративных возможностей ИИ для реконструкции структуры преступной группы, определения иерархии и каналов коммуникации, формирования предварительного вопросника с учетом личности допрашиваемого и специфики расследуемого события [3, с. 87].

Во-вторых, необходимость на этапе собственно производства допроса обработки больших объемов доказательственной информации делает внедрение элементов ИИ в практику расследования преступлений объективной необходимостью: техническая поддержка следователя обеспечивает оптимизацию и автоматизацию рутинных операций. Применение систем автоматической транскрипции освобождает допрашивающее лицо от технической фиксации и позволяет сконцентрироваться на тактическом аспекте, а данные мультимодального анализа (детекция эмоций, стресса) предоставляют дополнительную ориентирующую информацию для выдвижения версий, не подменяя собой при этом доказательства виновности или невиновности допрашиваемого.

В то же время отметим, что следователю крайне важно сохранять режим «критического потребления» данных, не делегируя алгоритмам функции принятия процессуальных решений, а также учитывать высокую вероятность ошибок («галлюцинаций»), предвзятости, обусловленной качеством обучающих выборок и несовершенством самообучающихся только на основе статистических корреляций систем без анализа причинности. Все выводы, полученные с помощью ИИ, в обязательном порядке должны быть проверены посредством процессуальных источников доказательств а персональная ответственность — возлагаться исключительно на человека как субъекта познавательной деятельности, когнитивные функции которого нейросети только имитируют, но не подменяют [3, с. 87].

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что технологии ИИ в настоящее время могут и должны являться инструментом совершенствования уголовного судопроизводства. Эмпирические данные подтверждают их высокую эффективность в аналитических задачах, а также свидетельствуют о значительном криминалистическом потенциале этих систем. Тем не менее прецеденты судебных ошибок определяют необходимость жесткого ограничения пределов использования ИИ: последний является только вспомогательным средством познания, но не субъектом доказывания. Формирование внутреннего убежде-

[1] Tech Talks: The impact of Gen AI on regulations across Asia & the US.

[2] Закон об искусственном интеллекте: модельный закон (экспертный проект) / Академия общественных наук Китая. Пекин, 2023. 98 с.

ния, оценка достоверности показаний и принятие итоговых процессуальных решений остаются исключительной прерогативой следователя, руководствующегося законом и совестью. Только разработка и законодательное закрепление требований, регламентирующих прозрачность используемых алгоритмов, процедуры верификации результатов ИИ иными доказательствами, а также определяющих субъективную ответственность за решения, принятые на основе рекомендаций ИИ, позволит реализовать потенциал современных цифровых технологий в повышении скорости и качества расследования без риска нарушения фундаментальных принципов уголовного процесса. Необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность алгоритмов ИИ, а также на системной основе информировать и проводить обучение сотрудников правоохранительных органов, прокуроров, судей и адвокатов по вопросам информационной безопасности, этики и защиты прав человека в контексте использования цифровых технологий и ИИ.

1. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 490 с.

2. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by Artificial Intelligence / Garcia J. P., Grilo C., Domingues P., Miragaia R. // Applied sciences. 2025. Vol. 15 (19). P. 10781—10795.

3. Сбор доказательств с использованием искусственного интеллекта: материалы междунар. круглого стола / под общ. ред. А. В. Федорова. Москва: Юрлитинформ, 2024. 312 с.

4. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine-bias: risk assessments in criminal sentencing // ProPublica: site. URL: https://www. propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (access date: 10.06.2026).

1. Digital forensics. Textbook for universities. Red. by V. B. Vekhov, S. V. Zuyev. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait; 2024: 490. (In Russ.).

2. Garcia J. P., Grilo C., Domingues P., Miragaia R. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by Artificial Intelligence. Applied sciences, 10781—10795, 2025. (In Eng.).

3. Evidence collection by using artificial intelligence. Materials of the international round table. Red. by A. V. Fedorov. Moscow: Yurlitinform; 2024: 312. (In Russ.).

4. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine-bias: risk assessments in criminal sentencing. In: ProPublica: site. Available from: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing. Accessed: 10 June 2026. (In Eng.).

Данилкина Виталия Михайловна,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
kira.danilkina.15@mail.ru

Danilkina Vitalia Mikhailovna,
associate professor
at the department of criminalistics
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
kira.danilkina.15@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

УДК 343.2

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОБРАТНОЙ СИЛЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Олеся Валерьевна Обернихина
Кузбасский институт ФСИН России, Кузбасс, Россия, olesia.obernihina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и правоприменительные проблемы реализации обратной силы уголовного закона в Российской Федерации. На основе анализа доктринальных подходов, судебной практики и эмпирических данных выявляются системные недостатки правового регулирования, закрепленного в ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обосновывается позиция автора о правовой природе обратной силы как специального (исключительного) правила действия закона во времени. Рассматриваются три вида законов, обладающих обратной силой: устраняющие преступность деяния, смягчающие наказание и иным образом улучшающие положение лица. Предлагаются дифференцированные критерии оценки «мягкости» закона, двухэтапный алгоритм пересчета наказания, распространение обратной силы при декриминализации на лиц с погашенной судимостью, а также переход от заявительного к императивному порядку пересмотра приговоров. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, действие закона во времени, декриминализация, смягчение наказания, иное улучшение положения лица, двухэтапный алгоритм пересчета наказания, императивная процедура пересмотра приговоров, судимость

Для цитирования: Обернихина О. В. Дискуссионные вопросы применения норм об обратной силе уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 164—174.

DEBATE ON APPLICATION OF NORMS ON THE RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW

Olesya Valeriyevna Obernikhina
Kuzbass Institute of the FPES of Russia, Kuzbass, Russia, olesia.obernihina@yandex.ru

Abstract. The article deals with theoretical and law enforcement problems of implementation of the retroactive effect of criminal law in the Russian Federation. Based on the analysis of doctrinal approaches, judicial practice and empirical data, the author identifies systemic deficiencies of legal regulation fixed in Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author's position on the legal nature of retroactive effect as a special (exceptional) rule for the effect of the law in time is justified. There are three types of laws that have retroactive force: decriminalizing acts, mitigating punishment and otherwise improving the person's position. In the article, the author offers differentiated criteria for assessing the "leniency" of the law, a two-stage algorithm for recalculating penalties, the retroactive effect of decriminalization on persons with expunged criminal records, as well as the transition from declarative to imperative procedures for reviewing sentences. The researcher formulates suggestions to improve the criminal, criminal procedure and criminal executive legislation.

Keywords: retroactive effect of criminal law, effect of the law in time, decriminalization, mitigation of punishment, other improvement of person's position, two-stage recalculation of punishment, imperative procedure for reviewing sentences, criminal record / conviction

For citation: Obernikhina O. V. Debate on application of norms on the retroactive effect of criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 164—174, 2026. (In Russ.).

© Обернихина О. В., 2026

Институт обратной силы уголовного закона традиционно занимает одно из центральных мест в отечественной уголовно-правовой доктрине, выступая важнейшей гарантией реализации конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости. Закрепленная в ст. 54 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020, далее — Конституция РФ) и детализированная в ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) норма о том, что закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, имеет обратную силу, на первый взгляд представляется однозначной и не вызывающей серьезных споров. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и доктринальных источников, именно эта «кажущаяся определенность» порождает множество системных проблем, связанных с оценочными категориями, пробелами процессуального характера и отсутствием единых методических подходов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, динамичное реформирование уголовного законодательства, включая многочисленные изменения санкций, декриминализацию ряда деяний и введение новых институтов (например, принудительных работ, изменений правил зачета наказания), создает сложные темпоральные коллизии.

Ежегодно суды рассматривают тысячи ходатайств о приведении приговоров в соответствие с новыми, более мягкими законами, однако единообразие такой практики отсутствует. Во-вторых, оценочная категория «иным образом улучшающий положение лица» порождает широкий спектр интерпретаций, что приводит к нарушению принципа правовой определенности и равенства граждан перед законом. В-третьих, процессуальный механизм реализации обратной силы (заявительный порядок, предусмотренный п. 13 ст. 397, ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)) ставит реализацию конституционного права в зависимость от инициативы и юридической грамотности осужденного, что, как показывают эмпирические данные, делает его малоэффективным. Наконец, интеграция новых территориальных образований в правовую систему России, а также необходимость гармонизации с международно-правовыми стандартами требуют переосмысления многих устоявшихся подходов.

Цель настоящей статьи — на основе анализа доктринальных дискуссий, законодательных пробелов и материалов судебной практики (включая авторское исследование более 200 судебных решений и анкетирование 435 правоприменителей) выявить ключевые проблемы применения обратной силы уголовного закона и предложить конкретные пути их решения.

Дискуссия о правовой природе обратной силы уголовного закона является одной из наиболее длительных и принципиальных в отечественной уголовно-правовой науке. Традиционно выделяется три основных подхода: признание обратной силы самостоятельным отраслевым принципом; ее рассмотрение в качестве специального (исключительного) правила действия закона во времени; трактовка как простого исключения из принципа немедленного действия закона. Указанный вопрос не может быть отнесен к числу абстрактно-теоретических, так как от ответа на него зависит не только доктринальное осмысление обратной силы уголовного закона, но и практическая логика применения ст. 10 УК РФ, равно как и определение границ, за пределами которых ретроактивное действие уголовного закона утрачивает силу.

А. Н. Барканов в своих исследованиях настаивает на том, что с принятием УК РФ 1996 г. обратная сила превратилась в полноценный принцип, поскольку обладает основополагающим характером, выражена в законе и выполняет регулятивную функцию [1, с. 46]. Схожую позицию занимает М. Г. Решняк, которая рассматривает действие уголовного закона во времени в целом как принцип, а обратную силу — в качестве его неотъемлемой составляющей [2, с. 100]. Внешне эта позиция представляет определенный интерес: она подчеркивает важность обратной силы для всей системы уголовного права. Однако, как обоснованно замечает К. В. Ображиев, принципы уголовного права действуют непрерывно и имманентны самой отрасли, тогда как обратная сила «включается» лишь при наличии специального условия — принятия нового улучшающего закона [3, с. 60]. Если такой закон отсутствует, правило обратной силы не применяется и действует общее предписание ст. 9 УК РФ. Следовательно, обратная сила не обладает признаком универсальности, присущим принципам.

Более того, обратная сила имеет ревизионный характер — она позволяет пересматривать уже

вступившие в законную силу приговоры. Принципы же, напротив, выступают как неизменные ориентиры, которые не подлежат «включению» или «выключению». Юридико-технический аргумент также говорит в пользу институциональной, а не принципиальной природы: законодатель поместил нормы об обратной силе не в гл. 1 УК РФ, закрепляющую принципы (ст. 3—7), а в гл. 2, регламентирующую действие закона во времени и в пространстве.

З. А. Незнамова обоснованно указывает на то, что такое расположение отражает не общеправовую, а институциональную природу обратной силы [4]. Еще одним подтверждением служит невозможность распространения обратной силы на акты судебного толкования — постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые не являются источниками уголовного права. Если бы обратная сила была принципом, она должна была бы распространяться на любые акты, улучшающие положение лица, но это не так.

Изложенное позволяет сформулировать авторское определение: обратная сила уголовного закона — это специальное (исключительное) правило действия закона во времени, производное от конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости, заключающееся в распространении действия более мягкого закона на деяния, совершенные до его вступления в силу, и в пересмотре связанных с ними правовых последствий.

Признание обратной силы именно правилом, а не принципом имеет важное практическое значение. Оно позволяет четко отграничить ее от смежных темпоральных режимов — немедленного действия (ст. 9 УК РФ) и ультраактивности (переживания закона). Немедленное действие применяется к длящимся правоотношениям, возникшим после вступления закона в силу; ультраактивность — когда старый закон продолжает действовать в отношении правовых последствий, возникших в период его действия, если новый закон не улучшает положения лица. Обратная сила же предполагает замену старого правового регулирования новым, причем с ревизионным эффектом. Именно ревизионный характер является ключевым признаком, отличающим обратную силу от всех иных темпоральных правил.

Переходя к конституционно-правовым основам, следует отметить важное несоответствие между ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ. Конституционная норма оперирует категорией «ответственность», тогда как уголовный закон использует более широкие понятия «наказание» и «иное улучшение положения лица».

Как справедливо отмечает О. В. Ермакова, такое расхождение не является технико-юридической ошибкой, а представляет собой целенаправленный законодательный прием [5, с. 28]. Оно позволяет распространять обратную силу на все меры уголовно-правового характера, обладающие карательным потенциалом: условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры медицинского характера, институты освобождения от наказания и погашения судимости. Если бы законодатель ограничился только «ответственностью», то многие из этих мер остались бы за рамками обратной силы, что противоречило бы принципу гуманизма. Вместе с тем оценочная категория «иным образом улучшающий положение лица» порождает значительные сложности. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 (далее — Постановление № 10)[1] дан развернутый перечень таких изменений, однако многие вопросы остаются неразрешенными. В частности, отсутствует единообразный подход к вопросу о том, относятся ли к «иному улучшению» изменения в правилах зачета наказания (ст. 72 УК РФ) и условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ), если они не снижают срок наказания, но создают более благоприятные условия для освобождения либо влияют на сроки погашения судимости.

Судебная практика по этому вопросу противоречива. В одних случаях суды применяют изменения в правилах зачета наказания как «иное улучшение» положения осужденного, распространяя обратную силу нового закона на лиц, осужденных до его вступления в силу. Так, Верховный Суд Республики Алтай в апелляционном постановлении от 11 сентября 2025 г. по делу № 22-531/2025 прямо указал, что положения п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ (в редакции ФЗ № 186-ФЗ) «улучшают положение осужденного... поэтому на основании части 1 статьи 10 УК РФ имеют обратную силу»,

[1] О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 // Российская газета. 2025. 10 июля.

и отменил постановление нижестоящего суда об отказе в принятии ходатайства[1].

В других случаях суды отказывают в применении изменений, указывая, что улучшение положения по одному приговору не влечет автоматического пересмотра другого, если судимости на момент совершения нового преступления не были погашены. Вологодский областной суд в апелляционном постановлении от 18 сентября 2025 г. по делу № 22-1352/2025 отметил, что произведенные судом улучшения по приговору от 12 сентября 2013 г. «повлияли лишь на более раннее погашение судимости... но на момент совершения преступлений, за которые тот был осужден приговором от 18 июля 2018 года, указанные выше судимости погашены не были», в связи с чем оснований для пересмотра вида рецидива не имеется[2].

Различные подходы наблюдаются и при применении ст. 78.1 УК РФ. Так, Дальнегорский районный суд Приморского края в постановлении от 30 октября 2025 г. по делу № 1-6/2025 применил ст. 78.1 УК РФ как новый закон, улучшающий положение лица на основании ст. 10 УК РФ, освободив осужденного от уголовной ответственности[3]. В то же время Амурский областной суд в апелляционном постановлении от 2 сентября 2025 г. по делу № 22-1541/25 указал, что пересмотр приговора по основаниям ст. 10 УК РФ возможен до погашения или снятия судимости, а в исключительных случаях — и после, если приговор сохраняет значение для признания рецидива[4].

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии единообразного подхода к вопросу о применении обратной силы уголовного закона к изменениям Общей части УК РФ, что подтверждает необходимость дополнительного разъяснения Верховного Суда РФ либо внесения соответствующих изменений в ст. 10 УК РФ.

Особую остроту проблема приобретает при декриминализации. Классическое определение декриминализации, предложенное В. Н. Кудрявцевым, сводилось к отмене уголовной ответственности за деяния, ранее признававшиеся преступлениями, включая перевод их в разряд менее значительных правонарушений [6, с. 198]. Однако такой подход, по мнению ряда ученых, не охватывает ситуаций, когда законодатель не исключает состав полностью, а существенно сужает основания уголовной ответственности, изменяя диспозицию нормы.

О. В. Ермакова доказывает, что декриминализация может быть не только прямой (полное исключение состава), но и косвенной — через изменение бланкетного законодательства, введение административной преюдиции, сужение круга субъектов или изменение конструкции состава [5, с. 29].

Поддерживая этот подход, обоснованным видится выделить две основные формы декриминализации: прямую (полную) и косвенную (частичную). Косвенная декриминализация наиболее сложна для правоприменителя, поскольку она не всегда очевидна. Например, повышение минимального размера крупного ущерба в примечании к статье или изменение правил лицензирования определенного вида деятельности могут фактически устранить преступность деяния, не меняя текста УК РФ.

Конституционный Суд РФ в Определении от 10 июля 2003 г. № 270-О[5] указал, что положения ст. 10 УК РФ не исключают возможности придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования. Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления № 10 также подтвердил, что устранение преступности может осуществляться не только путем внесения изменений в уголовный закон, но и путем отмены или изменения норма-

[1] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 11 сентября 2025 г. по делу № 22-531/2025 // Архив Верховного Суда Республики Алтай.

[2] Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 18 сентября 2025 г. по делу № 22-1352/2025 // Архив Вологодского областного суда.

[3] Постановление Дальнегорского районного суда Приморского края от 30 октября 2025 г. по делу № 1-6/2025 // Архив Дальнегорского районного суда Приморского края.

[4] Апелляционное постановление Амурского областного суда от 2 сентября 2025 г. по делу № 22-1541/25 // Архив Амурского областного суда.

[5] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

тивных правовых актов иной отраслевой принадлежности.

Важным и дискуссионным является вопрос о распространении обратной силы при декриминализации на лиц, чья судимость уже снята или погашена. Действующая редакция ст. 86 УК РФ не предусматривает автоматического аннулирования судимости в этом случае. Возникает парадокс: законодатель признает, что деяние более не является преступным (утратило общественную опасность), но лицо, его совершившее, продолжает считаться судимым со всеми вытекающими последствиями (ограничения при трудоустройстве, учет при рецидиве и т. д.).

По справедливому замечанию А. Н. Барканова, судимость — это правовое состояние, порождающее негативные последствия, и если деяние перестало быть преступным, то и все эти последствия должны быть аннулированы [1, с. 40]. В поддержку этого тезиса можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П[1], в котором признано, что отказ в восстановлении избирательных прав гражданам, чья судимость снята или погашена, но деяние перестало быть тяжким, не соответствует Конституции. Логика этого решения применима и к полной декриминализации. В связи с этим автором предлагается дополнить ст. 10 УК РФ положением о том, что лицо, осужденное за деяние, преступность и наказуемость которого устранены новым законом, считается не имеющим судимости со дня вступления такого закона в силу [7, с. 28]. Соответствующее изменение необходимо внести и в ст. 86 УК РФ.

Помимо декриминализации, ст. 10 УК РФ предусматривает обратную силу закона, смягчающего наказание. Однако и здесь существует множество нерешенных проблем. Прежде всего требуется определить, какой закон считать смягчающим.

И. Э. Звечаровский подчеркивает, что смягчение наказания следует оценивать не только через призму изменения санкций, но и через реальное уменьшение карательного потенциала применительно к конкретному лицу [8, с. 36]. В связи с этим автор предлагает дифференцированный критерий: при изменении санкций статей Особенной части УК РФ закон считается смягчающим для всех лиц (абстрактный уровень); при изменении положений Общей части УК РФ, введении новых видов наказаний или изменении условий их отбывания улучшение оценивается применительно к конкретному осужденному (конкретный уровень). Например, изменение правил зачета срока содержания под стражей (ст. 72 УК РФ) улучшает положение всех, кто содержится под стражей, но не улучшает положения тех, кто отбывает наказание в колонии строгого режима без предварительного заключения под стражу. Аналогично введение принудительных работ как самостоятельного вида наказания без изоляции от общества (ст. 53.1 УК РФ) улучшает положение только тех осужденных, которые соответствуют критериям, установленным для этого вида наказания (например, отсутствие особо опасного рецидива). Суды, как показывает анализ практики, не всегда учитывают этот дифференцированный подход.

Наиболее острой проблемой является отсутствие единой методики пересчета наказания при изменении пределов санкций. В доктрине предлагались различные подходы. А. Е. Якубов обосновывает необходимость использования медианы санкции (полусумму минимума и максимума) [9, с. 33]. М. Т. Валеев разработал алгоритм линейной интерполяции [10, с. 46—48]. Однако оба подхода имеют ограничения: метод А. Е. Якубова оперирует средними величинами, что может искажать пропорцию при асимметричном изменении санкций (например, когда нижний предел снижается, а верхний повышается). Метод М. Т. Валеева более точен, но ориентирован исключительно на лишение свободы и не учитывает необходимости юридической корректировки с учетом личности осужденного. Полагаем, что наиболее обоснованным будет использовать универсальный двухэтапный алгоритм [7, с. 29—30].

Первый этап — объективный математический расчет, основанный на сохранении пропорциональной доли наказания в диапазоне старой и новой санкций. Предлагаемая формула расчета имеет следующий вид:

[1] По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П // Российская газета. 2013. 23 окт.

$$Н_{новое} = \frac{S_{нов.\ макс.} - S_{нов.\ мин.}}{S_{стар.\ макс.} - S_{стар.\ мин.}} \times \left(Н_{стар.} - S_{стар.\ мин.}\right) + S_{нов.\ мин.},$$

где:
$S_{стар.\ мин.}$, $S_{стар.\ макс.}$ — минимальный и максимальный пределы наказания по старому закону;
$S_{нов.\ мин.}$, $S_{нов.\ макс.}$ — минимальный и максимальный пределы наказания по новому закону;
$Н_{стар.}$ — наказание, фактически назначенное по старому закону;
$Н_{новое}$ — предварительный результат пересчета.

Данный расчет позволяет сохранить пропорцию, в которой назначенное наказание соотносилось с диапазоном старой санкции, и выступает отправной точкой для дальнейшего судейского усмотрения [7, с. 28]. Кроме того, этот расчет обеспечивает единообразие и предсказуемость, исключая произвольные колебания.

Второй этап — субъективная юридическая корректировка полученного результата с учетом общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ), данных о личности осужденного, наличия смягчающих или отягчающих обстоятельств, поведения после вынесения приговора, а также принципов справедливости и гуманизма. Корректировка может быть как в сторону уменьшения (при наличии исключительных обстоятельств), так и в сторону увеличения (но не выше нового максимума), если, например, после вынесения приговора осужденный совершил новое преступление или проявил себя крайне негативно. Такой двухэтапный подход, в отличие от чисто математических методов, полностью соответствует принципу индивидуализации наказания.

Для иллюстрации практической значимости данного алгоритма приведем пример из судебной практики. Приговором Кинешемского городского суда Ивановской области от 11 ноября 2004 г. ФИО1 был осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ (в редакции, действовавшей на тот момент) с назначением наказания в виде лишения свободы. Впоследствии Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ санкция ч. 1 ст. 161 УК РФ была изменена: появилась альтернатива в виде принудительных работ, однако нижний предел лишения свободы остался прежним. Суд апелляционной инстанции[1] отказал в пересмотре приговора, указав, что формальное применение льготного зачета по отбытому наказанию не повлечет пересмотра других приговоров. Однако если бы суд применил двухэтапный алгоритм, он мог бы более точно определить, улучшает ли новый закон положение осужденного. В данном случае, поскольку наказание уже было отбыто, пересчет мог бы повлиять на срок погашения судимости, что также является значимым для осужденного. Этот пример показывает, что суды часто ограничиваются формальным анализом, не углубляясь в суть улучшений.

Другой показательный пример — дело ФИО1, рассмотренное Майминским районным судом Республики Алтай (постановление от 7 июля 2025 г.). Осужденный обратился с ходатайством о приведении приговоров в соответствие с изменениями, внесенными в ст. 72 УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ (льготный зачет срока содержания под стражей)[2]. Суд первой инстанции отказал в принятии ходатайства, но суд апелляционной инстанции[3] отменил это решение, указав, что положения п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ улучшают положение осужденного и подлежат применению. В данном случае суд апелляционной инстанции фактически применил дифференцированный подход, признав, что закон, улучшающий правила зачета наказания, имеет обратную силу. Однако отсутствие единой методики пересчета привело к тому, что суд не определил, как именно должен быть произведен зачет: засчитывать ли весь срок содержания под стражей с коэффициентом 1,5 или только его часть. Это подтверждает необходимость закрепления формализованного алгоритма.

Помимо законов, смягчающих наказание, ст. 10 УК РФ распространяется на законы, «иным образом улучшающие положение лица». Эта категория является наиболее дискуссионной. В доктрине предлагались различные классификации таких норм. Основываясь на анализе судебной практики

[1] Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 25 сентября 2025 г. № 22-1570/2025 // Архив Ивановского областного суда за 2025 г.

[2] О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ // Российская газета. 2018. 5 июля.

[3] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 11 сентября 2025 г. № 22-531/2025 // Архив Верховного Суда Республики Алтай за 2025 г.

и доктринальных источников, оправданным видится нам выделение четырех функциональных групп:

1) нормы, изменяющие иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ);

2) нормы, изменяющие условия применения институтов, связанных с исполнением наказания (условно-досрочное освобождение — ст. 79 УК РФ, отсрочка отбывания наказания — ст. 82 УК РФ, замена неотбытой части наказания более мягким — ст. 80 УК РФ);

3) нормы о порядке назначения наказания (общие и специальные правила, включая ст. 62, 65, 68, 69, 70 УК РФ);

4) нормы, предоставляющие суду дискреционные полномочия (ч. 6 ст. 15, ст. 64, ст. 73 УК РФ).

Особо следует остановиться на ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая позволяет суду изменить категорию преступления на менее тяжкую. Это улучшает положение лица, поскольку сокращаются сроки погашения судимости, изменяется вид исправительного учреждения и т. д. Однако, как показал анализ, реализация этого права в порядке ст. 10 УК РФ затруднена из-за отсутствия четкого процессуального механизма [11, с. 386]. Суды не всегда знают, как пересматривать приговоры в этой части: достаточно ли просто признать категорию измененной или нужно пересчитывать наказание? Ввиду сказанного предлагаем внести изменения в ст. 397 УПК РФ, прямо указав, что при пересмотре приговора в связи с изменением категории преступления суд выносит соответствующее постановление без повторного обсуждения фактических обстоятельств дела.

Еще одним сложным вопросом является применение обратной силы к институтам, которые не являются наказанием, но тесно с ним связаны, например к условно-досрочному освобождению (ст. 79 УК РФ).

В 2012 г. в ст. 79 УК РФ были внесены изменения, ужесточающие условия условно-досрочного освобождения (далее — УДО) для осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних[1]. Возник вопрос: распространяется ли это ужесточение на лиц, совершивших преступления до вступления закона в силу? Согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, ухудшающий положение, обратной силы не имеет, поэтому ужесточение не применяется. Однако на практике суды иногда отказывали в УДО, ссылаясь на новые правила, что противоречило закону.

В качестве положительного примера можно привести постановление Президиума Ульяновского областного суда от 21 февраля 2013 г. по делу Р. Ф. Хасанова, которым было отменено постановление суда первой инстанции, отказавшего в УДО на основании п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ в новой редакции, поскольку эта норма ухудшает положение осужденного и обратной силы не имеет. Этот пример демонстрирует правильное применение принципа non-retroactivity («запрет обратной силы закона»).

Вместе с тем если новый закон, напротив, смягчает условия УДО (например, сокращает необходимую для УДО часть срока), то такой закон должен иметь обратную силу. Однако это прямо не предусмотрено ст. 10 УК РФ, поскольку УДО не является наказанием, а лишь порядком его исполнения. Здесь возникает коллизия: формально закон об УДО не улучшает «наказание» в узком смысле, но улучшает положение лица. Поэтому необходимо расширительное толкование категории «иным образом улучшающий». Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 указал, что к «иному улучшению» относятся изменения, касающиеся порядка и условий отбывания наказания, включая УДО. Однако это разъяснение не всегда воспринимается судами на местах.

Отдельного внимания заслуживают коллизии обратной силы со смежными правовыми институтами. Выше уже упоминалась проблема судимости. Но есть и другие. Например, институт давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ). Если новый закон сокращает сроки давности или изменяет порядок их исчисления, должен ли он иметь обратную силу? Поскольку давность — это основание освобождения от ответственности, закон, улучшающий положение лица (сокращающий сроки давности), должен иметь обратную силу. Однако ст. 10 УК РФ прямо этого не предусматривает, что порождает неопределенность. Аналогичная проблема возникает с институтом замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 80 УК РФ).

Для решения вышеуказанных проблем предлагаем внести в ст. 10 УК РФ часть 4, согласно которой «если уголовный закон изменялся неоднократно, из всех законов, действовавших от момента совершения преступления до вынесения приговора, подлежит применению наиболее благоприятный для лица, независимо от того, сохранил ли этот закон силу на момент судебного разбира-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ // Российская газета. 2012. 6 марта.

тельства» [7, с. 30—31]. Это правило устранит правовую неопределенность при так называемых промежуточных законах.

Важным аспектом, вызывающим дискуссии, является вопрос о возможности придания обратной силы постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, которые содержат более благоприятные для осужденных разъяснения. В доктрине высказываются разные точки зрения. Одни авторы, указывая на фактическую обязательность постановлений Пленума, полагают, что они могут иметь обратную силу, если улучшают положение лица. Другие — и мы их поддерживаем — исходят из того, что постановления Пленума не являются источниками уголовного права (они не принимаются законодательным органом, не проходят процедуру официального опубликования, установленную для федеральных законов, не могут устанавливать, отменять или изменять преступность и наказуемость деяния). Следовательно, они не могут иметь обратной силы в смысле ст. 10 УК РФ [12, с. 72]. Изменение правовой позиции Пленума, даже если оно носит кардинальный характер, не означает придания обратной силы ранее принятому постановлению. Правоприменитель при рассмотрении конкретного уголовного дела должен руководствоваться той редакцией разъяснения, которая действовала на момент совершения преступления или на момент вынесения приговора. Если бы постановлениям Пленума придавалась обратная сила, это привело бы к массовому пересмотру приговоров без изменения закона, что подрывало бы принцип правовой определенности (res judicata). Вместе с тем, если новая позиция Пленума лишь конкретизирует и раскрывает содержание уже действующей более мягкой нормы, она может применяться при рассмотрении дел, по которым приговор еще не вступил в законную силу, но не в качестве «обратной силы», а в силу общего принципа немедленного действия процессуальных разъяснений.

Переходя к процессуальным механизмам реализации обратной силы, следует отметить, что действующий заявительный порядок (п. 13 ст. 397, ст. 399 УПК РФ) является малоэффективным: по данным проведенного автором анкетирования (435 респондентов — судей, прокуроров, сотрудников УИС), 60 % правоприменителей дали ему именно такую оценку [13, с. 126]. Основные причины: большинство осужденных не обладают достаточными юридическими познаниями, чтобы своевременно инициировать пересмотр; многие не знают о принятии новых законов, улучшающих их положение; заявительный порядок создает дополнительную нагрузку на суды, поскольку каждое ходатайство требует отдельного рассмотрения. В связи с этим мы приходим к выводу о необходимости введения императивной (внезаявительной) процедуры пересмотра приговоров [7, с. 31]. Суть ее в том, что обязанность инициировать пересмотр возлагается на прокурора (в рамках надзора за законностью) и администрацию учреждений уголовно-исполнительной системы (в рамках обязанности защищать права осужденных). При вступлении в силу нового, более мягкого закона прокурор или администрация УИС в течение разумного срока (например, трех месяцев) должны проверить, имеются ли среди поднадзорных лиц те, чьи приговоры подлежат пересмотру, и обратиться в суд с соответствующим представлением. Осужденный, конечно, сохраняет право и на самостоятельное обращение. Такая императивная процедура уже апробирована в некоторых зарубежных странах (например, во Франции, где прокурор обязан ex officio (в силу должностных обязанностей) инициировать пересмотр). В условиях отечественного законодательства это потребует внесения изменений в ст. 399 УПК РФ, а также в ведомственные нормативные акты ФСИН России и Генеральной прокуратуры.

Кроме того, представляется необходимым законодательно закрепить обязанность администрации учреждений УИС информировать осужденных об изменениях уголовного закона, улучшающих их положение, и разъяснять порядок обращения с соответствующим ходатайством. Предлагаемая норма коррелирует с ч. 1 ст. 12 УИК РФ, которая устанавливает общее право осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, однако не конкретизирует механизм доведения сведений о законах, имеющих обратную силу. Практическая польза такого дополнения состоит в том, что оно: 1) устраняет правовую неопределенность в действиях администрации; 2) обеспечивает своевременное информирование осужденных, исключая случаи, когда они узнают о благоприятных изменениях из случайных источников или с опозданием; 3) создает реальный, а не декларативный механизм реализации права, гарантированного ст. 10 УК РФ.

В связи с этим предлагается дополнить УИК РФ нормой, закрепляющей обязанность администрации в 30-дневный срок проинформировать осужденного о новом законе и его праве на обращение в суд, а при наличии письменного согласия осужденного — направить представление о пересмотре

приговора в случаях безусловного улучшения его положения (устранение преступности деяния, исключение квалифицирующих признаков, снижение верхнего предела санкции, изменение правил зачета наказания, сокращение сроков судимости). В иных случаях представление направляется по заявлению осужденного или его защитника. Предлагаемое дополнение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ (Определение от 18 июля 2019 г. № 2102-О[1]) и позволит обеспечить реальный доступ осужденных к правосудию.

Заключительный блок проблем связан с пробелами в правовом регулировании, которые не охватываются действующей редакцией ст. 10 УК РФ. В частности, действующая редакция не содержит правила на случай, когда уголовный закон изменялся неоднократно, а наиболее мягкая редакция уже утратила силу к моменту рассмотрения дела. Возникает вопрос: можно ли применять утративший силу, но наиболее мягкий закон? По логике ст. 10 УК РФ, закон должен действовать на момент применения, но улучшающий закон имеет обратную силу. Если наиболее мягкий закон действовал в промежутке между совершением преступления и вынесением приговора, он должен быть применен, даже если потом его сменил более строгий. Это прямо следует из принципа гуманизма. Однако в УК РФ это не закреплено, что порождает разночтения. Предлагаем дополнить ст. 10 УК РФ частью 4, как указано выше.

Другой пробел — отсутствие в ст. 86 УК РФ правила об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации. Выше это уже обсуждалось. Не урегулирован также вопрос о том, как пересчитывать наказание, если новый закон смягчает наказание в одном аспекте, но усиливает в другом (например, снижает верхний предел, но повышает нижний). В таких случаях суды нередко отказываются от пересмотра, считая, что закон нельзя признать однозначно смягчающим. Однако правильнее было бы применять закон в части, улучшающей положение, т. е. использовать более низкий верхний предел при сохранении нижнего предела по старому закону, если он был ниже. Такой подход, известный как «синтезирование санкций», поддерживается некоторыми учеными, например А. В. Иванчиным [14, с. 60]. Однако он не закреплен в законе и вызывает споры. Автор полагает, что «синтезирование» допустимо как проявление принципа гуманизма, но для единообразия практики оно должно быть разъяснено Верховным Судом РФ.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что существующая правовая конструкция обратной силы уголовного закона страдает множеством дефектов: отсутствие легального определения, оценочные категории, пробелы в процессуальном механизме, коллизии со смежными институтами. Это приводит к тому, что конституционное право граждан на применение более мягкого закона реализуется не в полной мере. Результаты анкетирования показали, что 83 % респондентов считают наличие оценочных категорий главной проблемой, 60 % — отсутствие четкого механизма пересчета наказания, 55 % — заявительный порядок. Только 10 % респондентов оценили действующее регулирование как достаточное. Эти данные убедительно свидетельствуют о необходимости реформ [13, с. 127].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование института обратной силы уголовного закона.

1. Обратная сила уголовного закона не является самостоятельным отраслевым принципом, а представляет собой специальное (исключительное) правило действия закона во времени, производное от конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости. В целях устранения теоретической неопределенности предлагается закрепить это определение в новой редакции ч. 1 ст. 10 УК РФ.

2. Выявлено несоответствие между ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ. Для его преодоления необходимо включить в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 развернутый перечень изменений, подпадающих под категорию «иным образом улучшающий положение лица», а также разъяснить, что к «иному улучшению» относятся изменения в институтах УДО, отсрочки отбывания наказания, давности, судимости и др.

3. При декриминализации обратная сила должна распространяться не только на лиц, отбывающих наказание или имеющих судимость, но и на лиц, чья судимость уже снята или погашена. Предлагается дополнить ст. 10 и 86 УК РФ правилом об автоматическом аннулировании судимости со дня вступления в силу декриминализирующего закона [7, с. 28].

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шамхаловой Б. К. на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»: определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 2102-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 6.

4. Для оценки смягчающего закона необходим дифференцированный критерий: абстрактный уровень (изменение санкций Особенной части) — закон считается смягчающим для всех; конкретный уровень (изменение Общей части, введение новых видов наказаний) — улучшение оценивается применительно к конкретному осужденному. Этот критерий следует закрепить в Постановлении Пленума № 10.

5. Разработанный двухэтапный алгоритм пересчета наказания (объективный математический расчет + субъективная юридическая корректировка) позволяет обеспечить единообразие и индивидуализацию. Обоснованным видится включить его в Постановление Пленума № 10 в качестве рекомендуемой методики [7, с. 29—30], а также создать программный модуль для автоматизации расчета.

6. Действующий заявительный порядок пересмотра приговоров должен быть заменен императивной (внезаявительной) процедурой, при которой обязанность инициировать пересмотр возлагается на прокурора и администрацию УИС. Необходимо внести соответствующие изменения в ст. 399 УПК РФ, а также в УИК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» [7, с. 31].

7. Для устранения коллизий со смежными институтами предлагается дополнить ст. 10 УК РФ частью 4, закрепляющей правило о применении наиболее мягкого закона из всех действовавших от момента совершения преступления до вынесения приговора, независимо от того, утратил ли он силу [7, с. 30—31]. Необходимо также внести изменения в ст. 78, 79, 86 УК РФ, обеспечивающие единообразие применения обратной силы.

8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ не обладают обратной силой, поскольку не являются источниками уголовного права [12, с. 72].

9. Изменение правовой позиции Пленума не может служить основанием для пересмотра вступивших в законную силу приговоров в порядке ст. 10 УК РФ.

Реализация предложенных мер будет способствовать усилению гарантий прав лиц, совершивших преступления, обеспечению единства судебной практики и действительной реализации конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости.

1. Барканов А. Н. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 191 с.

2. Решняк М. Г. Действие уголовного закона во времени как принцип права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 3 (22). С. 99—103.

3. Ображиев К. В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 59—66.

4. Незнамова З. А. Проблемы применения обратной силы уголовного закона // Российский юридический журнал. 2012. № 4 (85). С. 168—174.

5. Ермакова О. В. Устранение преступности деяния как основание обратной силы закона: проблемы доктринального толкования и правоприменительной практики // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2026. № 1 (27). С. 27—33.

6. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. Репр. воспр. изд. 1986 г. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 488 с.

7. Обернихина О. В. Об инициативе по совершенствованию института обратной силы уголовного закона // Вестник Калининградского

1. Barkanov A. N. Retroactive effect of criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2000: 191. (In Russ.).

2. Reshnyak M. G. The effect of criminal law in time as a principle of law. Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notary office, 99—103, 2011. (In Russ.).

3. Obrazhiyev K. V. The effect of criminal law norms in time: problems of theory and practice. Criminal law, 59—66, 2016. (In Russ.).

4. Neznamova Z. A. Problems of application of the retroactive effect of criminal law. Russian Legal Journal, 168—174, 2012. (In Russ.).

5. Yermakova O. V. Elimination of crime as a basis for the retroactive effect of law: problems of doctrinal interpretation and law enforcement practice. Journal of the Tomsk Institute for Advanced Training of the FPES of Russia, 27—33, 2026. (In Russ.).

6. Kudryavtsev V. N. Law, act, responsibility. Repr. ed. of 1986. Moscow: Norm: INFRA-M; 2017: 488. (In Russ.).

7. Obernikhina O. V. On the initiative to improve the institute of the retroactive effect of criminal law. Journal of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 25—33, 2026. (In Russ.).

филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 25—33.

8. Звечаровский И. Э. Институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Уголовное право. 2012. № 2. С. 35—44.

9. Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона и шкала уголовных наказаний // Законность. 2008. № 10 (888). С. 31—34.

10. Валеев М. Т. Обратная сила уголовного закона и сокращение наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 45—49.

11. Обернихина О. В. Современные проблемы применения норм об обратной силе уголовного закона при снижении категории преступления // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступлений и докл. участников III Междунар. пенитенциарного форума (Рязань, 21—23 ноября 2017 г.). В 8 т. Т. 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 386—389.

12. Обернихина О. В. Сущность и правовая природа судебных актов // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 70—74.

13. Обернихина О. В. Обратная сила уголовного закона: результаты социологического исследования // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 122—130.

14. Иванчин А. В. О пределах синтеза старого и нового законов и иных проблемах придания обратной силы новеллам в УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 59—61.

8. Zvecharovsky I. E. Institute to impose more lenient punishment than provided for such crime. Criminal law, 35—44, 2012. (In Russ.).

9. Yakubov A. Ye. Retroactive effect of criminal law and scale of criminal punishment. Legality, 31—34, 2008. (In Russ.).

10. Valeyev M. T. Retroactive effect of criminal law and reduction of punishment. Journal of the Tomsk State University. Law, 45—49, 2011. (In Russ.).

11. Obernikhina O. V. Modern problems to apply norms on the retroactive effect of criminal law, when reducing the category of crime. In: Crime, punishment, correction (by the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). The collected works of speeches of participants in the III International Penitentiary Forum, 21—23 November 2017. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Service for the Execution of Punishments; 2017: 386—389. (In Russ.).

12. Obernikhina O. V. Essence and legal nature of judicial acts. Journal of the Kuzbass Institute, 70—74, 2017. (In Russ.).

13. Obernikhina O. V. Retroactive effect of criminal law: results of a sociological study. Problems of law, 122—130, 2026. (In Russ.).

14. Ivanchin A. V. On the limits of the synthesis of old and new laws and other problems to give retroactive effect to innovations in the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal law, 59—61, 2012. (In Russ.).

Обернихина Олеся Валерьевна,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией
осужденных от общества,
Кузбасского института ФСИН России,
olesia.obernihina@yandex.ru

Obernikhina Olesya Valeriyevna,
lecturer at the department
of criminal executive law and organization
of the execution of sentences
not related to the isolation
of convicts from society
of the Kuzbass Institute of the FPES of Russia;
olesia.obernihina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 04.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 04.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Сергей Викторович Бурмагин,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета им О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент,
судья в почетной отставке

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ М. А. ЖУМАШЕВА «ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (РОССИЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛИ)»

Актуальность темы диссертационного исследования, проведенного М. А. Жумашевым, обусловлена высокой значимостью для достижения целей (назначения) уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)) и успешного решения его задач (ч. 2 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (далее — УПК РК)) института реабилитации, предназначенного для своевременного и эффективного восстановления прав лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию и (или) осуждению, и возмещения причиненного им государством имущественного и иного вреда.

Реабилитация — относительно новый процессуально-правовой институт, получивший основное развитие и сравнительно недавнее закрепление в национальных законодательствах на постсоветском пространстве, в том числе в России и Казахстане, но при этом недостаточно проработанный на доктринальном уровне и не имеющий четкой, последовательной и непротиворечивой законодательной регламентации, что порождает правовую неопределенность ряда нормативных положений данного института и в значительной степени затрудняет применение реабилитационных процедур на практике и реализацию прав реабилитированного лица.

Как верно отмечает соискатель, многие вопросы теоретического и практического свойства, включенные им в предмет исследования, в казахстанской правовой науке разработаны слабо, а в российской, хотя и охвачены в значительной степени процессуальной доктриной, до настоящего времени не получали однозначной оценки и не находили должного законодательного разрешения. Поэтому в условиях отсутствия стройной, общепризнанной и устоявшейся концепции реабилитации, единых подходов к пониманию сущности реабилитации, оснований возникновения права на реабилитацию и процессуальных способов восстановления прав реабилитированного особо важным и продуктивным представляется сравнительно-правовое исследование различных национально-правовых моделей реабилитации, позволяющее выявить общие закономерности и вариативность отдельных аспектов института реабилитации, определить наиболее оптимальные пути его дальнейшего развития с учетом опыта разных стран.

Изложенное свидетельствует о своевременности, значимости и правильной целевой направленности проведенного М. А. Жумашевым научного исследования.

Целью диссертационного исследования определена разработка на основе комплексного сравнительно-правового анализа теоретических и правовых основ национальных моделей реабилитации в уголовном судопроизводстве России и Казахстана, а именно: 1) теоретических положений о реабилитации в уголовном процессе; 2) конкретных предложений по совершенствованию ее законодательного регулирования. Для достижения указанных целей поставлены четкие исследовательские задачи, которые, надо признать, были успешно выполнены.

Ознакомление с содержанием диссертации позволяет заключить, что подготовительная работа по подбору и формированию теоретической, нормативно-правовой и эмпирической базы проводимого исследования выполнена на должном уровне. Диссертантом изучено достаточное по объему и необходимое по содержанию количество научных и правовых источников, проанализировано российское, казахстанское и зарубежное законодательство, международно-правовые нормы, все значимые научные точки зрения и взгляды по исследованным вопросам, использованы судебная практика Российской Федерации и Республики Казахстан, решения и позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, Верховного Суда Республики Казахстан, данные судебной статистики, подготовлено и проведено

собственное социологическое исследование — опрос посредством анкетирования 281 практического работника по актуальным для проводимого исследования вопросам. Результаты изучения эмпирического материала наглядно представлены в приложениях, нашли свое отражение в тексте диссертации и успешно использованы соискателем для подтверждения высказанных суждений, формулирования выводов и предложений.

Избранная методика исследования и степень апробации его результатов также заслуживают положительной оценки. Наряду с широко применяемыми общенаучными методами познания автор использовал и частные, характерные для юридической науки методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой и др.

Результаты диссертационного исследования в виде научных положений и выводов, практических предложений и рекомендаций получили достаточную проверку на состоятельность и необходимую апробацию путем их представления и обсуждения на научных конференциях различного уровня и внедрения в научную деятельность ряда высших учебных заведений и практическую деятельность следственного органа (СУ УМВД России по Волгоградской обл.), а также посредством девяти публикаций в научных изданиях, в том числе в трех рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Таким образом, теоретическая и эмпирическая основы, нормативно-правовая база диссертационной работы М. А. Жумашева, использованная при ее подготовке методика и уровень апробации **позволяют не сомневаться в достоверности результатов исследования** и основной части сделанных выводов.

Оценивая формальную сторону рецензируемой работы, следует отметить, что она структурирована грамотно, в соответствии с целями и задачами проведенного исследования, оформлена качественно и надлежащим образом. Содержание работы согласуется с ее структурой, изложено полно и последовательно. Работа выдержана строго в научном стиле, написана ясным, юридически грамотным языком, легко и с интересом читается, содержит необходимую аргументацию и отражает собственную позицию автора по всем исследованным вопросам.

Относительно содержательной части диссертации и по существу ее основных положений полагаем возможным высказать следующие суждения.

В первой главе работы, посвященной теоретико-правовым основам института реабилитации, М. А. Жумашев определяет и исследует основные этапы становления института реабилитации в уголовных судопроизводствах России и Казахстана, обоснованно отмечает, что необходимым условием развития данного института явилось осознание обществом во второй половине XX в. социальной значимости ответственности государства за вред, причиненный гражданину.

Всесторонне проанализировав современный зарубежный опыт регулирования вопросов реабилитации в уголовном процессе, соискатель выявил характерные для ряда европейских и азиатских стран особенности его конструирования и нормативного закрепления (отраслевая принадлежность норм института реабилитации, степень проработанности норм, регулирующих реабилитацию, и детализации процедуры восстановления прав реабилитируемых, регламентация «частичной реабилитации», перечень оснований для реабилитации, определение видов вреда, подлежащих возмещению в порядке реабилитации, и др.), что позволяет наметить возможные направления совершенствования российского и казахстанского институтов реабилитации с учетом зарубежного опыта.

Теоретически значимыми, базовыми для всего исследования явились рассмотренные в третьем параграфе первой главы вопросы о содержании понятия «реабилитация» и структуре реабилитационного процесса. Проанализировав противоречивые уголовно-процессуальные нормы и различные подходы к понятиям «реабилитированный», «право на реабилитацию», «реабилитация» и смежному с последним понятию «возмещение вреда», автор пришел к верному, на наш взгляд, суждению о необходимости более четкого размежевания понятий «реабилитация» и «возмещение вреда» в контексте нормы главы 18 УПК РФ и сделал правильный вывод, что реабилитированный — тот, с кого «сняли» обвинение или кого оправдали, кого признали в той или иной форме «невиновным» или непричастным к совершению общественно-опасного деяния. Исходя из данного тезиса, М. А. Жумашев формулирует собственное определение понятия реабилитации, в содержание которого в качестве первичного и обязательного элемента закономерно включает признание невиновности лица процессуальным решением субъекта, ведущего производство по уголовному делу, на основе которого и возникает обязанность государства восстановить прежнее правовое состояние лица, а также возместить причиненный ему вред (с. 87).

В то же время, раскрывая сущность реабилитации через результат процессуальной деятельности («признание невиновности процессуальным решением») и возникшую в связи с этим указанную обязан-

ность государства, соискатель почему-то не включил в содержание понятия реабилитации саму деятельность по восстановлению прав реабилитированного и возмещению вреда, причиненного ему незаконным уголовным преследованием и (или) осуждением (*положение 3, вынесенное на защиту*), тогда как обязанность и действия, обеспечивающие ее реализацию, надо полагать, не одно и то же. Позиция соискателя в данной части не совсем понятна и требует уточнения: далее в работе в содержательном плане выделяются предметно-целевой и процессуально-процедурный элементы реабилитации, последний из которых, по мнению соискателя, все же охватывает процессуальную деятельность (и с этим нельзя не согласиться) по восстановлению прежнего правового состояния реабилитированного, возмещению ему имущественного ущерба и компенсации морального вреда (*положение 4, вынесенное на защиту*).

С позиции теории правоприменения и теории судебно-уголовных производств недостаточно убедительным и, следовательно, требующим дополнительной аргументации представляется утверждение автора о том, что «процессуально-процедурный элемент» реабилитации представляет собой «обособленный правоприменительный цикл» (с. 88). Верно определив в этой части работы, что реабилитация процедурно разделяется на два этапа, автор не учел, что они не образуют единого юридического процесса, а каждый из них проходит в рамках отдельного уголовного производства: основного производства по уголовному делу и судебно-реабилитационного производства, охватывающих собственный, присущий им правоприменительный цикл, характеризующийся специфическим предметом, кругом субъектов, набором правоприменительных актов и другими признаками. При этом в российском правовом пространстве очевидна и процессуальная неоднородность второго этапа, на котором могут иметь место отличные и обособленные друг от друга судебные производства по взысканию имущественного вреда и восстановлению неимущественных прав (в порядке уголовного судопроизводства) и компенсации морального вреда (в порядке гражданского судопроизводства) — каждый из них оформляет самостоятельный правоприменительный цикл.

Во второй главе диссертации в сравнительно-правовом ключе исследованы основания возникновения права на реабилитацию в законодательных моделях России и Казахстана и реализация данного права.

Соискателем тщательно проанализированы процессуальные нормы, устанавливающие право на реабилитацию, выявлены проблемы их дефектности, конкуренции и несогласованности с иными положениями процессуального закона, произведена оценка качества и точности нормативных формулировок, по результатам чего сделан вывод о существенном сходстве и определенных различиях оснований реабилитации, установленных УПК РФ и УПК РК, высказаны вполне разумные и аргументированные суждения о необходимости содержательной корректировки и оптимизации перечня оснований возникновения права на реабилитацию с учетом положительного и негативного опыта их регламентации в каждой из указанных стран.

Исходя из методологически верного, отражающего суть и смысл реабилитации, мнения, что основанием реабилитации должно являться признание лица невиновным (непричастным) в установленном законом порядке (с. 110—111), соискатель обоснованно разделяет предусмотренные процессуальным законодательством России и Казахстана основания реабилитации на две группы: фактически дезавуирующие обвинение и формально-реабилитирующие, — конкретизируя, что в последних, в отличие от первых, невиновность не утверждается, а всего лишь презюмируется в силу процессуальной невозможности (незаконности) дальнейшего осуществления уголовного преследования (с. 114—116, 129, *положения 5, 6, вынесенные на защиту*).

Далее автор исследует и, надо признать, весьма плодотворно, такие сложные, теоретически дискуссионные и отличающиеся правовой неопределенностью вопросы, как понятие и правосубъектность реабилитированного, его процессуальный статус и соотношение последнего с полномочиями властных субъектов уголовного судопроизводства. Результатом явились важные научные выводы о том, что реабилитированный — особый участник уголовного судопроизводства с особым правовым статусом, который нуждается в четкой и полной законодательной регламентации своих прав и обязанностей и, прежде всего, права быть извещенным о признании за ним права на реабилитацию, содержании этих прав и порядке их реализации (с. 118—131), что реабилитированный в силу публично-правового характера реабилитационных отношений нуждается в более активной деятельности, а значит и в установлении соответствующих обязанностей властных субъектов уголовного процесса по устранению негативных последствий для его социального, имущественного и правового состояния, вызванных незаконным уголовным преследованием и (или) осуждением. В этом направлении автором выдвинуты заслуживающие внимания конкретные предложения, адресованные законодателю.

Положительно оценивая результаты и выводы диссертанта в исследовании правового положения реабилитированного лица, не можем не обратить внимание, что для его терминологического обозначения автор по тексту употребляет лексические обороты, имеющие смысловые различия: «реабилитированный», «лицо, подлежащее реабилитации», «лицо, имеющее право на реабилитацию» (например, с. 123, 125, 128). В связи с этим, а также учитывая, что определение реабилитированного («адресата реабилитационных мер») не вынесено на защиту, представляется целесообразным предложить соискателю более однозначно указать момент появления данного субъекта в уголовном процессе, содержательно уточнить понятие «реабилитированный» и соотнести или разграничить его с иными вышеупомянутыми понятиями.

Значимой частью диссертационной работы является предпринятое М. А. Жумашевым исследование деятельности субъектов реабилитационного процесса со всеми ее особенностями и недостатками. Автор пришел к важному для понимания специфики реабилитационного производства и возникающих в его рамках правоотношений теоретическому выводу о том, что в реабилитационных процедурах проявляется симбиоз частноправовых и публично-правовых элементов (правовых средств), характерных для различных отраслей материального и процессуального права (*положение 7, вынесенное на защиту*), что согласуется со сложившимися в российской уголовно-процессуальной доктрине представлениями о комплексном (межотраслевом) характере правового института реабилитации.

Достаточно аргументированными и заслуживающими дальнейшего научного осмысления представляются суждения автора по вопросам содержания обязанностей властных субъектов реабилитационного процесса и реабилитированного лица, их соотношения и распределения активности между указанными субъектами в процедуре восстановления прав реабилитированного. Согласно отстаиваемой автором позиции, процессуальный статус реабилитированного должен определяться исходя из его «пассивной субъектности» и коррелировать с дополнительными обязанностями властных субъектов по обеспечению реализации восстановительных мер.

В третьей главе диссертации М. А. Жумашев, продолжая придерживаться сравнительно-правового подхода, обратился к рассмотрению отдельных правовых ситуаций, возникающих при реализации норм института реабилитации в уголовном процессе России и Казахстана. В данной главе не менее успешно, чем в предыдущей части работы, соискатель исследовал имеющие теоретическое и прикладное значение вопросы реабилитации, связанные с частичным оправданием или прекращением уголовного дела (преследования) в части, с незаконным применением иных мер уголовно-правового характера, а также с признанием права на реабилитацию умерших лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию.

К важным и значимым результатам данной части исследования следует отнести выводы о том, что: а) частичная реабилитация допустима, но только в случае, когда констатируется невиновность лица в части ранее вмененного обвинения (с. 189); б) в число адресатов реабилитационных мер могут входить правопреемники умершего лица, в отношении которого производство по уголовному делу продолжено и завершено решением о прекращении дела по реабилитирующим основаниям (с. 190); в) лицо, в отношении которого были применены принудительные меры медицинского характера или принудительные меры воспитательного воздействия, обретает право на реабилитацию (статус реабилитированного), если впоследствии будет признано, что в его деянии отсутствуют признаки преступления, не доказано событие преступления (общественно-опасного деяния) или не установлена причастность лица к имевшему место преступлению (общественно-опасному деянию), в остальных же случаях признания применения указанных мер уголовно-правового характера незаконным лицо вправе рассчитывать только на возмещение причиненного вреда и восстановление иных нарушенных прав (с. 207).

В целом следует признать, что все поставленные на исследование вопросы рассмотрены соискателем тщательно и добросовестно, по каждому из них выражены собственные аргументированные мнения, которые вполне ясно и последовательно изложены в заключительных выводах и нашли логическое выражение в предложениях по совершенствованию процессуального законодательства России и Казахстана.

В результате проведенного исследования М. А. Жумашевым **разработан ряд новых теоретических положений,** позволяющих расширить научные знания о природе, содержании и механизме реализации института реабилитации. К результатам, обладающим свойством новизны, полагаем, можно отнести:

— выработанный автором человекоцентричный подход к пониманию реабилитации в аспекте ценности официального утверждения субъектов, ведущих уголовный процесс, о невиновности лица, лежащего в основе реабилитации как правового явления;

— выявленные особенности правовой регламентации оснований и порядка процесса реабилитации в Российской Федерации, Республике Казахстан и ряде других зарубежных стран;

— сформулированные авторские дефиниции «реабилитация» и «частичная реабилитация»;

— выделение в реабилитации как правовом явлении предметно-целевого и процессуально-процедурного элементов;

— обоснование разделения оснований реабилитации на фактически дезавуирующие обвинение и формально-реабилитирующие;

— предложение и обоснование унифицированного перечня оснований реабилитации для уголовного судопроизводства России и Казахстана, разделенного на две группы в зависимости от наличия в правоустанавливающем процессуальном акте утверждения о невиновности лица или только утверждения о незаконности производства по делу в связи с нарушением норм уголовно-процессуального закона;

— обоснование «пассивной субъектности» реабилитированного и сопутствующей ей обязанности властных субъектов по принятию мер к восстановлению его прав;

— вывод о необходимости полной законодательной регламентации процессуального положения реабилитированного как особого субъекта уголовного процесса с закреплением в отдельной «статусной» норме;

— выработка основных направлений модернизации российской и казахстанской моделей реабилитации и комплекса предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства двух стран в данной части, большинство из которых убедительно аргументированы, научно обоснованы и заслуживают поддержки.

В заключение можно констатировать, что рецензируемая диссертация представляет собой самостоятельную, законченную научно-квалификационную работу, которая обладает внутренним единством, актуальностью и новизной, содержит научные результаты и положения, которые можно квалифицировать как решающие научную задачу, имеющую важное значение для развития уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Казахстан, и отражающие личный вклад соискателя в развитие науки уголовно-процессуального права.

Изложенные выше отдельные замечания по содержанию работы носят преимущественно дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации, не умаляют ее научный уровень, теоретическую и практическую значимость.

Таким образом, диссертация М. А. Жумашева на тему «Институт реабилитации в уголовном процессе: законодательное закрепление и проблемы реализации (российская и казахстанская модели)» соответствует научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» и в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Максат Асылханулы Жумашев, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки».

Борис Павлович Смагоринский,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДАНИЛЯ ИЛЬДАРОВИЧА КАЛИМУЛЛИНА «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Практика борьбы с преступностью особо остро нуждается в современных исследованиях по проблемам расследования и раскрытия наиболее тяжких преступлений. Часто складываются ситуации, когда криминалистическое обеспечение расследования преступлений не успевает за стремительными изменениями в уголовном законодательстве. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Практические работники столкнулись с отсутствием методических рекомендаций, реализация которых позволила бы эффективно расследовать данный вид преступлений. В настоящее время только начала складываться судебно-следственная практика применения ст. 210.1 УК РФ, нередко допускаются методические и тактические ошибки при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, не позволяющие успешно и объективно расследовать преступления указанного состава.

В связи с этим тема диссертационного исследования Д. И. Калимуллина представляется *актуальной* и имеющей научно-практическую значимость для теории криминалистической методики и криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида.

Задачи и цель, сформулированные в диссертации, предопределили направления и комплексный характер работы, логику ее структуры и обоснованную последовательность изложения затрагиваемых проблем.

Научная новизна исследования характеризуется тем, что на монографическом уровне комплексно исследованы криминалистические проблемы и особенности расследования занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Автором предложена структура криминалистической характеристики занятия высшего положения в преступной иерархии, описаны основные ее элементы, выявлены корреляционные связи между ними. На основе ситуационного подхода им выявлены и проанализированы следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования, разработаны алгоритмы действий следователя для их разрешения; определены особенности и разработаны рекомендации по реализации первичной информации о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии. Раскрыто содержание первоначального этапа расследования рассматриваемой категории уголовных дел, разработаны тактические рекомендации по производству следственных действий, использованию специальных знаний и применению мер преодоления противодействия при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Представляется, что поставленная Д. И. Калимуллиным цель исследования — разработка теоретических положений расследования занятия высшего положения в преступной иерархии и предложений и рекомендаций, позволяющих повысить эффективность расследования этих преступлений, — в целом достигнута, поставленные задачи решены. Этому в немалой степени способствовал правильный методологический подход к исследованию проблемы, использование диссертантом обширного круга научных источников по проблематике исследования, логичность процесса исследования и выражения его результатов.

Объект и предмет диссертационного исследования определены верно, в соответствии с паспортом научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Применительно к проблематике диссертационного исследования эффективно, с получением отличающихся новизной результатов использован комплекс общих и частных методов научного познания.

Эмпирическая база исследования достаточно обширна и репрезентативна, включает статистические данные и аналитические результаты изучения следственной и судебной практики по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии, интервьюирования сотрудников органов следствия, оперативных подразделений и осужденных.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что предложенные выводы имеют значение для развития системы научных положений криминалистического обеспечения расследования преступлений, в частности расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, могут быть использованы при совершенствовании норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, организации и тактики расследования преступлений этого вида. Кроме того, выводы и предложения автора могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений для проведения занятий по курсу криминалистики и другим учебным дисциплинам уголовно-правового цикла, а также для профессиональной переподготовки сотрудников правоохранительных органов.

Результаты диссертационного исследования по форме и содержанию изложены в соответствии с требованиями, предъявляемыми к кандидатским диссертациям. Структура диссертации отвечает принципу внутреннего единства, имеет стройную логику изложения и состоит из введения, трех глав, содержащих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Главы и параграфы работы взаимосвязаны, носят завершенный характер, содержат самостоятельные предложения и выводы.

Основные положения диссертационного исследования получили отражение в пяти научных статьях, четыре из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что диссертационное исследование Д. И. Калимуллина обладает необходимой актуальностью и научной новизной, а его результаты имеют существенное теоретическое и практическое значение для криминалистической науки и следственной деятельности.

Во введении диссертантом раскрыты актуальность и степень разработанности темы диссертационного исследования, сформулированы объект, предмет, цель, задачи, нормативная, теоретическая, методологическая и эмпирическая основы исследования, обоснована его научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту, показана теоретическая и практическая значимость исследования, достоверность и обоснованность полученных результатов, приведены сведения об апробации результатов исследования и о структуре работы.

Первая глава диссертации «Криминалистическая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии» включает в себя четыре параграфа и посвящена рассмотрению вопросов понятия преступлений этого вида, структуры и содержания их криминалистической характеристики.

В первом параграфе «Понятие, сущность и значение криминалистической характеристики» рассмотрены общетеоретические основы такой научной категории, как «криминалистическая характеристика». Проведен анализ существующих подходов к определению понятия и сущности криминалистической характеристики. Раскрыта типичная структура криминалистической характеристики и исследовано ее значение для расследования преступлений.

Во втором параграфе «Криминалистическая характеристика личности преступника, занимающего высшее положение в преступной иерархии» определено криминалистическое понятие «личность преступника», выявлена и описана структура изучения личности преступника, занимающего высшее положение в преступной иерархии, исследованы свойства и качества его личности, выявлены и описаны корреляционные связи между ними.

В третьем параграфе «Криминалистическая характеристика способа занятия высшего положения в преступной иерархии» проанализировано криминалистическое понятие «способ совершения преступления», выявлена и описана структура рассматриваемого понятия, исследованы его структурные элементы (этапы) применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии, выявлены и описаны корреляционные связи.

В четвертом параграфе «Криминалистическая характеристика обстановки занятия лицом высшего положения в преступной иерархии и иных элементов» описаны такие структурные элементы криминалистической характеристики занятия высшего положения в преступной иерархии, как обстановка совершения преступления, следовая картина преступления, системная преступная иерархия, криминальная атрибутика, преступные традиции (обычаи) и др.

Глава вторая «Организационно-тактические особенности первоначального этапа расследования занятия высшего положения в преступной иерархии» включает три параграфа.

В первом параграфе «Особенности использования результатов оперативно-разыскной деятельности при получении первичной информации о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии» определены организационно-тактические особенности использования первичной информации о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии. Абсолютное большинство подобной информации добывается в результате оперативно-разыскной деятельности, в связи с чем требуется научно обоснованное обеспечение ее тщательной оценки в целях дальнейшего использования в расследовании рассматриваемого вида преступления.

Во втором параграфе «Следственные ситуации, складывающиеся на момент первоначального этапа расследования занятия высшего положения в преступной иерархии» проанализирована научная категория «следственная ситуация», раскрыто содержание ситуационного подхода как метода исследования, дана криминалистическая классификация следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования, разработан алгоритм разрешения сложившейся следственной ситуации.

В третьем параграфе «Способы противодействия расследованию занятия высшего положения в преступной иерархии и пути его нейтрализации» проанализирована такая категория, как «противодействие предварительному расследованию», определены основные способы противодействия расследованию занятия высшего положения в преступной иерархии, разработаны и предложены пути его нейтрализации.

Глава третья «**Тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии**» включает два параграфа.

В первом параграфе «Тактические особенности производства следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого)» определена оптимальная последовательность производства следственных действий, описана тактика производства отдельных следственных действий с участием подозреваемого / обвиняемого, сформулированы и предложены конкретные рекомендации, направленные на повышение эффективности и результативности производства следственных действий с участием рассматриваемой категории преступника.

Во втором параграфе «Тактические особенности производства следственных действий с участием иных лиц» описана тактика производства отдельных следственных действий с участием иных лиц, сформулированы и предложены конкретные рекомендации, направленные на повышение эффективности и результативности производства следственных действий с их участием.

В **заключении** сформулированы основные выводы по итогам диссертационного исследования.

В приложениях отражены результаты исследования и анализа эмпирической базы в виде диаграмм, что делает их более наглядными и репрезентативными.

К числу достоинств работы в целом можно отнести использование автором значительного числа примеров из следственной и судебной практики при аргументации своих выводов и предложений.

Ознакомление с диссертацией Д. И. Калимуллина позволяет сделать вывод, что в работе нашли отражение и результаты теоретических исследований, и практические рекомендации. Выводы и предложения диссертанта, а также положения, выносимые на защиту, в целом обоснованны и аргументированны.

На основе изложенного можно резюмировать, что результаты диссертационного исследования Д. И. Калимуллина являются *достоверными* и *обоснованными*, репрезентативными и полученными самостоятельно.

Характеризуя работу Д. И. Калимуллина в целом, следует отметить, что диссертация представляет собой завершенное исследование, ее оформление отвечает необходимым требованиям. Текст диссертации носит научный и логически завершенный характер, написан доступным языком, основан на современных источниках изучаемых проблем и соответствует установленным критериям, что является основанием для общей положительной оценки диссертации.

Автореферат соответствует структуре и содержанию диссертации.

Вместе с тем, отмечая достоинства диссертации, необходимо обратить внимание, что представленная работа, как результат любой научной деятельности, содержит отдельные дискуссионные положения и вопросы, требующие дополнительного пояснения:

1. Обосновывая актуальность темы исследования (с. 5—6), автор указывает, что наличие 20,3 % оправдательных приговоров обусловлено отсутствием научного обеспечения, разработанной частной методики расследования рассматриваемого вида преступлений. В условиях состязательности в уголовном процессе вызывает определенные сомнения категоричность данного вывода автора. Не исключено, что оправдательные приговоры были вынесены в связи с отсутствием состава преступления.

2. В положении 9, вынесенном на защиту (с. 15), а также более подробно в параграфе 2.2 диссертации (с. 94) автор предлагает следующую классификацию типичных следственных ситуаций в *зависимости от оказываемого противодействия:*

— подозреваемый оказывает конфликтное противодействие;

— подозреваемый противодействия не оказывает;

— противодействие оказывается друзьями, родственниками подозреваемого, членами преступного сообщества, иными заинтересованными в исходе дела лицами.

Полагаем, что данное предложение подлежит уточнению, так как предлагаемая автором третья ситуация, когда противодействие оказывается иными лицами, может быть частью и первой, и второй ситуации. Кроме того, насколько удачно использование термина «конфликтное» противодействие? Можно ли предположить, что существует «бесконфликтное» противодействие? И что в таком случае понимается под этими терминами?

3. В положении 9, вынесенном на защиту (с. 15), а также в параграфе 2.1 диссертации (с. 93) автор предлагает следующую классификацию типичных следственных ситуаций в зависимости от *местонахождения подозреваемого:*

— в исправительном учреждении;

— является местным жителем, находится на территории субъекта — органа расследования;

— находится в ином регионе;

— находится за пределами Российской Федерации.

Не совсем очевидна целесообразность данного предложения, особенно в части выделения следственной ситуации в зависимости от того, находится ли подозреваемый на территории субъекта — органа расследования или в других регионах Российской Федерации.

4. В параграфе 3.1 диссертации (с. 112) автор, исходя из целей прогнозируемого результата производства следственных действий с участием преступника, выделяет: первоначальные следственные действия с участием подозреваемого, последующие следственные действия с участием обвиняемого, заключительные следственные действия с участием обвиняемого. В связи с этим возникает вопрос: насколько обоснованно разделение следственных действий в зависимости от уголовно-процессуального статуса лица? И куда в таком случае отнести, например, освидетельствование обвиняемого? Или обыск, который автор относит к первоначальным следственным действиям с участием подозреваемого, в случае его производства с участием обвиняемого?

5. В параграфе 3.1 диссертации (с. 119) автор приходит к выводу, что использование стандартных тактических приемов допроса в отношении подозреваемых лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, неуместно и необходимо применение особых тактических приемов. Мы не можем согласиться с таким категоричным выводом диссертанта. Этот вопрос требует пояснения в ходе защиты диссертации.

6. В параграфе 3.1 диссертации (с. 136) автор указывает, что предъявление окончательного обвинения и допрос обвиняемого по существу предъявленного обвинения является процессуальным документом, завершающим процесс расследования и подводящим его окончательные итоги. На наш взгляд, данное утверждение является спорным и с точки зрения уголовного процесса, и с криминалистической. Этот вопрос также требует пояснения в ходе защиты диссертации.

Приведенные замечания и пожелания во многом имеют дискуссионный, рекомендательный характер и в целом существенно не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования.

Всесторонний анализ текста диссертации и автореферата позволяет сделать **следующий вывод.**

Диссертация Даниля Ильдаровича Калимуллина «Криминалистические особенности расследования занятия высшего положения в преступной иерархии» является законченной самостоятельной научно-квалификационной работой. В ней сформулированы теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. По содержанию и форме диссертационное исследование *соответствует* требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук и предусмотренным пп. 9—11 положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Даниль Ильдарович Калимуллин заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru)**, электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи должны быть подготовлены в редакторе Microsoft Word в формате А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм. Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц. Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте. Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию[1] на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);

— ключевые слова[2] на русском и английском языке;

---

[1] **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

[2] **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного

— сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);

— пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;

— код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

— копия подписной квитанции;

— заявка (бланк на сайте);

— идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо направить на сайт: *https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view*;

— отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
Сайт: https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view
Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

— актуальность;

— научная новизна;

— теоретическая и прикладная значимость;

— исследовательский характер;

— логичность и последовательность изложения;

— аргументированность основных положений;

— достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают его основное содержание. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА[1]
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью «_____
_____»
название статьи
в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.

2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.

3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).

4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).

5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения[2]:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

«___» _____ 20___ *подпись* *фамилия, инициалы*[3]

[1] Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.
[2] Таблица заполняется на каждого автора.
[3] Заявка подписывается каждым автором.